
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 9, № 3, 2017

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

SOCIETY OF RUSSIA: HISTORICAL SPACE, LINGUISTIC STRUCTURES AND PHILOSOPHICAL VALUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 9, Number 3, 2017

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2017

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2017

Science and Innovation Center Publishing House

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 3, 2017, 274 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values, Volume 9, Number 3, 2017, 274 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2017

Члены редакционной коллегии

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация).

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина» (Саратов, Российская Федерация).

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация).

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация).

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация).

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация).

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, Член Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация).

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация).

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация).

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация).

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация).

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация).

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация).

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация).

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация).

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация).

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д. С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация).

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация).

Editorial Board Members

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI "Higher school of social relationships" (Minusinsk, Russian Federation).

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department "Foreign Languages and Professional Communication", Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation).

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation).

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G.Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation).

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation).

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation).

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Member of the All-Russian Public Organization "Russian Association of Linguists and Cognitive Scientists" (St. Petersburg, Russian Federation).

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor of the Management Department, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation).

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science and History, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation).

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Anthropology, Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russian Federation).

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation).

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation).

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation).

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation).

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation).

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation).

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution "Kirov Regional Museum of Local Lore", Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions "Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen" (Kirov, Russian Federation).

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ФОЛЬКЛОРНЫЙ,
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРСЫ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ
ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРАКТИВНОЙ КАРТЫ**

**REGIONAL IDENTIFICATION
AND SELF-IDENTIFICATION OF THE RESIDENTS
OF THE YENISEI SIBERIA: FOLKLORE, ETHNOGRAPHICAL,
LINGUOCULTUROLOGICAL AND LITERARY TYPES
OF DISCOURSE AS WELL AS THEIR ACTUALIZATION
BY MEANS OF THE INTERACTIVE MAP**

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-7-22

УДК 82-34

**ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ**

Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А.

***Цель.** Статья посвящена выявлению показателей процесса региональной самоидентификации, воплощенной в автобиографической прозе, созданной непрофессиональными авторами – жителями Приенисейской Сибири в начале XXI в. Объектом рассмотрения стали произведения, опубликованные в региональных журналах и альманахах.*

***Методология и методы проведения работы.** При анализе автобиографической прозы актуализируются историко-культурный, литературный, этнографический дискурсы. Используются методы дискурсивного, контекстуального и семантического анализа.*

***Результаты.** Представленные в автобиографической прозе события календарно-хозяйственного цикла (Пасха, помочи, уборка*

дома, постройка зимовья и др.), народный календарь, семейные праздники, по мнению авторов статьи, отражают неосознанное стремление сибиряков к конструированию этнической идентичности, в основе которой – нравственно-эстетический идеал народной крестьянской культуры, определяющий отношение человека к природе, семейные ценности, хозяйственный порядок.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы при чтении спецкурсов, посвященных проблемам региональной идентификации и самоидентификации, фольклора, этнографии и культуры Приенисейской Сибири.

Ключевые слова: региональная самоидентификация автора; автобиографическая проза; этнокультура; этническая идентичность; дом; народный календарь; дискурс; Приенисейская Сибирь.

THE REFLECTION OF REGIONAL SELF-IDENTIFICATION IN AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE YENISEI SIBERIA AUTHORS

Bakhor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A.

Purpose. The article is devoted to characteristic of the regional self-identification process, reflected in the autobiographical prose of the Yenisei Siberia region authors created in the 20th century. The objects of consideration are works published in regional journals and almanacs.

Methodology. The historical, cultural, literary and ethnographic discourses are actualized in the analysis of autobiographical prose. The techniques of discourse, contextual and semantic analysis are used.

Results. The events of the calendar and economic cycle (Easter, pomochi, house cleaning, construction of winter quarters, etc.) presented in the autobiographical prose, the folk calendar, family holidays reflect the unconscious aspiration of the Siberians to the ethnic identity construction, based on the moral and aesthetic ideal of national peasant culture that defines the relation of man to the nature, family values, economic set-up.

Practical implications. *The materials of the article can be used when reading special courses on the issues of regional identification and self-identification, folklore, ethnography and culture of the Yenisei Siberia.*

Keywords: *regional self-identification of the author; autobiographical prose; ethnoculture; ethnic identity; house/home; folk calendar; discourse; the Yenisei Siberia.*

Признавая тождественность терминов «идентичность», «самосознание» и «самоопределение», считаем необходимым акцентировать внимание на том, что первый из них «фиксирует заостренно-отрефлектированные и символически маркированные моменты авторского самосознания в поисках самотождественности, его «кристаллизацию» [1]. При работе с литературным материалом мы исходили из наблюдения литературоведов о том, что провинциальные писатели конца XX – нач. XXI вв. приближаются «к непосредственному и острому переживанию своей идентичности, вырабатывая территориальное самосознание» [1]. Исходя из этого, основное внимание уделяем тому, как процесс самоидентификации проявляется в автобиографической прозе – «ретроспективном повествовании о себе, первостепенное значение в котором имеют события частной жизни и история становления личности рассказчика» [18, с. 10].

Несмотря на активные исследования автобиографической литературы отечественными и зарубежными учеными (С.С. Аверенцев, Л.Я. Гинзбург, Г. Гюсдорф, Г.Г. Елизаветина, Ф. Лежен, С.И. Машинский, Г. Миш, М. Медарич, Н.А. Николина, В.Л. Рабинович, Т.В. Радзиевская и др.), мы все еще можем говорить о том, что на данный момент нет единой общепризнанной классификации и определений автобиографических жанров (исповедь, мемуары, автобиография, дневник и др.).

Вслед за одним из наиболее авторитетных в этой области зарубежных литературоведов Ф. Леженом наиболее существенными признаками автобиографической литературы мы также будем считать номинальное совпадение автора, повествователя/рассказчика

(героя), повествование о частной жизни создателя произведения, ретроспективность изображения, преимущественно хронологическую последовательность изложения, прозаическую форму» и др. [19, с. 6–26].

Исследователи неоднократно указывали на то, что «автобиографические произведения, ориентированные на правдивое отражение действительности, не всегда отличаются достоверностью», т.к. «в них имеет место не столько правда факта, сколько правда человека, личности, осмысляющей мир вокруг себя и себя в этом мире» [9]. Исходя из вышеизложенного, основное внимание будем уделять деятельности региональных писателей, которых часто относят к авторам «второго ряда» («самодетельным», «непрофессиональным» и т.п.), т.к., по общеизвестному замечанию Ю. Тынянова, не только творчество «литературных генералов» определяет особенности историко-литературного процесса эпохи. Безусловно, более выпукло, отчетливо и наглядно закономерности литературного процесса, особенно литературный дискурс региональной самоидентификации, представлены в творчестве региональных писателей, репрезентирующих локально обусловленную художественную картину мира. При этом следует учитывать, что речь идет не столько о художественном воплощении специфических природных и/или социально-культурных обстоятельств, сколько о «специфической интерпретации общего» (в терминологии С.Ю. Неклюдова), под которым, прежде всего, имеется в виду инвариант народной культуры. Среди зарубежных ученых, работающих в этой области, для нас актуальными являются наблюдения С. Хантингтона, неоднократно подчеркивающего превалирование общечеловеческих ценностей в национальной идентичности [17, с. 75–85] и указывающего на то, что большинство людей считает самой важной культурную идентичность [16]. В этом контексте вполне органично наше обращение к автобиографической прозе, т.к. «тяга к самопознанию – не только актуальное умонастроение, но и родовое свойство русской культуры» [1]. Более того, именно автобиографической прозе, по справедливому замечанию Л.Б. Караевой, принадлежит особая роль «в формировании па-

раметрической модели самоидентификации», включающей в себя этнокультурную, пространственную и др. составляющие [7, с. 123].

Проблемам региональной идентификации уделяют большое внимание известные фонды (РГНФ, РФФИ и др.), активно поддерживающие изучение ее различных аспектов, в т.ч. и касающихся Приенисейской Сибири. Современные исследователи рассматривают отражение процесса самоидентификации в языковой картине мира жителей региона [2; 8; 14; 15], выявляют маркеры региональной самоидентификации в гимнах малых городов, поселков и в лирических стихотворениях, воспевающих природу родного края [3; 4; 6].

При отборе произведений автобиографической прозы, созданных авторами – жителями названного региона, мы использовали такие издания, как «Новый Енисейский литератор» (литературный альманах), «Енисей» (литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей), «Радуга» (художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба) и др.

Этнокультурная составляющая процесса самоидентификации представлена в автобиографических произведениях, повествующих о распространенных в Сибири старинных праздниках, обрядах и ритуалах, ремеслах и т.п. Своеобразное, неосознанное носителями конструирование этнической идентичности представлено в малой прозе М. Кузьминой как следование родовым/семейным традициям. Так, ее рассказ «Пасха» [12, с. 29–33] начинается характерным для автобиографического нарратива указанием на ретроспективность изображения: «Вспоминаю события более чем полувековой давности. Мы готовимся к Пасхе» [12, с. 29–30]. Далее подробно описывается уборка дома, являющаяся этапом подготовки к празднику: «дом уже выбелен <...> все перемыто и вычищено <...> Домотканые половики мы стирали в бане щетками, потом папа приводил из колхозной конюшни коня, запряженного в сани, эти половики грузили в них и везли полоскать на речку...» [12, с. 29–30]. Здесь отчетливо проявляется народное православие, синкретично сочетающее религиозные и языческие верования и обряды. Упоминаемые домотканые половики, как известно, относятся к оберегам,

актуализирующим жизненные силы человека. Таковы домотканые дорожки, расстилаемые вдоль половиц – символ ровного пути, жизненной дороги. Круглые и овальные самодельные коврики являются солярными знаками – оберегами для человека, разделяя свое и чужое пространство. Упомянутое в рассказе М. Кузьминой полоסקание дорожек в проруби заставляет вспомнить т.н. «пасхальные ручьи», символизирующие грядущее обновление мира.

Как видим, в этом рассказе представлен процесс реконструирования миропорядка в пороговый период жизни человека/человечества – перед христианским праздником, знаменующим переход от смерти к жизни. Именно так ощущался и переживался это праздник в период, когда запрещено было отмечать календарные даты, связанные религиозными событиями: «Мы не знали тогда о страданиях Христа, о великом торжестве его Воскресения. Но мы ощущали эту радость, она была в наших душах. Мы готовились к этому празднику, интуитивно чувствуя, что это всенародное торжество» [12, с. 33].

Отражение важнейшей пасхальной символики мы видим в особом отношении сибиряков к цветам, используемым для украшения дома: «... посредине карниза мама прикрепляла для красоты огромный бумажный цветок. Эти цветы сделаны были из разноцветной бумаги и казались нам сказочно красивыми» [12, с. 31]. Как известно, пасхальные цветы символизируют воскрешение природы после зимних холодов.

Политика Советского государства, направленная на искоренение религии как несовместимой с марксистско-ленинской идеологией («... в то время о Боге никто особо не говорил...» [12, с. 32]), требовала новых технологий, нацеленных на создание современных для того периода моделей идентификации. По мнению ученых, «искусство советского плаката как рационально организованная сфера масштабного производства и распространения идеологически заряженных образов» и стало «принципиально новой для российской культуры технологией» [10, с. 9]. В рассказе М. Кузьминой «Пасха» отражено, по мнению историков, характерное для середины XX в. расширение «зоны воздействия» плаката за счет вовлечения «нового пространства

его функционирования» (деревенской избы, городского интерьера) [10, с. 9]: «Чтобы в избах было еще наряднее, женщины покупали у почтальона большие красочные плакаты, славящие партию, передовиков производства, пионеров и комсомольцев: «О, как нам нравились эти “картины”, которые наши родители прибавляли гвоздиками на стене! Приходя к друзьям, мы рассматривали у них такие же “картинные галереи”. Плакаты висели до следующей побелки, т.е. 7 ноября, а там заменялись новыми» [12, с. 32]. Как видим, плакаты репрезентировали авторитетные для этого периода модели идентификации в форме «культурных стереотипов» [10, с. 8]. Эти плакаты, прославляющие передовиков производства, пионеров-героев и др., становятся существенной составляющей иконографии «советского человека». Подобные модели идентификации помогали «человеку ориентироваться и планировать собственные стратегии адаптации и интеграции в пространстве советской культуры [10, с. 16].

В народном сознании XX в. Пасха была составной частью природно-хозяйственного цикла праздников, посредством которого осуществлялась трансляция передающихся от поколения к поколению знаний об устройстве мира и месте в нем человека, что, в свою очередь, способствовало этнокультурной идентификации и самоидентификации человека. Такое представление о народном календаре дано в автобиографическом рассказе М. Кузьминой «Листая календарь»: «<...> правильно или неправильно поступали односельчане, перемешивая языческие обряды с православными. Никто об этом даже не задумывался. Жили и жили, как велось исстари» [12, с. 34]. В середине XX в. для сибирской деревни народный календарь был более важен, чем официальный: «<...> хоть и висели в каждой избе <...> строгие календари социалистической эпохи, жизнь деревни шла по своему, особому календарю-месяцеслову с его удивительными названиями – Петр-полукорм, Еремей-запрягальник, Евдокия-Капельница...» [там же]. Даты этого календаря связаны с трудовой жизнью земледельца: «Петр-полукорм – значит, к этому дню половина корма израсходована, экономно рассчитывай, хозяин, то, что осталось» [там же].

Социокультурный синкретизм, характерный для народного календаря, М. Кузьмина объясняет свойственным для жителей Приенисейской Сибири представлением о тесной связи трудовой деятельности и природы: «Чередование сезонных событий, особенно в деревнях, где люди пахали и сеяли, растили скот, во многом зависели от милостей природы, всегда укладывались в этот закреплённый по дням и неделям круг крестьянского труда, круг домашнего, семейного и мирского быта, круг праздников, обычаев и традиций, круг явлений природы» [12, с. 34]. Так в рассказах М. Кузьминой проявляется характерное для автобиографической прозы стремление увидеть в собственном частном личном опыте инвариант народной культуры.

Наиболее зримо проблема идентичности связана с топосом дома, воплощающем целостную картину мира. В автобиографических произведениях образ дома, в котором прошли детство и юность, позволяет рассказчику вернуться к своему изначальному «я», осмыслить свой жизненный путь.

Дом становится центральным образом в рассказах М. Кузьминой «Отчий дом», В. Глуховой «Папа, расскажи мне случай», С. Зеленовой «На два дня в прошлое», А. Янжулы «Помочь» и др. С домом связана обыденная жизнь деревенской семьи, в его пространстве происходило приобщение к традициям, укреплялась связь поколений: «Как часто ты снишься мне, старый деревенский дом <...> Щедрые и открытые жили здесь хозяева, мои мать и отец, выросшие нас, шестерых детей <...> Семнадцать внуков считали этот дом своим...» [11, с. 42–43].

С образом деревенского дома, являющегося символом целостного и единого бытия, соотносятся в автобиографической прозе главные ценности и смысл человеческого существования, среди которых – почитание предков, уважение к человеку и его природному окружению и др.: «В субботу после бани накрывался в самой большой комнате длинный стол, и садилась вся наша семья, человек около тридцати. Наверное, тихо радовался наш дом, видя такое многолюдье. В этих стенах угасали споры и распри, даже будучи недоволь-

ны друг другом, здесь мы мирились...» [11, с. 42–43]. Как видим, дом, представляя отграниченное от внешнего мира пространство, защищает человека не только от неблагоприятного природно-климатического воздействия, но и «является «уменьшенной моделью мира, позволяющей сохранить образ Космоса и препятствующей возвращению в Хаос» [13, с. 121], с которым и соотносятся враждебные человеку силы и устремления (вражда, зависть, неприязнь).

В автобиографических произведениях сибиряков дом предстает как «место жизнеосуществления человека и как способ его существования в рамках культуры... Дом является реалией, многогранно осваиваемой человеком в различные жизненные периоды и во многом составляющей смысл и цель жизни» [13, с. 121]. Это отчетливо проявляется в воспоминаниях А. Янжулы в картинах помочи – работ, выполняемых с помощью родственников и соседей: «Помочью» – когда собирают родню, друзей и соседей для разовой работы – в Сибири много чего делают. Надо сруб на дом поставить – созывай «помочь», за день поставят. Колодец ли выкопать, капусту на зиму пару бочек посолить, да мало ли чего по-крупному надо сделать. Коли ты хороший человек и в обществе тебя уважают – только свистни да стол накрой, а работников валом навалит. Работу гужом ломанут, а потом ещё и погуляют вволю» [5, с. 198].

Сооружение нового подвала на месте разрушенного и сгнившего у бабушкиного дома характеризуется А. Янжулой как процесс *события*, «затрагивающего смысложизненные основы человеческого бытия» [13, с. 121]. Участие в помочи становится мерой трудолюбия, нравственности человека, т.к. утверждаются смыслообразующие для его жизни ориентиры: «Прошло уже много лет... Я сам сегодня старше мужиков, копавших тот подвал, но я до сих пор отчетливо, порой до мелочей помню, как они работали. Песня, а не работа! Столько в них было радости оттого, что молодые, здоровые, что можно работать так, что черена у лопат гнутся, что это работа на людях, а от этого сил ещё больше прибавляется» [5, с. 201].

Большое внимание уделено в автобиографической прозе зимовью как временному охотничьему дому, в художественном осмыслении

которого региональные писатели более резко акцентируют его противостояние с внешним миром: «...весёлая и уютная золотисто-янтарная избушка, а в ней для всякого попавшего в беду путника есть и соль, и спички, и топор, и пила, и рыболовная леска с крючками, и рисовой крупы на неделю, и муки на три дня. Мы подумали о тебе, страждущий путник, так, войдя в наше жилище, подумай же и ты о других страждущих – не разори, не укради, заклинаю тебя – будь Человеком!» [5, с. 35].

Созидание является свойством, отличающим человека от животного: «Вся избушка изнутри янтарно светится свежеструганной древесиной и пахнет деревом и смолой. Любовно оглядываю стены, потолок, нары, стол, дверь, смотрю и на свои мозолистые руки, перепачканные древесной смолой, и с удивлением и гордостью думаю: «Ведь это ж всё сделано вот этими моими руками!» [5, с. 35].

Расположение зимовья («своего», обжитого пространства) в тайге (чужом, враждебном мире, опасном для человека) обостряет борьбу духовного и природного, переводя ее из метафизической плоскости в онтологическую. Об ответственности человека перед Космосом говорит А. Буйволов в рассказе «Мое зимовье», вспоминая о завещании отца, горько переживающего смерть потерпевшего аварию над тайгой летчика, не сумевшего воспользоваться зимовьем, ранее разоренным ворами: «Вот, сынок, все, что знал и умел, передал тебе <...> Пусть воруют, сынок, пусть. А ты оставляй, все равно оставляй! Помни, сынок, не для них, воров, оставляешь, а для доброго, страждущего человека. Из горсти добрых семян хоть один росток да взойдет, вот и сей всю жизнь. Нынче земля-матушка шибко в добрых ростках нуждается!.. Все мы люди, все мы человеки, и все плохое и хорошее – все наше, все общее, нами рожденное, нами и вскормленное. Помни об этом, сынок, – вот и все мое завещание» [5, с. 36]. Описанное таким образом в рассказе зимовье становится средством самоидентификации человека в его отношении с окружающей природой, с социумом, с Космосом, о чем свидетельствует избранная автором система координат: «Да, конечно, зимовье наше не Бог вещь какое строение, не храм, всего лишь избушка, но в ней

наш привет и приют Человеку, и мы уходим от нее с легким сердцем и чистой душой» [5, с. 36].

Таким образом, автобиографическая проза, воплощая процесс художественного самопознания, самосознания, саморефлексии жителей Приенисейской Сибири, отражает сложную параметрическую модель региональной самоидентификации как интегрирующего начала, актуализирующего жизнесмысловые ориентации личности. В произведениях определяются мера тождества модели жизни современного человека с тем образцом, которым, по мнению авторов, являлась жизнь предыдущего поколения, стремящегося к гармонии мира и человека. На это нацелены пороговые обряды и ритуалы, способствующие защите «своего» пространства и выстраиванию отношений с «чужим миром». Этому служит и стремление региональных писателей увидеть в насаждаемых культурных стереотипах инварианты народной культуры, объединяющей в гармоническое целое индивидуальное и коллективное, будничные быт и духовное бытие.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Абашева М.П. Русская проза в конце XX в.: становление авторской идентичности: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 409 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-proza-v-kontse-xx-v-stanovlenie-avtorskoi-identichnosti#ixzz4poQK1pCB> (дата обращения: 15.08.2017).
2. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей международной научно-практической конференции (20 октября 2016 г., г. Казань). В 3 ч. Ч.3. Уфа: АЭТЕРНА, 2016 г. С. 83–84.

3. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А. Региональные гимны как форма актуализации основных маркеров идентичности в локальном тексте // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (27). С. 105–119.
4. Векессер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (27). С. 120–134.
5. Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей / Редкол.: С. Кузичкин (и.о. гл. ред.) и др. 2008. № 1 (227). 212 с.
6. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3-2 (27). С. 195–207.
7. Караева Л.Б. Опыт этнокультурной самоидентификации в английской автобиографии XX века // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С.123–126.
8. Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С., Векессер М.В. Социолингвистический портрет школьников - подростков как речевой маркер региональной идентичности // Успехи современной науки. 2016, №9, том 4. С. 47–49.
9. Маратканова С.С. Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века (Кедра Митрей, К. Жаков). Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Саранск, 2005. 27 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskii-zhanr-v-permskikh-literaturakh-nachala-xx-veka-kedra-mitrei-k-zhakov> (дата обращения: 07.10.2017).
10. Николаева М.Ф. Советское плакатное искусство как материал для культурологического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. Т.1 (Гуманитарные науки). С. 323–326.
11. Радуга: художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба / Редкол.: Т.П. Попова (гл. ред.) и др. Красноярск: Класс плюс, 2013. № 2. 325 с.

12. Радуга: художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба / Редкол.: Т.П. Попова (гл. ред.) и др. Красноярск: Класс плюс, 2015. – № 3. 330 с.
13. Рымарович С.Н. Дом в философской картине мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. №2. С. 120–124.
14. Славкина И.А., Шмутьская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (27). С. 227–243.
15. Шмутьская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016. №9. Т. 4. С. 67–69.
16. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. 367 p.
17. Huntington S. Who are we? The challenges America's National identity. N.Y.: Simon and Shuster, 2004. 448 p.
18. Lejeune Ph. Pour l'autobiographie: chroniques. Paris: Seuil, 1998. 247 p.
19. Lejeune Ph. Signes de vie. Le pacte autobiographique 2. Paris: Seuil, 2004. 273 p.

References

1. Abasheva M.P. *Russkaja proza v konce XX v.: stanovlenie avtorskoj identichnosti* [Russian prose in the late XX century: Establishment of the author's identity]: Dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2001. 409 p.
2. Bahor T.A., Zyrjanova O.N., Lobareva V.S. Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii [Associative fields as an embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnye tehnologii nauchnogo razvitija: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific and practical conference (October 20, 2016, Kazan)]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
3. Bahor T.A., Zyrjanova O.N., Mazurova N.A. Regional'nye gimny kak forma aktualizacii osnovnyh markerov identichnosti v lokal'nom tekste

- [Regional anthems as a form of actualization of main identity marker in local text]. *Sovremennyye issledovaniya social'nyh problem*, no 3–2 (27). 2016, pp. 105–119.
4. Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoindetikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennyye issledovaniya social'nyh problem*, no 3–2 (27). 2016, pp. 120–134.
  5. *Enisej* [Yenisey] / S. Kuzichkin et al. 2008. № 1 (227). 212 p.
  6. Zyrjanova O.N., Bahor T.A., Mazurova N.A. Dendrologicheskie obrazy kak forma projavleniya regional'noj identichnosti v tvorchestve pojetov Krasnojarskogo kraja [Dendrological images as a form of manifestation of regional identity in the work of poets of Krasnoyarsk Krai]. *Sovremennyye issledovaniya social'nyh problem*, no 3–2 (27), 2016, pp. 195–207.
  7. Karayeva L.B. Opyt etnokul'turnoy samoidentifikatsii v angliyskoy avtobiografii XX veka [The experience of ethnocultural self-identification in the English autobiography of the twentieth century]. *Filologiya i kul'tura*, no 2 (32), 2013, pp. 123–126.
  8. Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Vekkesser M.V. Sociolingvisticheskiy portret shkol'nikov-podrostkov kak rechevoj marker regional'noj identichnosti [Sociolinguistic portrait of teenage schoolchildren as a speech marker of regional identity]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, tom 4, 2016, pp. 47–49.
  9. Maratkanova S.S. *Avtobiograficheskiy zhanr v permskikh literaturakh nachala XX veka (Kedra Mitrey, K. Zhakov)* [Autobiographical genre in Permian literature of the early XX century (Cedar Mitray, K. Jacob)]. Saransk, 2005. 27 p.
  10. Nikolayeva M.F. Sovetskoye plakatnoye iskusstvo kak material dlya kul'turologicheskogo issledovaniya [Soviet poster art as a material for cultural studies]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, no 1, 2012, pp. 323–326.
  11. *Raduga* [Rainbow] / T.P. Popova et al. Krasnoyarsk: Klass plyus, 2013. 325 p.
  12. *Raduga* [Rainbow] / T.P. Popova et al. Krasnoyarsk: Klass plyus, 2015. 330 p.
  13. Rymarovich S.N. Dom v filosofskoy kartine mira [House/Home in the philosophical worldview]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, no 2, 2013, pp. 120–124.

14. Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Mamaeva S.V., Vekkesser M.V. Verbal'nye markery regional'noj identichnosti (na materiale sovremennyh chokonimov) [Verbal markers of regional identity (on the basis of modern choconims)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 3–2 (27), 2016, pp. 227–243.
15. Shmul'skaja L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. Otrazhenie territorial'noj identichnosti v pis'mennyh rabotah shkol'nikov [Reflection of territorial identity in written works of schoolchildren]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, tom 4, 2016, pp. 67–69.
16. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. 367 p.
17. Huntington S. *Who are we? The challenges America's National identity*. N.Y.: Simon and Shuster, 2004. 448 p.
18. Lejeune Ph. *Pour l'autobiographie: chroniques*. Paris: Seuil, 1998. 247 p.
19. Lejeune Ph. *Signes de vie. Le pacte autobiographique 2*. Paris: Seuil, 2004. 273 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бахор Тамара Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
tamarales@mail.ru

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
onzryanova@mail.ru

Мазурова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и истории
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543, Российская Федерация
nadezhda.mazurova.59@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bakhor Tamara Andreevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature and History
Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
tamarales@mail.ru

Zyryanova Ol'ga Nikolaevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature and History
Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
onzyryanova@mail.ru

Mazurova Nadezhda Alekseevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature and History
Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
nadezhda.mazurova.59@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-23-40

УДК 81'42

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РАССКАЗЧИКА В КОНТЕКСТЕ МЕМОРАТА

*Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А.,
Шмульская Л.С.*

Цель. Статья посвящена актуальной проблеме сохранения региональной идентичности в условиях лингвокультурологической глобализации современного общества. Целью нашего исследования является выявление вербальных средств выражения региональной самоидентификации рассказчиков в контексте мемората. Объектом выступает самоидентификация рассказчика в речевом жанре мемората, а предметом – вербальные способы выражения региональной самоидентификации.

Методология и методы проведения работы. Обращение к жанру мемората при выявлении лингвистических способов региональной самоидентификации рассказчиков рассматривается в контексте региональной лингвистики с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода; используются методы дискурсивного и контекстуального анализа.

Результаты. В статье в теоретическом плане охарактеризован меморат с позиций теории речевых жанров. В работе показано, что рассказчики через актуализацию языковых средств соотносят себя со своим регионом, в результате происходит региональная самоидентификация. В эпоху языковой глобализации важно проводить исследования, которые посвящены региональной самоидентификации, в частности в контексте речевого жанра мемората.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе при чтении спецкурсов, связанных с проблемами региональной лингвистики.

Ключевые слова: речевой жанр; речевой жанр мемората; региональная самоидентификация.

REGIONAL AUTHORS SELF-IDENTITY DEMONSTRATION IN MEMORIAL CONTEXTS

*Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A.,
Shmul'skaya L.S.*

Purpose. *The article is devoted to the pressing issue of regional identity preservation under conditions of linguoculturological globalization in modern society. The purpose of our research is to identify verbal means of expressing regional self-identification of narrators in the memorial context. The object is the self-identification of the narrator in memorial genre and the subject is verbal means of expressing regional self-identification.*

Methodology and methods of work. *An appeal to the memorial genre, searching linguistic methods of the regional authors self-identity is considered in a context of regional linguistic from the perspective of communicative discourse approach; discursive and contextual methods are used.*

Results. *The article theoretically describes the memorat from the standpoint of the speech genres theory. The research shows the narrators through the actualization of language tools associate themselves with their native region, the result being the formation of regional self-identification. In the era of linguistic globalization it is important to study regional self-identification, in particular, in the context of the memorial speech genre.*

Practical implications. *Both the article materials and results can be applied in the educational process of reading special courses on regional linguistic issues.*

Keywords: *speech genre; memorial genre; regional self-identity.*

Сфера региональных исследований за последние двадцать лет заметно расширилась. В поле изучаемых объектов включаются не только диалектные единицы, лексика городов, но и тексты, которые обладают региональными чертами. Вопросы самоидентификации жителей Приенисейской Сибири рассмотрены в ряде работ. Так, рассмотрено воплощение региональной самоидентификации посредством ассоциативного эксперимента [1]; выявлены способы региональной самоин-

детификации авторов в художественном дискурсе указанного выше региона [5; 8; 11]; определён социолингвистический портрет школьников-подростков в аспекте региональной идентичности [12; 17]; охарактеризованы вербальные маркеры региональной идентичности [14].

Однако исследователи отмечают, что недостаточно разработанным остаётся понятие единицы регионального языка. Отсутствует и единство в выделении способов представления региональной информации, инвентарь средств описания регионального языкового сознания и классификация текстов, производимая по названным основаниям [9]. В связи с этим актуальным и теоретически значимым представляется рассмотрение мемората как речевого жанра и источника маркеров региональной самоидентификации рассказчика.

В современном обществе не перестают выделяться всё новые и новые речевые жанры. Но в связи с этим явлением не ослабевают внимание и изучение уже устоявшихся жанров во всевозможных сферах речевой деятельности [3; 4].

Согласно М.М. Бахтину, речевой жанр – это относительно устойчивый тип высказывания, который сформирован благодаря единению тематического содержания, стиля, композиционного построения и определён спецификой конкретной сферы общения. Наполняясь конкретным содержанием, эти общие признаки реализуются в единичных высказываниях и, тем самым, включаются в конкретную ситуацию общения [2]. Т.В. Шмелёва выделяет три подхода к проблеме речевого жанра: лексический, стилистический и речеведческий.

Лексический подход предполагает обращение к именам жанров, толкованию их семантики.

Стилистический подход согласуется с традициями литературоведения и предполагает анализ текстов в аспекте их жанровой природы.

Речеведческий подход исходит из того, что РЖ – это особая модель высказывания, из чего следует, что необходимо исследование его в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях [16].

Основываясь на сформулированных М.М. Бахтиным положениях, Т.В. Шмелёва выделяет семь конститутивных признаков рече-

вого жанра. Главнейший из них – коммуникативная цель, согласно которой все речевые жанры могут быть разделены на информативные (а), императивные (б), этикетные (в) и оценочные (г).

а) информативные имеют своей целью выполнение различных операций с информацией: её предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;

б) императивные предполагают следующую цель: вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-то из участников общения;

в) этикетные – цель которых – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и др.;

г) оценочные изменяют самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей.

Другими жанрообразующими признаками выступают: образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания и способ языкового воплощения [16].

В дополнение типологии речевых жанров Т.В. Шмелёвой, следует отметить, что Б.Я. Шарифуллин выделяет инвективные речевые жанры, поскольку они реализуют форму словесного выражения языковой агрессии. «Инвектива в её вербальном воплощении <...> один из основных типов речевых жанров, наряду с информационными, императивными, оценочными и этикетными, имеющий свои собственные коммуникативную цель и другие жанрообразующие признаки» [15, с. 57].

М.М. Бахтин по типу текста выделяет речевые жанры: 1) первичные (простые) речевые жанры близки к речевым актам; 2) первичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту; 3) вторичные (простые) речевые жанры – функционально-смысловые элементарные тексты – описание, повествование и др.; 4) вторичные (сложные) речевые жанры – тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде.

Г.В. Ейгер и В.Л. Юхт разграничивают речевые жанры на: «индивидуальные / коллективные, естественные / искусственные, моноа-

дресные / полиадресные, поликодовые / монокодовые, художественные / нехудожественные, отмеченные / неотмеченные, клишированные / неклишированные, полные / неполные, базовые / производные, монофункциональные / полифункциональные» (цитируется по [16]).

В классификации Г.И. Богина РЖ подразделяются:

- по субъекту: анонимное авторство; безразличное авторство; коллективное авторство; персональное авторство;
- по объекту: индивидуально ориентировано; массово ориентировано; неопределённо ориентировано; двусторонне ориентировано.

Таким образом, единого подхода к определению речевого жанра в современной русистике не наблюдается. Существование многих классификаций также указывает на рассмотрение речевого жанра с различных позиций. Далее охарактеризуем меморат как речевой жанр: выявим его жанрообразующие признаки.

В силу своей связи с «естественным» языком аппарат описания в гуманитарном знании неустойчив, терминологический и научно-аналитический, инструментарий включает разночтения, полисемию, синонимию.

Многие гуманитарные дисциплины пользуются общим понятийно-терминологическим аппаратом, причем это касается не только смежных областей науки, но и тех, которые прямо не соприкасаются.

Однако подчас исследователи, говорящие об одном и том же предмете, не просто плохо понимают друг друга, но возникает и более опасный эффект «полного понимания» – при вкладывании разных смыслов в одни и те же слова. Именно поэтому мы решили рассмотреть трактовку понятия «меморат» разными исследователями и выделить в данном понятии существенные признаки, на которые будем опираться при осуществлении нашего исследования.

В переводе с английского, итальянского, польского слово «тето» означает напоминание, в испанском языке «тетора» – память, в немецком и французском языке слово «тето» означает заметка, памятка. С латинского языка «*memoria*» – *память* [7].

В научной статье И.А. Голованова «меморат» определяется как устные рассказы-воспоминания, воспроизводящие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик. Автор отмечает, что от преданий «меморат» отличается минимальной степенью обобщения жизненного материала, однако в нем в той или иной степени задействуется фольклорный мотив или образ, который и позволяет меморату в будущем «оторваться» от конкретного рассказчика, обрести относительную стабильность сюжета, подвергнуться дальнейшей фольклоризации [6].

О.С. Прокофьева отмечает, что это понятие используется в описании краеведческой деятельности центральных библиотек страны [13]. В публикациях Н.М. Балацкой, Н.А. Масловой в качестве инновационных процессов, характеризующих данную сферу культуры, названо расширение исследовательской, собирательской, издательской работы. Таким образом, речь идет о создании текстов, имеющих значение документов. В данных обстоятельствах жанр мемората предстает одним из инструментов, позволяющих накапливать фактический материал. В контексте библиотечного краеведения «меморат» определяется как письменная запись устных воспоминаний. Таким образом, выходя за пределы фольклора, жанр мемората несколько изменяет свои параметры. Языковые нюансы, вариативность содержания отступают перед вниманием к фактам. Исследователь отмечает, что термин «меморат» был продублирован во время общения с авторами воспоминаний двумя понятиями – «очерк» и «мемуары». Таким образом, «меморат» вобрал в себя фактографичность, привязку к конкретным судьбам и событиям («очерк») и в то же время отразил обусловленную личными особенностями рассказчиков избирательность их памяти («мемуары»).

А.Н. Липатова отмечает, что «меморат» относится к субъективным формам текста и указывает на возможность возникновения понимания «мемората» как «свидетельских показаний». Она считает, что «меморат» и «свидетельское показание» – это разные формы бытования текста, главное различие которых заключается в том, что событие, лежащие в их основе, воспринимаются рассказчиками по-разному.

В своей статье А.Н. Липатова опирается на определение «мемората» как «устного рассказа, передающего воспоминание рассказчика о событиях, участником или очевидцем которых он был» [10, с. 25].

Меморат в соответствии с моделью речевого жанра Т.В. Шмелёвой мы определяем следующим образом:

- 1) его коммуникативная цель состоит в передаче воспоминания в устной форме, воспроизводящего личные впечатления рассказчика о событиях, фактах и пр.;
- 2) образ автора – непосредственный участник или очевидец событий, о которых идёт речь, это обуславливает высокую степень фактологичности;
- 3) образ адресата – заинтересованный, благодарный слушатель/слушатели, фиксирующие устный рассказ.
- 4) фактор коммуникативного будущего: накопление фактического материала, связанного в первую очередь с социальной сферой, поэтому рассказчик несёт определённую ответственность за содержание излагаемого материала (позиционирование личности в определённом социуме);
- 5) образ прошлого – фактографичность, привязка к конкретным судьбам и событиям, отражение которых, обусловлено личными особенностями рассказчиков, «избирательностью» их памяти.
- 6) тип диктумного содержания (речевая ситуация как событийная составляющая) определяется эмоциональным комфортом, раскрепощённостью и доверительностью между рассказчиком и слушателем/слушателями; возможностью задавать со стороны слушателей уточняющие вопросы и т.п.;
- 7) языковое воплощение: разговорная лексика с включением эмоционально-оценочных слов; обилие синтаксических конструкций, характерных для разговорной речи; некоторая спонтанность, передающаяся за счёт определённого синтаксического строя и др.

По типу текста (классификация М.М. Бахтина) меморат – это первичный тип речевого жанра.

По классификации Г.В. Ейгера и В.Л. Юхта этот жанр может быть: индивидуальным, моноадресным и полиадресным, неклишированным, монофункциональным и полифункциональным.

Согласно классификации Г.И. Богина меморат по субъекту представляет только персональное авторство, по объекту: индивидуально ориентировано; массово ориентировано; двусторонне ориентировано.

Таким образом, под меморатом в нашей работе понимается речевой информативный первичный жанр, который может быть индивидуальным, моноадресным или полиадресным, неклишированным, монофункциональным и полифункциональным, представляющий письменную запись устных рассказов, передающих воспоминания о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик.

Важной составляющей существования современного человека является процесс событий текущей истории. В круг переживаемого и осмысляемого им постоянно включаются факты собственной жизни, жизни его родных и знакомых. Всё это непосредственно связано и с региональной принадлежностью рассказчика. Воспоминания, связанные со школой, дают представление слушателю, каким образом рассказывающий себя самоидентифицирует в контексте воспоминаний о родной школе, об учителях, о школьных событиях и пр. Отметим, что речевой жанр мемората сохраняет «живой» образ школы и отчасти города Лесосибирска для будущих поколений. Мы собрали более тридцати устных рассказов-воспоминаний, воспроизводящие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик.

Мы провели анализ собранных текстов. Несмотря на то, что ситуативность преобладает над сюжетностью, в текстах можно выделить **общие места-скрепы** («описания и признания»), связанные с основными этапами пережитого через свою «причастность» к региону.

1) Маркерами «причастности» чаще всего выступают особенности флоры и фауны, ландшафта и т.п.: *«Мне больше всего запомнилась учёба в шестилетках. Это был, какой-то особый мир. В школе огородили рекреацию, и мы там занимались, приходя из детского сада. А в окна смотрели любопытные сосны, и мне казалось, они учатся и играют вместе с нами»;*

*«Когда-то в школе у нас была программа «Детский сад – школа». И вот нас часто после обеда вели в школу по нашей набережной. Я засматривалась на **могучий Енисей** и отставала, а Валентина Георгиевна меня «приводила в чувство»;*

*«Самые первые деревья, которые растут на территории нашей школы, посадили мы... Постепенно обжились, высадили **деревья: клёны (они у нас особенные – сибирские, очень стойкие к перепадам температур: вымерзнут и вновь возрождаются... и у них сибирский характер, ели тоже хорошо прижились...)**»;*

*«Как приятно видеть, когда ученики, классные руководители и учителя трудятся вместе. У нас в школе до сих пор проводится акция, связанная с изготовлением кормушек для **воробышек, синичек и клестов**. Мы потом ходили наблюдать, как они кормятся. Нам было радостно: в лютые морозы не попадут».*

Все информанты, как правило, характеризуются искренностью. Рассказчик мыслит и чувствует себя частью большой школьной семьи, демонстрирует духовную общность.

2) Большинство воспоминаний связаны с образом школы, который словесно рисуется и через воспоминания о «знаковых» личностях. Рассказчики вспоминают о школе с теплотой, ностальгией: *«Как же я скучаю по школе ... Наверное именно так скучают по детству. Было хорошо и уютно, как дома. Не мыслю школьный дворик без памятника **нашему земляку Ефиму Белинскому, герою Великой Отечественной войны**»;*

*«Благодаря школе я имела счастье лично общаться с **великим сибирским писателем Виктором Петровичем Астафьевым**»;*

*«Это моя любимая школа. Хоть школа и не большая, но в ней очень уютно, красиво, много талантливых учителей. В моём сердце навсегда останутся добрые воспоминания о дорогой **Валентине Георгиевне Высопиной, о моей первой учительнице!**»;*

*«Я была такая маленькая, я так хотела в школу, но боялась очень. Когда я впервые увидела свою **первую учительницу Высопину Валентину Георгиевну**, то страх прошёл. Я поняла, что она добрая, как бабушка и очень заботливая»;*

«А еще мы с мужем дружили во втором классе, он мне портфель до дома носил, а потом поругались из-за Сашики Гаврилова, я плакала в классе, а Ирина Казимировна Коржаева меня успокаивала и говорила, что мы помиримся и помирились, правда через двенадцать лет и поженились».

*«Я вдруг вспомнила, как Светка Петухова решила задачу по маленькому радиусу и сказала на весь класс: **«Людмила Викторовна (Крюкова – примечание автора), а я по маленькому сделала»**».*

*«Ну, наверное, самое незабываемое – это фраза **Павла Иннокентьевича: «ОБЖ – это вам не математика, тут – учить надо!»**»;*

*«...под свое руководство, взял **талантливый учитель – Долганова Любовь Сергеевна...**».*

3) В своих воспоминаниях авторы меморатов говорят о школе с благодарностью, при этом вспоминают о событиях, увлечениях, мероприятиях, связанных с жизнью родного города, его предприятиями:

*«Многое было за 9 лет, но больше только хорошего, и сейчас я скупаю по тем временам. Когда вырастет моя дочка, я её тоже отдам в первую школу, без сомнений! А как много уделяется в нашей школе внимания спорту. Вот пропагандируются **наши традиционные сибирийские зимние виды спорта – хоккей, лыжи. Вот сделали хоккейную площадку-коробку. У ребят отличные спортивные достижения»;***

*«Мы гордимся своей школой, научившей нас работе в коллективе, привившей нам необходимые для жизни качества – ответственность и долг, трудолюбие и честь. Кстати, о трудолюбии: были «десанты» на **наш ЛДК №1, где мы знакомимся с деревообрабатывающим производством, да и сами летом там могли подзаработать на посильной работе. У ЛДК мы были подшефными. Наши шефы очень помогли школе».***

4) Много воспоминаний о школьных традициях, большинство из которых сохранились и сегодня, являются составляющей многих воспоминаний и содержат региональные маркеры:

*«Самым запоминающимся моментом, связанным с нашей школой, были «Дни здоровья». Когда мы всем классом бежали **по сугробам за гаражи «Луч»** и проходили различные испытания. **Катались с гор-***

ки, ползли в мешках, бросали мячи. И всё это вместе с нашими учителями. Тонули в снегу, но счастливые и довольные. А потом горячий чай и бутерброды и большого костра. Это было лучшее время!»;

*«Я рада, что уже много лет подряд на линейке 1 сентября перед тем, как объявить минуту молчания в честь Героя Советского Союза **Ефима Белинского**, ведущие читают стихотворение, посвящённое герою. Думаю, что всем, чего я добилась сейчас, я обязана школе. Не зря меня заставляли участвовать в конференциях и конкурсах чтецов. Благодаря школе я впервые увидела море, получив путёвку в "Орлёнок»»;*

«Каждую осень на набережной Енисея около школы проходит кросс «Золотая осень»;

«Вы играли когда-нибудь в КВН? А мы играли и часто предметом наших шуток были рабочие, приезжавшие на заработки из других регионов союза».

5) В меморатах подчёркивается уникальность школы, её неповторимость указывают в своих воспоминаниях её ученики и учителя. Это непосредственно связано с региональной самоидентификацией:

«Наша школа – уникальная, то есть удивительная и неповторимая! А знаете, почему? Это единственная школа в мире, окна которой смотрят прямо на реку Енисей! И еще – это самая первая школа города Лесосибирска – ровесница ему! Год основания – 1975»;

«Большим счастьем было то обстоятельство, что здание школы находилось рядом с домом, в условиях сибирских морозов – весомый аргумент»;

«Я всегда мечтала, чтобы работа в школе и природа сочетались. А разве это возможно? В нашем случае – да. Выходишь из школы уставшей, утомлённой. Но только откроешь дверь – Енисей, и жёлтые листья кружатся повсюду в воздухе, шуршат под ногами, словно придают сил».

Анализируя воспоминания, мы обратили внимание на гендерный аспект. Так, информанты-мужчины вспоминают о спортивных мероприятиях и трудовом десанте: «...каждый класс посадил ряд берез вдоль забора школы»; «четырнадцать парней нашего класса занимались спортом в одной волейбольной команде»; «Мы сразу

его поддержали, и стали помогать заливать и чистить каток». Об одноклассниках они вспоминают в общем, а не конкретно: «Многих наших одноклассников и преподавателей уже нет в живых»; «Все парни старшеклассники ходили в костюмах...»; «...у нас были очень дружные ребята»; «Все пацаны нашего класса».

Информанты-женщины вспоминают о коллективных мероприятиях (конференциях, конкурсах): *«Воспитательная работа в Лесосибирской школе №1 шла ежедневно: пионерская дружина, комсомольская организация, торжественные линейки, слёты лучших учащихся и активистов»; «Не зря меня заставляли участвовать в конференциях и конкурсах чтецов».*

Таким образом, РЖ мемората в аспекте регионального дискурса имеет общие места-скрепы. Так, в меморатах предстаёт живая история как отдельного человека, так и в целом школы в определённом регионе. Меморат даёт представление о региональной картине мира. Региональная картина мира, воссоздаваемая в нём, нами понимается как некая локальная картина мира, которая ограничена территориальным единством рассказчиков, набором описываемых объектов. Рассказчики в своих воспоминаниях о школе выражают идентичность через определённые маркеры. К числу таких маркеров мы относим локализацию пространства посредством указания на особенности флоры и фауны, ландшафта, через воспоминания о «знаковых» личностях, о событиях, увлечениях, мероприятиях, связанных с жизнью родного города, о школьных традициях и уникальность школы тоже через призму региональной принадлежности. Почти все информанты соотносят себя со своим регионом, в результате происходит региональная самоидентификация: демонстрируют знание наименований объектов, образов, которые известны жителям родного города Лесосибирска. По этим «знакам» мы воссоздаём специфические черты упоминаемого региона. Рассказчики стремятся в воспоминания о школе показать принадлежность к географическому и социально-культурному городскому пространству, выразить свое отношение к родной земле, к жителям этого края и местности. Система языковых средств, которая обеспечивает ре-

гиональную идентичность рассказчика, рассматривается нами как некий вербальный код. Он является своего рода активизирующим фактором при выражении региональной картины мира.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 83–84.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Веккесер М.В. Речевые жанры комплимента и похвалы в общении младших школьников // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. науч. статей. IV Международ. филолог. чтения им. проф. Р.Т. Гриб. Красноярск: Сибир. федерал. ун-т, 2013. Вып. 4. С. 17–21.
4. Веккесер М.В., Воробьева Т.В. Речевой жанр благодарности в аспекте культуры общения младших школьников // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: Сб. науч. статей. Сибирский федерал. ун-т. Красноярск, 2010. С. 368–371.
5. Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмольская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 120–134.
6. Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Филология. Искусствоведение. Вып. 74, 2013. С. 14–20.
7. Зуева Т.В. Русский фольклор. Словарь-справочник: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2002. 120 с.

8. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Лобарева В.С. Архетипическая основа малой прозы И. Пантелеева // *Фундаментальные исследования*. 2013, № 8–6. С. 13–30.
9. Ионова С.В. Информация о Волгограде в наименованиях региональных изданий // *Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство: сб. науч. тр. / Под общ. ред. Н.А. Тупиковой*. Волгоград, 2009. С. 45–60.
10. Липатова А.П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты // *Труды «Русской антропологической школы»*. Вып. 5. М., 2008. С. 12–25.
11. Мазурова Н.А. Зырянова О.Н., Бахор Т.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // *Современные исследования социальных проблем*. 2016, № 3–2 (27). С. 195–207.
12. Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С., Веккесер М.В. Социолингвистический портрет школьников-подростков как речевой маркер региональной идентичности // *Успехи современной науки*. №9, том 4, 2016. С. 47–50.
13. Прокофьева О.С. Старожилы: Меморат. Нягань: Югра, 2009. 302 с.
14. Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // *Современные исследования социальных проблем*. № 3–2 (27), 2016. С. 227–243.
15. Шарифуллин Б.Я. Речевые жанры современного города // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень*. Вып.5. Красноярск-Ачинск, 2000. С. 50–58.
16. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. М., 1992. С. 60–75.
17. Шмульская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // *Успехи современной науки*. №9, том 4, 2016. С. 67–69.

References

1. Bahor T.A., Zyryanova O.N., Lobareva V.S. Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii [Associative fields as an

- embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnyye tehnologii nauchnogo razvitija: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific and practical conference (October 20, 2016, Kazan)]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
2. Bahtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov. Jestetika slovesnogo tvorcestva* [The issue of speech genres. Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 424 p.
  3. Vekkesser M.V. Rechevye zhanry komplimenta i pohvaly v obshhenii mladshih shkol'nikov [Speech genres of a compliment and praise in communication of younger schoolchildren]. *Chelovek i jazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in communicative space]. Sb. nauch. statej. IV Mezhdunarod. filolog. chtenija im. prof. R.T. Grib. Krasnojarsk, 2013. no 4, pp. 17–21.
  4. Vekkesser M.V., Vorob'jova T.V. Rechevoj zhanr blagodarnosti v aspekte kul'tury obshhenija mladshih shkol'nikov [Speech genre of gratitude in the aspect of the communication culture of junior schoolchildren]. *Vzaimodejstvie jazyka i kul'tury v kommunikacii i tekste* [Interaction of language and culture in communication and text]. Krasnojarsk, 2010, pp. 368–371.
  5. Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoidentifikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 27, 2016, pp. 3–2 (27), pp. 120–134.
  6. Golovanov I.A. Ustnyj rasskaz-vospominanie v sovremennoj kommunikacii kak fol'klornyj tekst [Oral story-remembering in modern communication as folklore text]. *Filologija. Iskusstvovedenie*, no 74, 2013, pp. 16–20.
  7. Zueva T.V. *Russkij fol'klor* [Russian folklore]. Slovar'-spravochnik: Kniga dlja uchitelja. Moscow, 2002. p. 20.
  8. Zyrjanova O.N., Bahor T.A., Lobareva V.S. Arhetipicheskaja osnova maloj prozy I. Panteleeva [The archetypal basis of small prose I. Panteleyev]. *Fundamental'nye issledovanija*, no 8-6, 2013, pp. 13–30.
  9. Ionova S.V. Informacija o Volgograde v naimenovanijah regional'nyh izdanij [Information about Volgograd in the names of regional publica-

- tions]. *Jazyk regiona: Leksika. Grammatika. Funkcional'noe prostranstvo*. Volgograd, 2009, pp. 45–50.
10. Lipatova A.P. *Formy teksta rasskazov o snah: «svidetel'skie pokazanija» i memoraty* [Forms of the text of stories about dreams: “testimony” and memorials]. *Trudy «Russkoj antropologicheskoj shkoly»*. Moscow, no. 5, 2008, pp. 12–25.
  11. Mazurova N.A. Zyrjanova O.N., Bahor T.A. Dendrologicheskie obrazy kak forma projavlenija regional'noj identichnosti v tvorchestve pojetov Krasnojarskogo kraja [Dendrological images as a form of manifestation of regional identity in the work of poets of the Krasnoyarsk Territory]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 3–2 (27), 2016, pp. 195–207.
  12. Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Vekkesser M.V. Sociolingvisticheskij portret shkol'nikov-podrostkov kak rechevoj marker regional'noj identichnosti [Sociolinguistic portrait of teenage schoolchildren as a speech marker of regional identity]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, V. 4, 2016, pp. 47–50.
  13. Prokof'eva O.S. *Starozhily: Memorat* [Old-timers: Memorial]. Njagan', Jugra, 2009. 302 p.
  14. Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Mamaeva S.V., Vekkesser M.V. Verbal'nye markery regional'noj identichnosti (na materiale sovremennyh chokonimov) [Verbal markers of regional identity (on the basis of modern choconims)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no. 3–2 (27), 2016, pp. 227–243.
  15. Sharifullin B.Ja. Rechevyje zhanry sovremennogo goroda [Speech genres of the modern city]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija* [Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication]. Krasnojarsk-Achinsk, no 5, 2000, pp. 50–58.
  16. Shmeljova T.V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Rusistika segodnja. Funkcionirovanie jazyka: leksika i grammatika* [Rusistics today. Function of the language: vocabulary and grammar]. Moscow, 1992, pp. 60–75.
  17. Shmul'skaja L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. Otrazhenie territorial'noj identichnosti v pis'mennyh rabotah shkol'nikov [Re-

flection of territorial identity in written works of schoolchildren]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no9, tom 4, 2016, pp. 67–69.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Веккессер Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
vekkesser2012@yandex.ru

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
svtamaeva@mail.ru

Славкина Инга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
ingaslavkina@yandex.ru

Шмутьская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
lara_sh1973@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vekkesser Mariya Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

vekkesser2012@yandex.ru

Mamaeva Svetlana Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

svmamaeva@mail.ru

Slavkina Inga Anatol'evna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

ingaslavkina@yandex.ru

Shmul'skaya Larisa Stepanovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

lara_sh1973@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-41-51

УДК 82-14

ТАЙГА КАК МАРКЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЗЕ А.М. БОНДАРЕНКО

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А.

Цель. *Статья посвящена проявлению региональной идентичности в прозе писателей Красноярского края. Объектом рассмотрения стали повести, роман и рассказы А.М. Бондаренко, посвященные малой родине, предметом – образ тайги как важнейший маркер региональной идентичности.*

Методология и методы проведения работы. *Основу исследования образуют герменевтический, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный методы.*

Результаты. *В статье показано, что тайга как маркер региональной идентичности в прозе А.М. Бондаренко, с одной стороны, соответствует общепринятому представлению о Сибири, актуализируя дихотомию «своей – чужой», с другой – ее семантика определена спецификой местного региона.*

Область применения результатов. *Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе при чтении спецкурсов по региональной литературе.*

Ключевые слова: *дискурс; идентичность; тайга; дихотомия; региональная самоидентификация автора.*

TAIGA AS A REGIONAL IDENTITY MARKER IN THE PROSE BY A.M. BONDARENKO

Zyryanova O.N., Bakhor T.A., Mazurova N.A.

The aim. *The article considers regional identity in the prose of the Krasnoyarsk Territory writers. The object under consideration*

is the stories, the novel, and the short stories by A.M. Bondarenko, devoted to the writer's native place; the subject under consideration is the image of taiga as the most important marker of regional identity.

Methods and methodology of the work. *The basic research methods are hermeneutic, structural semantic, comparative methods.*

The results. *The article shows that taiga as a marker of regional identity in the prose by A.M. Bondarenko, on the one side, corresponds to the common stereotype of Siberia, emphasizing the dichotomy of 'friend-or-foe', and on the other side, its semantics is defined by the specificity of the region.*

The sphere of the results appliance. *The results of the research can be used in the special education courses in regional literature.*

Keywords: *discourse; identity; taiga; dichotomy; regional self-identity of the author.*

Кризис идентичности, связанный с глобализацией, обусловил «идентичность места» как более значимую систему координат, та как она «может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символистские опоры» [10, с. 216]. По словам Б. Осборна, «чувство места» также укоренено в персональной идентичности, как и осознание своей принадлежности к нему [16].

Пространственные маркеры становятся определяющими в характеристике «идентичности места». Близость к природе – одно из важных преимуществ жизни в Сибири, поэтому оказывает существенное влияние на формирование сибирской идентичности, «<...> природа при этом важна как сама по себе, так и в связи с культурой, когда территория неразрывно связана к культурной и духовной ценностью «своей земли» [1, с. 28].

Тайга как маркер региональной идентичности Приенисейской Сибири обозначена в работах по исследованию языковой картины мира [7, 12, 14], статьях, посвященных выявлению особенностей самоидентификации через лирический художественный

дискурс жителей данного региона [4, 8]. «Среди маркеров, воплощающих в поэтических текстах природу региона, необходимо, прежде всего, указать тайгу, которая в отличие от образа леса, встречающегося гораздо реже, выполняет более идентифицирующую функцию. <...> Образ тайги актуализирует в общей картине мира положительный имидж региона, акцентируя природность, естественность окружающей среды как экологически значимые свойства» [4, с. 111].

Почти все произведения А.М. Бондаренко, писателя Красноярского края, посвящены малой родине, ее природе, жителям. В.П. Астафьев в предисловии «Золотая россыпь» одной из книг писателя отмечает: «... о творчестве Алексея Бондаренко, енисейского охотника», акцентируя внимание на идентичности места, принадлежности малой родине и характере произведений – рассказов охотника-промысловика. Обращение известного сибирского писателя к воображаемому читателю: «... предлагаю побыть с охотником в приенисейской дивной тайге...» [2, с. 27], – также определяет локус приенисейской тайги как основной пространственной координаты прозы А.М. Бондаренко. Предметом рассмотрения в данной статье стал образ тайги как маркер региональной идентичности в таких произведениях А.М. Бондаренко как «Государева вотчина», «Шатун», «Маркелыч», «На промысел», «От самого Астафьева», «Случай в тайге», «Потерянная лыжня», «Малыш».

А.С. Янушкевич, определяя сибирский текст, указывает на историко-философскую и историко-культурную составляющую этого феномена, так как «... в процессе его описания и постижения сибирская – и шире русская – мысль пыталась осмыслить этот феномен на пересечении мифа и реальности, изнутри и извне, как определенную дихотомию» [15, с. 334]. С образом Сибири неразрывно связана прежде всего дихотомия «свой – чужой», на которой построены противоположные мифологические концепции о Сибири как «первозданном рае, обетованной земле» и «мире смерти, гибельном пространстве» [13]. Архетипическая оппозиция «свой –

чужой» проявляется во многих произведениях А.М. Бондаренко, но в большей степени она связана с исторической темой – освоением Сибири, временем прихода на ее земли русских служилых людей, что лежит в центре повествования в романе «Государева вотчина». Для пришлых людей тайга – «гиблое место», «глушь крошечная», «земля необетованная», «хмарь» [5]. Она «проверяет», и жестоко «испытывает» их на прочность, на возможность стать «своими». Так в начале повествования медведь, хозяин территории, заламывает казака, отделившегося от товарищей вглубь чащи, хозяин тайги, пренебрегшего простыми, суровыми условиями и правилами «места». В повести «Шатун» тоже медведь защищает тайгу от потребительского, варварского к ней отношения. В главе «Оборотень» описывается роковая встреча «хозяина тайги» с егерем Витюховским, которому чудится не медведь, а пропавший вздымщик Тимофей, обиженный егерем, в обличье зверя. Витюховский просит прощения у медведя-оборотня: «...Сам я стал, как пес паршивый, облик человеческий потерял. Жизнь проклятая заставляет крутиться: чем больше бегаю по тайге, тем приварка больше» [6, с. 117]. Образ медведя-оборотня, с одной стороны соотносим с мифологией народов севера о первопредке [11], поэтому потерявшийся, погибший, в тайге Тимофей принял внешний облик своего прародителя. С другой стороны, налицо парадокс: медведь «очеловечивается», «учит» слабого, грешного Витюховского нравственным законам, а человек теряет свой облик.

Образ медведя у А.М. Бондаренко – знаковый для тайги, для понимания ее законов, места человека в ней, что соотносится и с восприятием «малой родины» жителей Приенисейской Сибири, 16% опрошенных в анкетах при ответе на вопрос: «Какие ассоциации порождает у вас слово «Сибирь»?» написали медведя, при этом других животных названо не было [3].

Тайга в «Государевой вотчине» со временем открывается для пришлых людей с другой стороны: она не только учит их жизни в суровых условиях, но и становится привлекательной ее природа: «Помягчели их ретивые сердца, дух захватило от красоты и не-

имоверной силищи тайги» [5]. И тогда в дихотомии «свой – чужой» отношения меняются: для «чужого» тайга, а значит, и Сибирь становится вторым домом и они идентифицируют ее как русскую землю: «Это наша земля, русская» [5], – замечают герои. В повести «Шутун», повествующей о современной действительности, также тайга становится для приехавшего с Кубани Тимофея Верстакова родной: его, с одной стороны, тянет домой, к семье, с другой, – «давно приглянулись северные места», и разлука тяжела. То, что Тимофей так и не уезжает домой, «тайга не отпускает его», он теряется в тайге, превратившись, по мнению охотников, в медведя-оборотня, определяет его переход в «своего» для когда-то чуждой ему Сибири.

Образ тайги связан у А.М. Бондаренко с душевными переживаниями героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе Сибири (В.Г. Распутин, В.П. Астафьев). Для героя рассказов писателя – охотника-промысловика тайга, несмотря на жестокие законы, непредсказуемость и коварство – дом родной, она позволяет сохранить свое, личное, противостоять влиянию извне: «Здесь, в тайге, он был самим собой, таким, какой он есть, каким и должен быть свободный человек, зависимый лишь от обстоятельств: простым в обращении с людьми, чистым душой и открытым сердцем» [6, с. 110–111].

Сибирская идентичность проявляется в прозе писателя в особой близости к природе, мир тайги буквально «живет» в герое, заполняет его душу, тело, и разлука, расставание с ним – это тоже испытание, так как с этим связан мотив свободы, которая может исковеркать душу: «Уединенный, скрытный мир тайги еще долгое время живет во мне, медленно и трудно выходит, стараясь не ослабить тело, не исковеркать душу» [6, с. 315]. Разлука с тайгой подобна экзистенциальной разлуке с самим собой, и эта встреча может быть только временной, поэтому герой ищет в общении с природой то, что не может определить, «то, чего не терял» [6, с. 313]. Можно предположить, что это состояние поиска гармонии, которую сибиряку может дать только связь с природой.

В мифологии лес, тайга является материнским архетипом, так как она укрывает и защищает [10, с. 215]. Это смысловое наполнение образа характерно и для прозы А.М. Бондаренко. С одной стороны, у него тайга может быть «коварна», «своенравна», «непредсказуема», как женщина, она манит, не отпускает. Писатель сравнивает ее с девицей: «Смотрю на тайгу. С необъяснимой силой она снова потянула меня к себе, раскрылась просветами, загадочно улыбнулась золотыми лучиками в хвое, посвежевшая и помолодевшая, как девица» [6, с. 314]. С другой стороны, она выполняет и функцию женщины-матери, воспитывая, утешая, укрывая от мирских забот и проблем: «Разочарования тоже бывают... Вот тогда-то я снова, потеряв голову, бегу к тебе, тайга-утешительница, здесь скулю и плачу, жалуясь на судьбу, но крепчаю телом и духом» [6, с. 316].

Многозначное смысловое звучание образа тайги определяет двойственное самоопределение героя А.М. Бондаренко: с одной стороны, тайга делает его сильным духом и телом, способным выжить в суровых сибирских условиях, с другой стороны, она делает его слабым, так как он тоскует вдали от нее, теряя гармонию в душе, успокоенность.

Таким образом, анализ образа тайги в прозе А.М. Бондаренко показал, что данный маркер региональной идентичности реализует традиционное в фольклоре и литературе значение, включаясь в дихотомию «свой – чужой», а также определяет экзистенциальность звучания образа сибиряка, актуализируя не только такие качества, как суровость, стойкость, но и душевная ранимость, тоска по гармонии с природой, а значит гармонии с самим собой.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Анисимова О.А., Ечевская Е.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. НГУ, 2012. 176 с.
2. Астафьев В.П. Золотая россыпь // Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «Офсет», 2000. 528 с.
3. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 октября 2016 г., г. Казань). В 3 ч., Ч. 3/ Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 83–84.
4. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А. Региональные гимны как форма актуализации основных маркеров идентичности в локальном тексте // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 105–119.
5. Бондаренко А.М. Государева вотчина: В 3 кн. Красноярск: Офсет, 1999–2005.
6. Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «ОФСЕТ», 2000. 528 с.
7. Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: Дис. ... доктора филол. наук: Красноярск, 2005. 327 с.
8. Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 120–134.
9. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. №3. С. 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (дата обращения 22.08.2017).
10. Жульен Надя. Словарь символов. Челябинск: Урал LTD, 1999. 498 с.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: рос. энциклопедия. Т.2. С. 128–130.
12. Мамаева Т.В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири

- // Приенисейская Сибирь как лингворегион. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 177–180.
13. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. №. 1. С. 27–35.
  14. Шмутьская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016, №9, том 4. С. 67–69.
  15. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры: сб. статей / Под. ред. О.Б. Лебедевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 334–345.
  16. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа: URL: <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (дата обращения: 21 августа 2016 г.).

References

1. Anisimova O.A., Echevskaya E.G. *Sibirskaya identichnost: predposylki formirovaniya, konteksty aktualizacii* [Siberian identity: the prerequisites of formation, contexts of actualization]. NGU, 212. 176 p.
2. Astaf'ev V.P. Zolotaya rossyp [Gold placers]. Bondarenko A.M. *Lyubov i bol. Povesti i rasskazy* [Bondarenko A.M. Love and pain. Stories and stories]. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 2000. 528 p.
3. Bahor T.A., Zyrjanova O.N., Lobareva V.S. Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii [Associative fields as an embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnye tehnologii nauchnogo razvitiya: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific-practical conference]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
4. Bahor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A. Regional'nye gimny kak forma aktualizacii osnovnyh markerov identichnosti v lokal'nom tekste

- [Regional anthems as a form of updating the main identity markers in the local text]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*. 2016, no 3–2 (27), pp. 105–119.
5. Bondarenko A.M. *Gosudareva votchina* [Sovereign patrimony]: V 3 kn. Krasnoyarsk: Ofset, 1999–2005.
  6. Bondarenko A.M. *Lyubov' i bol'*. [Love and Pain]. Povesti i rasskazy. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 2000. 528 p.
  7. Vasil'eva S.P. *Russkaya toponimiya Prienisejskoj Sibiri: kartina mira* [Russian toponymy of the Yenisei Siberia: picture of the world]. Krasnoyarsk, 2005. 327 p.
  8. Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoindetifikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2016, no 3–2 (27), pp. 120–134.
  9. Eremina E.V. *Regionalnaya identichnost v kontekste sotsiologicheskogo analiza* [Regional identity in the context of sociological analysis]. *Regionologiya*, no 3 (2011): 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (accessed August 22, 2017).
  10. Zhul'en Nadya. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Chelyabinsk: Ural LTD, 1999. 498 p.
  11. Ivanov V.V., Toporov V.N. Medved' [Bear]. *Mifyi narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia / S.A. Tokarev. M.: Ros. entsiklopediya. V.2, pp. 128–130.
  12. Mamaeva S.V. *Prieniseyskaya Sibir' kak lingvoregion* [Prieniseyskaya Siberia as a linguistic region]. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2010, pp. 177–180.
  13. Tyupa V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury [Mythology of Siberia: to the issue of the 'Siberian text' of the Russian literature]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2002, no 1, pp. 27–35.
  14. Shmul'skaja L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. Otrazhenie territorial'noj identichnosti v pis'mennyh rabotah shkolnikov [Reflection of territorial identity in written works of schoolchildren]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, V. 4, 2016, pp. 67–69.

15. Yanushkevich A.S. Dihotomiya sibirskogo teksta [Dichotomy of the Siberian text]. *Evroaziatskij mezhkul'turnyj dialog: «svoe» i «chuzhoe» v nacional'nom samosoznanii kul'tury* [Euro-Asian intercultural dialogue: “one’s own” and “another’s” in the national consciousness of culture] / O.B. Lebedeva (ed.). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2007, pp. 334–345.
16. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> date of the (accessed August 22, 2017).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
onzyryanova@mail.ru

Бахор Тамара Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
tamarales@mail.ru

Мазурова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
nadezhda.mazurova.59@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zyryanova Ol'ga Nikolaevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
onzyryanova@mail.ru

Bakhor Tamara Andreevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
tamarales@mail.ru

Mazurova Nadezhda Alekseevna, Ph.D.in Philology, Associate Profes-
sor at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
nadezhda.mazurova.59@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-52-65

УДК 82.3

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Мазурова Н.А., Бахор Т.А., Зырянова О.Н.

Статья посвящена актуальной в условиях глобализации проблеме региональной идентичности. Предметом исследования являются произведения Н. Волокитина, В. Астафьева, А. Бондаренко и других писателей Приенисейской Сибири. Объектом исследования выступает образ регионального пространства в данных произведениях.

Цель. *Рассмотреть особенности художественного пространства в произведениях, выявить основные маркеры, характеризующие пространство Приенисейской Сибири.*

Методы исследования: *в основу исследования положены описательный метод, метод контекстуального анализа, сравнительно-типологический метод.*

Результаты. *В результате проведенного исследования выявлено, что изучение региональной идентичности ведется в различных направлениях [1, 4, 6, 8, 9, 12]. Маркерами регионального пространства в художественной литературе являются как природные образы (реки, озера, горы, тайга (лес), так и образы культуры (дом, село (город), архитектурные объекты и др.).*

Хронотоп Сибири в произведениях писателей Красноярского края второй половины XX в. качественно изменился: это «мертвый» край, но не в силу природных условий (долгая зима, убывающие все морозы), а в результате деятельности человека (вырубленная тайга, захламленные реки и озера, исчезнувшие деревни).

Река – один из устойчивых маркеров регионального пространства. В произведениях сибирских писателей это не только знак, привязывающий к месту действия, но и смыслообразующий образ.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при рассмотрении вопросов региональной идентичности при изучении таких дисциплин, как «Фольклор и литература Красноярского края», «Локальные тексты русской литературы и культуры» (раздел «Сибирский текст»), «Культура Сибири», «Сибирская ссылка».

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь; художественный образ; образ пространства; маркер; региональная идентичность; топоним; гидроним; тайга.

IMAGE OF SPACE IN THE PROSE BY WRITERS OF THE YENISEI SIBERIA

Mazurova N.A, Bahor T.A, Zyryanova O.N.

The article is devoted to the issue of regional identity that is topical in the context of globalization. The subject of the study is the works by N. Volokitin, V. Astafiev, A. Bondarenko and other writers of the Yenisei Siberia. The object of research is the image of the regional space in these works.

Purpose. *To consider the features of the artistic space in the works, as well as identify the main markers that characterize the space of the Yenisei Siberia.*

Research methods: *the descriptive method, method of contextual analysis, as well as comparative-typological method form the basis of the research.*

Results. *As a result of the conducted research it was revealed that the study of regional identity is conducted in various directions [1, 4, 6, 8, 9, 12]. Markers of regional space in fiction are both natural images (rivers, lakes, mountains, taiga (forest) and images of culture (house, village (city), architectural objects, etc.).*

The chronotope of Siberia in the writings of the Krasnoyarsk Territory writers of the second half of the twentieth century has changed dramatically as Siberia is now a “dead” land, but not due to natural causes

(long winter, severe frosts), but as a result of human activities (cut-down taiga, littered rivers and lakes, abandoned villages).

The river is one of the sustainable markers of the regional space. In the writings by Siberian writers, this is not only a sign that binds the reader to the scene, but also a meaningful image.

Practical implications. *The results of the research can be used to study issues of regional identity in the study of such disciplines as Folklore and literature of the Krasnoyarsk Territory, Local texts of Russian literature and culture (Siberian text section), Culture of Siberia, Siberian exile.*

Keywords: *Yenisei Siberia; artistic image; image of space; marker; regional identity; toponym; hydronym; taiga.*

Актуальность темы исследования определяется вниманием ученых всего мира к проблемам региональной идентичности. Глубокий обзор историографической литературы конца XIX – начала XXI вв., касающейся проблемы этнической идентификации хакасского этноса, выполнен Н. Неволко [15]. Влияние «информационной экономики» на социальные процессы, в том числе, сохранение идентичности, рассматривает М. Кастелльс [17].

В ряде работ рассмотрены вопросы самоидентификации жителей Приенисейской Сибири. Так, описаны особенности проявления региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе [5], охарактеризованы специфические черты литературы и фольклора региона [8; 12], выявлены маркеры региональной самоидентификации [6; 9], социолингвистический аспект региональной идентификации представлен в работах С.В. Мамаевой, И.А. Славкиной, Л.С. Шмольской, М.В. Веккесер [10; 14].

Изучению литературного дискурса посвятили свои исследования К.В. Анисимов [1], Е.Ф. Гудкова [7], С.В. Мельникова [11].

Методологической основой нашего исследования являются работы М.М. Бахтина [4] и В.И. Тюпа [13], полезными стали также идеи Дж. Г. Мида, касающиеся таких вопросов, как социальная природа человеческого Я и сознания, роль взаимодействия с другими и принятия их установок [16].

Понятие хронотопа, введенное М.М. Бахтиным, соединяет пространство и время. «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [4, с. 235].

Считается, что литературное освоение Сибири начинается с «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного». По замечанию Е. Гудковой: «Сибирь в его произведении хронотопична и предстает в нескольких хронотопных плоскостях. Во-первых, как место ссылки, гиблое место (социально-географическое пространство). Во-вторых, инициальное пространство, и, в-третьих, крестный путь, божий промысел» [7]. Позднее возникает другой хронотоп – представление о Сибири, как о богатом, вольном крае. С появлением произведений собственно сибирских писателей представление о Сибири расширяется. Сибирь перестает быть чужим, сонным, гиблым местом.

Повесть Н. Волокитина «Демидов кедр» строится на оппозиции «тогда/сейчас», «там/здесь».

Повесть открывается описанием пышной, яркой осени: «Подобралась к Вагино осень. Зарумянились, вспыхнули снегириным огнем осины, пошли желтыми пятнами березы и тополя, побурели на сограх еще недавно ярко-зеленые, буйные черемушники и смородинники» [6, с. 137].

Использованные эпитеты («ярко-зеленые», «желтые», «снегиринные») неразрывно связывают прошлое настоящее и будущее. Рядом возникает картина зимы: «Но как-то налетел резкий сиверко,дохнул студено на березы, осины, на ракитники и черемушники... А там и до снегу недалеконько. Оглянутся не успеешь, как повалит и более чем на полгода все дорожки и тропки покроет» [6, с. 138].

Действие привязано к точно указанному месту – деревне Вагино. Противопоставление «тогда/сейчас» осуществляется на уровне

синтаксической единицы («А когда-то здесь, как и в Сполошном сейчас, всю кипела жизнь» [6, с. 138]).

Названия исчезающих деревень (комонимы), рассыпанные по всему тексту, выступают в качестве географических маркеров регионального пространства. Когда-то деревни были многолюдными, ладными, сильными («веселый» Табор, «тихая» Осиновка, «древняя» Закемь, «крепко сбитый» Дембор и др.). Сейчас деревни – «пустынные».

Изменился облик тайги: ср.: «в прежние времена сколько там малины да шиповника было» [6, с. 145]), / сейчас: «затянуло все, как крапивой, мелколесьем, и малиннику с шиповником конец наступил» [6, с. 138]. По-другому выглядит река: «В Шилке совсем паршивая рыба сейчас: чебак, красноперка да ерш с пескарем – вот и все. Полуязок какой – так изредка попадается. А раньше и щука-метровка не редкость была, и зяя добывать приходилось» [6, с. 138].

Статичное пространство, таким образом, вписывается в динамичный поток времени и становится этапами временного процесса.

Хронотоп Сибири качественно меняется: сейчас – это «мертвый» край, но не в силу природных условий (долгая зима, убивающие все морозы), а в результате деятельности человека (вырубленная тайга, захламлинные реки и озера, исчезнувшие деревни).

Одним из устойчивых маркеров регионального пространства является река. В произведениях писателей Приенисейской Сибири художественные функции образа реки разнообразны. Это не только знак, привязывающий к месту действия, но и смыслообразующий образ.

Особое место образ реки занимает в произведениях В.П. Астафьева. Общеизвестным является утверждение о том, что внимание писателя к образу реки связано с памятью о матери. Река в произведениях писателя – многогранный образ.

В рассказе «Васюткино озеро», повести «Перевал» река выполняет спасительную функцию. Героя рассказа Васютку, заблудивше-

гося в тайге, речка, вытекающая из озера, вывела к спасительному Енисею. Из состояния сиротства выводит река мальчика-сироту Ильку – героя повести «Перевал». Илька надеется, что река поможет ему попасть к бабушке, обрести семью.

Образ реки в повести «Стародуб» связан с амбивалетной символикой воды.

С одной стороны, староверы радуются дождю, поскольку земля нуждается в воде, в противном случае неорошенная (неосеменная) земля останется бесплодной, что влечет за собой голод. С другой стороны, вода в виде реки для вырубчан является опасной, поскольку только река связывает их с большим миром, создавая тем самым угрозу жизненному укладу. Река позволяет открыть богатства тайги добрым людям, органично включенным в природный мир, и утаить от злых людей.

Образ реки является смыслообразующим в рассказах «Последнего поклона». В заглавном рассказе книги «Далекая и близкая сказки» В. Астафьев соединяет образы реки и музыки: образ музыки создается через образ бегущей воды: «Но не стало Енисея, ни зимнего, ни летнего; снова забила живая ниточка ключа за Васиной избушкой. Ключ начал полнеть, и не один уже ключ, а два, три, уже грозный поток хлещет из скалы, катит камни, ломает деревья, выворачивает их с корнями. Несет, крутит... И кажется мне, что музыка эта течет вместе с ключом из-под горы. Кто-то припал к ключу губами и пьет, пьет и не может напиться» [3, с. 131]. Соединяя образы реки и музыки, писатель выражает идею безграничной мудрости и вечности мироустройства и миропорядка, мысль о том, что в мире торжествует гармония: «Еще никогда не казался мне мир таким потаенным и величественным. Его спокойствие и беспредельность потрясали» [3, с. 71].

Идея торжества жизни заложена в рассказе «Зорькина песня».

В работе «Художественная картина мира В.П. Астафьева» нами было установлено, что образ поющей земли дополняется новыми деталями: «наговаривает на перекатах речка», зорька славит приход утра своей песней и др. [8]. Все это звуки земли, ее вечная музыка.

Образ реки появляется в начале рассказа. Сначала это покрытый туманами Енисей, затем небольшая Фокинская речка, затем опять Енисей, впадающий в студеное северное море. Река вместе с землей, небом, солнцем являются опорными точками того мира, в центре которого находится герой. Характеризуя Фокинскую речку, писатель использует слова, имеющие корень «говор»: она «картаво наговаривает на перекатах», «делается говорливей», ее «говор» обрывается. Значение слово «наговор» в толковых словарях определяется как «заклинание, имеющее магическую силу», то же что «заговор». Наговоренная вода – целебная вода. В рассказе из Фокинской речки «брали на поливку гряд, в баню, на питье, на варево и парево» [3, с. 22]. Это только одно из значений образа реки, как силы, питающей все живое.

Предлагаем еще одну цитату: «Тонкой волосинкой вплеталась речка в крутые седоватые валы Енисея, и голос ее сливался с тысячами других речных голосов, и, капля по капле, накопив силу, грозно гремела река на порогах, пробивая путь к студеному морю... и как бы живую жилую деревню наша всегда была соединена с огромной землей» [3, с. 22].

Писатель продолжает развивать мысль о питающей силе воды. Как известно, реки и их притоки подобны разветвляющимся кровеносным сосудам. Они – символ щедрости и источник плодородия земли. Вторая идея – идея «капли и океана». Это идея всеобщей взаимосвязанности и взаимозависимости. Герой Астафьева чувствует тесную связь с миром природы, со всей вселенной, он – ее неотъемлемая часть.

Астафьевские реки Мана, Онья, Энде, Амыл, Курейка, Боганида, Фокинская, наконец, Енисей (потамонимы) – кормилицы и труженицы. По ним непрерывно плавают или идут герои. Они связывают человека с миром, избавляют от чувства безнадежности и потерянности.

Создавая образ реки, В. Астафьев тщательно отбирает каждое слово.

Образ Енисея является центральным в рассказе «Предчувствие ледохода». Используя прием олицетворения, писатель создает яр-

кую картину ледохода: «Натужно дыша и разъяриваясь, река вроде бы скребет и бьет копытом по дну, готовясь к рывку, к сокрушению всего, что есть на пути. Больше ей невоготу терпеть и ждать, пришла пора ломаться, двигаться» [3, с. 78]. Река в этом описании уподобляется некоему мифологическому персонажу, наделенному первобытной мощью. Енисей здесь предстает неуправляемым, способным все снести на своем пути. Однако здесь же воды Енисея одновременно погибельны («река уже идет, грохочет льдом, рушится погибельной водой» [3, с. 78]) и доброжелательны к людям («Енисей, сделавший передышку, пропустив страждущих, напомнил людям, что в природе милосердие еще не извелось» [3, с. 83]).

В образе водного чудовища предстает в повести «Перевал» речка Ознобиха: «Возле поворота, в узкой гранитной дыре, судорожно бьется речка Ознобиха. Бьется устало и озлобленно. Даже попав в Мару, она все еще беспокоило пошевеливает вспененным хвостом. И долго голубоватую змеей ползет Ознобиха по Мару, прежде чем в ней раствориться» [3, с. 102].

Писатель одушевляет воду, реку, весь природный мир: «блеклую, изжелта мертвенную воду сперло, дышит-дышит она вровень с урезом проруби» [2, с. 76] или «Дышат проруби, дышат забереги, дышат леса по горам, дышат горы и небо, пустынный лед на реке дышит» [3, с. 77]. Здесь следует обратить внимание на прием повтора. Многократно повторяя слово «дышит», наделяя способностью дышать и реку, и берега, и леса, и горы, писатель одушевляет весь мир. Повтор придает фразе особый ритм. Астафьев часто использует повтор с целью ритмизации прозы. Сравни, например, с фрагментом из рассказа «Хлебозарь» из книги «Затеси»: «Зарницы. Зарницы. Зарницы. Земля слушает их. Хлеба слушают их» [2, с. 2]. Повторенное трижды слово «зарницы» и одинаковая синтаксическая конструкция двух следующих предложений призваны придать фразе особый музыкальный ритм, призванный передать песню земли.

Писатель часто сравнивает реки с человеком. Вот описание слияния Маны и Енисей: «Енисей поплескивает, подталкивает Ману в бок, заигрывает и незаметно прижимает ее в угол Манского быка,

так наши деревенские парни прижимают девок к забору, когда балуются» [3, с. 92]. Еще одна картина слияния двух рек: «Бедовый, пьяный, словно новобранец с разорванной на груди рубахой, урча, в наклон катился поток к Нижней Тунгуске, падая в ее мягкие материнские объятия» [3, с. 259].

Особенно удаются писателю описания бушующей реки. Вот как изображает писатель Казачинский порог: «Берега к порогу сужались каменным коридором, воду закручивало, вывертывало вспученной изнанкой <...> Кипело, ахало, будто тысячи мельниц одновременно гремели жерновыми, лязгали водосливом, бухали кованым вертелом, скрипели деревянными суставами передач и еще чем-то <...> все явственной нарастало глухое рокотанье откуда-то из-под реки, из земных недр – так приближается, должно быть, землетрясение... Порог дымился, бело кипел, ворочался на грядках камней» [3, с. 245].

Преобладание глаголов, обилие однородных членов придают тексту невероятную экспрессию, определяют стремительный ритм. В. Астафьев использует импрессионистическую технику изображения, в которой мир дан не в застывших формах, но в движении, в переходных состояниях, в постоянных изменениях.

Мир живой, в нем идет суровая борьба, деструктивные силы стараются разрушить хрупкий баланс, но он «обречен» на жизнь.

В результате проведенного исследования выявлено, что изучение региональной идентичности ведется в различных направлениях. Маркерами регионального пространства в произведениях писателей Приенисейской Сибири являются как природные образы (реки, озера, горы, тайга (лес), так и образы культуры (дом, село (город), архитектурные объекты и др.). Пространство Приенисейской Сибири не безымянно, комонимы и потамонимы не только привязывают действие к определенному месту, но и аккумулируют в себе культурную память, играют важную роль в раскрытии авторского замысла. Амбивалентная символика воды обуславливает в произведениях В.П. Астафьева многогранность образа реки. Река – кормилица, источник и условие жизни, но, одновременно, река таит в себе угрозу, может быть опасна для человека. Ярко проявляется мастерство

писателя при создании образа реки: ритмизованная проза, сложные метафорические конструкции, повторы, приоритет глаголов призваны создать импрессионистическую картину жизни природы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
2. Астафьев В.П. Затеси. М.: Эксмо, 2008. 176 с.
3. Астафьев В.П. Перевал. Последний поклон, Кража. Пастух и пастушка. Красноярск: Кн. изд-во, 1974. 738 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
5. Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (27). С. 120–134.
6. Волокитин Н.И. Демидов кедр: Повести и рассказы. М.: Современник, 1981. 382 с.
7. Гудкова Е.Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII–XIX вв. [Электронный ресурс]. <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>. (дата обращения: 10.09.2017).
8. Мазуров К.В., Кислицына Н.В., Мазурова Н.А. Художественная картина мира Виктора Петровича Астафьева // В мире научных открытий. 2010. № 6(3). С. 149–151.
9. Мамаева С.В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири

- // Приенисейская Сибирь как лингворегион. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 177–180.
10. Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С., Веккесер М.В. Социолингвистический портрет школьников-подростков как речевой маркер региональной идентичности // Успехи современной науки. 2016. № 9. том 4. С. 47–50.
  11. Мельникова С.В. Пространство «духовного глада» и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства//Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. №5 (37). С. 157–171.
  12. Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (27). С. 227–243.
  13. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
  14. Шмульская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016. № 9. том 4. С. 67–70.
  15. Nevolko N. N. The historiographical review of the scientific literature of the late XIX to the first decade of the XXI century concerning the problem of ethnic identification of the khakass ethnos // Journal of the Siberian Federal University, Series: Humanities 2011. Publisher: Siberian Federal University (Krasnoyarsk). No. 6. Volume 4, pp. 823–836.
  16. Mead G.H. *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago, 1934. 536 с.
  17. Castells M. *Information Age: Economics, Society and Culture*. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 597 с.

References

1. Anisimov K.V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy*

- traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia XIX – early XX century: Peculiarities of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. 304 p.
2. Astaf'ev V.P. *Zatesi* [Zatesi]. M.: Eksmo, 2008. 176 p.
  3. Astaf'ev V.P. *Pereval. Posledniy poklon, Krazha. Pastukh i pastushka* [Pass. Last bow, Theft. A shepherd and a cowherd boy]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1974. 738 p.
  4. Bakhtin M.M. *Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki* [Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics]. M.: Khudozh. lit., 1975, pp. 234–407.
  5. Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2016. № 3–2 (27), pp. 120–134.
  6. Volokitin N.I. *Demidov kedr: Povesti i rasskazy* [Demidov cedar: Novels and stories]. M.: Sovremennik, 1981. 382 p.
  7. Gudkova E.F. *Khronotop Sibiri v russkoy klassicheskoy literature XVII–XIX vv.* [Chronotope of Siberia in the Russian classical literature of the XVII–XIX centuries]. <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>
  8. Mazurov K.V., Kislitsyna N.V., Mazurova N.A. *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2010. № 6(3), pp. 149–151.
  9. Mamaeva S.V. *Prieniseyskaya Sibir' kak lingvoregion* [Prieniseyskaya Siberia as a linguistic region]. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2010, pp. 177–180.
  10. Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S., Vekkesser M.V. *Uspekhi sovremennoy nauki*. 2016. № 9. V. 4, pp. 47–50.
  11. Mel'nikova S.V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2015. №5 (37), pp. 157–171.
  12. Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S., Mamaeva S.V., Vekkesser M.V. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2016. № 3–2 (27), pp. 227–243.
  13. Tyupa V.I. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2002. № 1, pp. 27–35.
  14. Shmul'skaya L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. *Uspekhi sovremennoy nauki*. 2016. № 9. V. 4, pp. 67–70.

15. Nevolko N.N. The historiographical review of the scientific literature of the late XIX to the first decade of the XXI century concerning the problem of ethnic identification of the khakass ethnos. *Journal of the Siberian Federal University, Series: Humanities 2011*. Publisher: Siberian Federal University (Krasnoyarsk). No. 6. Volume 4, pp. 823–836.
16. Mead G.H. *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago, 1934. 536 p.
17. Castells M. *Information Age: Economics, Society and Culture*. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 597 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мазурова Надежда Алексеевна, доцент кафедры русского языка, литературы и истории, канд. филол. наук
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
nadezhda.mazurova.59@mail.ru

Бахор Тамара Андреевна, доцент кафедры русского языка, литературы и истории, канд. филол. наук
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
tamarales@mail.ru

Зырянова Ольга Николаевна, доцент кафедры русского языка, литературы и истории, канд. филол. наук
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
onzuryanova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mazurova Nadezhda Alekseevna, Associate Professor of the Russian Language, Literature and History Department, Candidate of Philology

Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

nadezhda.mazurova.59@mail.ru

Bahor Tamara Andreevna, Associate Professor of the Russian Language, Literature and History Department, Candidate of Philology

Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

tamarales@mail.ru

Zyryanova Olga Nikolaevna, Associate Professor, Chair of Russian Language, Literature and History, Candidate of Philology

Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

onzyryanova@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-66-80

УДК 81.22

ФОРМИРУЮЩАЯСЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

*Мамаева С.В., Веккесер М.В., Славкина И.А.,
Шмульская Л.С.*

Предметом исследования в работе является фонетический портрет школьников 5–7-х классов, дающий представление о коллективной языковой личности подростков провинциального города. Представленные особенности определяются и проявляются как тенденции в использовании или употреблении тех или иных языковых единиц на вербально-семантическом уровне и определенных механизмах выбора слов на когнитивном уровне.

***Цель.** Проанализировать особенности устной спонтанной речи младших подростков.*

***Методы исследования:** описательный метод и метод контекстуального анализа.*

***Результаты.** Исследование показало, что для коллективной личности школьников-подростков характерны особенности в использовании сегментных языковых единиц: нечеткая артикуляция гласных и согласных звуков, что приводит к утрате отдельных звуков (в некоторых случаях усечению целых слогов), и, следовательно, к деформации речи. При описании суперсегментных единиц типичным оказалось использование разнообразной интонации, темпа, их выбор определяется ситуацией общения. Анализ соответствия речи школьников орфоэпическим нормам показал частые случаи отклонения от кодифицированных вариантов, что связано с узуальной речевой практикой школьников и влиянием речевой среды.*

***Ключевые слова:** речевой портрет; коллективная языковая личность; фонетические особенности речи.*

LINGUISTIC PERSONALITY UNDER FORMATION AS AN OBJECT OF IDENTIFICATIONAL LINGUOPERSONOLOGY

*Mamaeva S.V., Vekkesser M.V., Slavkina I.A.,
Shmul'skaya L.S.*

The subject of the research is a phonetic portrait of the 5–7-grade pupils, giving an idea of teenagers' collective linguistic personality in a provincial town. The presented features are defined and shown as tendencies in taking or using certain linguistic units at both the verbal and semantic levels as well as certain mechanisms of choosing words at the cognitive level.

Our observations have an empirical character as we have tried to pinpoint the most widespread phenomena that therefore seem self-evident.

Purpose. *To analyse the features of younger teenagers' oral spontaneous speech.*

Research methods: *the descriptive method and the method of contextual analysis.*

Results. *The study showed that the collective personality of teenage schoolchildren is characterized by peculiarities in the use of segmented language unit, i.e., indistinct articulation of vowels and consonants, which leads to the loss of certain sounds (in some cases, truncation of whole syllables), and, consequently, to deformation of speech. When describing supersegmental units it turned out that there is a typical use of a wide range of intonation types, pace, their choice being determined by the communication situation. The analysis of compliance of schoolchildren's speech with orphoepic norms showed frequent cases of deviation from codified variants, which is connected with the schoolchildren's usual speech practice and influence of the speech environment.*

Keywords: *speech portrait; collective linguistic personality; phonetic features of speech.*

Идентификационная лингвистика уже давно и прочно стала одним из важных предметов лингвоперсоналогии. Г.В. Непреенко ут-

верждает: «Задача идентификации в лингвистике – установление тождества объектов, атрибуция каждого текста конкретному автору, при этом в качестве объектов могут выступать текст, персонотекст и языковая личность (ЯЛ). Одними из основных средств идентификации ЯЛ являются речь и её продукты. Система знаний о закономерностях речевого поведения человека, обуславливающих индивидуальность, устойчивость, вариационность устной и письменной речи (лингвоперсонология) позволяет, таким образом, решать задачу идентификации» [9, с. 157].

Исследование языковой личности неизбежно вовлекает в сферу интересов ученых-языковедов психолингвистику, социолингвистику, лингвокультурологию, гендерную лингвистику, этнолингвистику, которые изучают речевое поведение человека с разных точек зрения.

Теория языковой личности в современной лингвистике уже достаточно хорошо разработана. При этом выявляется совокупность вопросов, требующих научного решения [1, 2, 7, 8, 10]. Фонетическая оболочка слова, высказывания в целом является завершающим этапом во всем механизме речеобразования. С помощью фонетических средств языка говорящий воплощает, развертывает внутреннюю речь во внешнюю, вербальную. Известный исследователь детской речи А.Н. Гвоздев отмечает, что «усвоение фонетической системы родного языка происходит у ребенка до 3 лет» [3, с. 63]. С данным выводом в целом согласны и другие исследователи детской речи, поскольку фонетический уровень – один из первых, который осваивает ребенок. Таким образом, к младшему подростковому возрасту фонетическая составляющая речевого портрета школьника, по сути, полностью сформирована.

В речи школьников представлен, по данным наших экспериментальных материалов, тот же набор фонем, что и в литературном языке, однако их реализация имеет ряд особенностей в области продуцирования как линейных (сегментных) звуковых единиц – фонетическое слово, слог, звук, так и в нелинейных (просодических, супrasegmentных) – ударение, интонация, темп и тембр речи. Эти особенности связаны, прежде всего, с возрастными характеристиками учащихся.

При анализе сегментных единиц в собранном нами речевом материале мы выявили следующие наиболее общие особенности речи школьников, которые можно считать в определенной степени возрастными: изменения в артикуляции звуков (гласных и согласных), вызванные как позиционными, так и комбинаторными процессами. Случаи отражения таких процессов в примерах заключены в квадратные скобки.

В области вокализма на сегментном уровне обращают на себя внимание такие особенности, которые можно считать общими в создаваемом нами речевом портрете школьников:

1. Ослабленная артикуляция и нечеткая дикция, что влечет за собой усиленную редукцию гласных (иногда с последующим усечением целых слогов и частей слов). Ср. примеры:

(1) Он все время [гър'ит]/ [здр'ас'ть]/ [здр'ас'ть]// (Он все время говорит, здравствуйте, здравствуйте).

(2) Это [ч'эк]/ который не въбражайт// (Это человек, который не воображает).

(3) Мне очень [нраць] гулять// (Мне очень нравится гулять).

Тенденция к ослаблению артикуляции и редукции безударных гласных вообще характерна для устной разговорной речи. А у школьников она еще накладывается на их возрастную особенность – специфическое интонирование и ускорение темпа речи из-за напускной небрежности в общении, вызванном стремлением показаться более взрослыми, чем они есть («чем больше я говорю, тем больше поймут, что я такой же» – из ответов на нашу анкету).

2. Стяжение гласных звуков. Данный фонетический процесс связан, скорее всего, с экономией речевых усилий не только, конечно, школьников, что проявляется на всех системно-языковых уровнях и особой возрастной спецификой не обладает. Однако и здесь определенную роль играют психологические особенности подросткового возраста: «говорить быстро, чтобы побыстрее «врубиться» в нужную ситуацию»:

(1) Ну [вацэ]/ мне все нравится/ кроме рекламы // (Ну, вообще, мне все нравится, кроме рекламы).

(2) *Это ч'эк/ который не [в'бращајт]*// (Это человек, который не воображает).

(3) *Я люблю смотреть на [фив'эрк'и]*// (Я люблю смотреть на фейерверки).

(4) *Он пишет [ирогл'ифм'и] всякими/ не поймешь*// (Он пишет иероглифами всякими, не поймешь).

(5) *Мы были очень мало [на-тр'ькцион'эх]*// (Мы были очень мало на аттракционах).

(6) *Еще фс'ак'и [разны-иц'ыклап'эд'и] там есть*// (Еще всякие разные энциклопедии там есть).

Контракция гласных, например, в окончаниях, после выпадения интервокального J, в принципе, характерна для некоторых русских говоров, в частности, сибирских. Возможно, именно этим объясняется (учитывая определенную диалектную окрашенность городской речи Лесосибирска (см. [12]) такие произносительные варианты как [в'бращајт], [фив'эрк'и], а также единичные случаи типа [матајт] (мотают) и пр. Впрочем, как предполагается, эти и иные фонетические особенности речи лесосибирских школьников, описанные ниже, объясняются на «пересечении» всех отмеченных нами факторов.

3. Более долгая артикуляция гласных [а], [о] в сильной позиции, причем это не всегда обусловлено стандартными случаями, когда, например, действительно междометие *да* может произноситься протяжно. Наши примеры:

(1) *Да(а-а), у меня есть ста(а-а)ришая сестра А(а-а)нуш.*

(2) *Я(а-а) люблю ходить в го(о-о)сти.*

(3) *В Со(о-о)чи мне понра(а-а)вилось в дельфина(а-а)риш / и пла(а-а)вать по мо(о-о)рю//.*

Может быть, и в этом случае такой тип артикуляции гласных у наблюдаемых нами подростков можно истолковать как влияние сибирской речи (не обязательно ярко выражено диалектной). Однако пример (1) несколько выпадает из такого ряда (сестра Ануш).

4. Некоторая дифтонгизированность ударных [о], [э], особенно если на них приходится фразовый акцент.

(1) *Мы мн[уо]го где бываем/ в этом году в санат[уо]риш были//.*

(2) *Я всем понравилась/ было ст[уо]лько вост[уо]ргов//.*

(3) *А мы на л'[иэ]то к бабушке собираемся//.*

Как и в некоторых предыдущих случаях, данное явление также можно объяснить не только экспрессией речи, но и влиянием диалектного произношения, например, в высказывании (3).

Указанные нами фонетические явления в вокализме школьников мы наблюдали, когда они в процессе беседы-опроса увлекались темой разговора, что-то вспоминали или хотели особо выделить как наиболее важное из сказанного. Как отмечает Е.А. Земская, «ударные гласные удлиняются главным образом с целью лучшего выражения мелодики движения тона или акцентировки ударения, они служат подсобным средством для передачи значения, и в этом смысле можно считать их функциональными» [4, с. 144].

В области консонантизма наблюдаются, по данным наших материалов, также различные особенности, отличающие речь лесосибирских школьников от нормативной. Перечислим наиболее характерные такие особенности:

1. При сокращении фонетической структуры слова, вызванной процессом редукции гласных, происходит утрата согласных звуков, находящихся либо в инициальной (до редукции гласных), либо в интервокальной позиции. Прежде всего, это касается щелевых, фрикативных согласных, которые, как мы отметили в речи школьников, часто являются «слабыми». Впрочем, выпадению подвергаются и смычные согласные (см. пример (3)).

(1) *Мне кажица/ они [с'ор'эм'а] ход'ьт//* (Мне кажется, они все время ходят).

(2) *[Т'иэ] не [с'ьрано]//* (Тебе не все равно).

(3) *Он [смар'эл]/ и думал про звёзды, небо//* (Он смотрел и думал, про звезды, небо).

(4) *Мне [с'ьрано]/ но/ [наэрън]/ надо думать об этом//* (Мне все равно, но, наверное, надо думать об этом).

(5) *Я [шас] хожу в секцию//* (Я сейчас хожу в секцию).

Эти фонетические явления в системе консонантизма отмечаются в обычном общении младших подростков, что объясняется, прежде

всего, возрастными факторами: подростковая эмоциональность, повышающая темп речи, сокращает фазу артикуляции, что и приводит к выпадению отдельных звуков. Конечно, не всё так просто, поскольку начинают действовать и иные коммуникативные факторы.

Например, мы отметили, что в основном фонетической деформации (иногда и специально осознанной и подчеркнута продуцируемой) в речи подростков подвергаются малозначимые слова (конечно, с их точки зрения), либо слова, не имеющие смысловой ценности для данного речевого акта, либо заключающие в себе просто уточнение, конкретизацию события, факта, явления:

(1) *Я/ [када] в школу пошел/ читать уже умел//* (Я, когда в школу пошел, читать уже умел).

(2) *[Инада] я задумываюсь об этих проблемах//* (Иногда я задумываюсь об этих проблемах).

(3) *Мы [ч'уч'ут'] играем/ [ч'уч'ут'] читаем/ [ч'уч'ут'] танцуем//* (Мы чуть-чуть играем, чуть-чуть читаем, чуть-чуть танцуем).

(4) *Ну [з'эс'ь] весело//* (Ну, здесь весело).

(5) *Мы [д'эс'] все вместе собираемся//* (Мы здесь все вместе собираемся).

(6) *Он [нач'ит] говорит ему...//* (Он, значит, говорит ему).

(7) *Да он [сас'эм] не такой/ как должен быть//* (Да он совсем не такой, как должен быть).

Естественно, вывод о «малозначимости» и «неинформативности» не абсолютен, о чем свидетельствуют и наши материалы.

Так, в примерах 4 и 5 слово *здесь* произносится по-разному, что говорит не столько о его «неинформативности» в данных речевых актах (тема локуса подростками, конечно, воспринимается весьма информативно – особенно, когда речь идет о «тусовках»), сколько о малозначимости («если мы собираемся – так ясно, что здесь, а где иначе?») – из ответов на нашу анкету).

2. При эмфатическом произношении в ударных или предупредительных слогах напряженность и длительность согласных возрастает. Это известное фонетическое явление повышенной экспрессивной тональности устной речи, и оно довольно часто встречается в наших материалах:

(1) *Мне было так [ж:]арко!//* (Мне было так жарко).

(2) *Ну/ты/[к:]о[з':]ёл/адай быстро!//* (Ну, ты, козел, отдай быстро).

(3) *Ду[р:]ак/я же тебе показал!//* (Дурак, я же тебе показал).

С чисто фонетической точки зрения данное эмфатическое удлинение согласных звуков отражается в устной речи школьников, по-видимому, в результате влияния предшествующих и сопутствующих просодических единиц, в частности акцентного выделения.

3. Противоположное этому явление – сокращение при ускоренном темпе речи некоторых долгих согласных, например, [ц:], [д:], как в наших примерах:

(1) *Мне [кажица]/они с'ор'эм'а ход'ьт //* (Мне кажется, они все время ходят).

(2) *Ну ты/к:оз':ёл/[адай] быстро!//* (Ну, ты, козел, отдай быстро).

(3) *Это [пад'эрж'ивьт] в форме меня!//* (Это поддерживает в форме меня).

4. Хотелось бы отметить еще одну особенность, которая не носила в наших опросах массовый характер, но в то же время встретила в нескольких речевых актах – спорадическое и немотивированное смягчение звуков [ш], [ц], [ж]:

(1) *Про одного [пъц'ана] /короче/[палиц'уйь] ищет!//* (Про одного пацана, короче, полиция ищет).

(2) *Как бы [ш'жут] много/красиво!//* (Как бы шьют много, красиво).

(3) *Надо поставить [мусьрниц'и] на пляже/штрафовать за загрязнения!//* (Надо поставить мусорницы на пляже, штрафовать за загрязнения).

(4) *Это [пад'эрж'ивьт] в форме меня!//* (Это поддерживает в форме меня).

Данное явление является ненормативным для русского языка. Но происхождение в речи школьников смягчения данных согласных можно объяснить как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Известно, что звуки [ш], [ж], [ц] исконно были мягкими, и, возможно, языковое сознание детей воспроизводит их на бессознательном уровне или под влиянием диалектной речевой среды: в некото-

рых русских говорах эти согласные произносятся до сих смягченно, в частности ряда говоров Красноярского края [11, с. 254]. Кроме того, исследуемые нами лесосибирские школьники представляет собой разнонациональную группу, и, скорее всего, эта произносительная особенность характерна для детей, воспитывающихся в двуязычных семьях, с «нерусскими» корнями: для кавказских народов, например, также характерно мягкое и даже эмфатическое произношение этих звуков в русских словах. В любом случае, эта особенность является характеристикой скорее индивидуальных речевых портретов школьников, чем их группового портрета.

При анализе суперсегментных фонетических единиц мы также отметили ряд особенностей, характерных для речи большинства школьников-подростков. Наши наблюдения показывают, что для ритмомелодической стороны речи школьников характерно использование разнообразных интонаций в зависимости от ситуации общения. При помощи интонации школьники выражают «не столько мысли, сколько чувства, настроение, отношение к адресату, себе самому, другим людям» [6, с. 233]. Мы отметили, что при ответе на вопросы, носящие более личный, интимный характер (например, «С каким человеком ты не стал бы дружить?») или «Что бы ты хотел изменить в своей жизни?»), школьники понижали тон, голос становился более робким, неуверенным. Речь замедлялась, появлялись паузы, способствующие смысловому выделению и членению речи. Когда же речь шла о чем-то общеизвестном, менее субъективном (например, «О каком человеке можно сказать, что он модный?») или «Что ты знаешь о проблемах окружающей среды?»), то голос становился более громким, дикция более четкой, темп речи убыстрялся.

Анализ показал, что школьники используют и такие просодические средства, как придыхание и лабиализация. Эти средства обычно передают различные оттенки их эмоционального состояния, отношения к рассказываемому.

- (1) *Вот это были (каникулы)^{ndx!} // (восхищение).*
- (2) *Он мне кинуху принес/ (класс)^{ndx!} (радость).*
- (3) *Она мне еще говорит/ что это (неправильно)^{лб!} (обида).*

Что касается соответствия речи школьников орфоэпическим нормам, то их речь соответствует так называемой «младшей» орфоэпической норме: *затра[г'иват']*, *ти[x'ий]*, *смея[с']* и т.д., но с неполным стилем произношения.

Нами были отмечены очень частые случаи отклонения от литературного произношения, прежде всего, в области акцентуации: *звОнит*, *Отбыл*, *тортЫ*, *красивЕе*, *вкЛЮчим*, *бАлуюсь*, *прИняла*, *не дАла*. Нелитературным, просторечным является и произношение таких слов, как *конеЧНо*, *скуЧНо*, *траНвай*, *еслиф*, *кажись*, *нету*, *мене*. Ср.:

(4) *Чё ты звОнишь мене/ и трубку бросаешь?*

(5) *Она на много красивЕе.*

(6) *Она ничё не дАла/ только забрАла.*

(7) *Ты конеЧНо все быстро сделала.*

(8) *Еслиф вы не придете/ я обижусь.*

Все эти примеры отражают, очевидно, «просторечную» составляющую коллективного портрета лесосибирского школьника. Такое достаточно массовое отклонение от нормы (58,7% от числа наших информантов) можно объяснить давлением узуальной речевой практики. По словам учителей, опрошенных нами, в большинстве семей их воспитанников принято именно такое произношение. И хотя многие дети, в принципе, знают верное произношение слов и диктанты пишут достаточно неплохо, в обыденной речевой ситуации произносят, точнее, воспроизводят их неправильно, так как в их речевой практике данные просторечные варианты являются наиболее устойчивыми. Причем, в примере (8) «фонетическое слово» *еслиф* образуется в результате ассимиляции с последующим словом и в потоке речи звучит как [jэслифы (н'и пр'ид'от'и...)], но усвоенный фонетический навык подобного произношения настолько прочно сформировался, что данное слово произносится подобным образом в любом фонемном окружении, например:

(9) *Еслиф я там был бы/ нет проблем /было бы.*

Таким образом, речевой портрет школьников-подростков характеризуется рядом фонетических особенностей, несущих в себе при-

знаки возрастной принадлежности. На фонетическом уровне речевые пристрастия младших подростков обнаруживаются в характере фонетического эллипсиса, в выборе приемов акцентного выделения, в своеобразии орфоэпических вариантов, что, безусловно, связано с возрастными особенностями данной языковой личности и одновременно с коллективным признаком – характером речевой среды (диалектной, просторечной, инонациональной), в которой живут и общаются школьники.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-24005 «Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: фольклорный, этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы и их актуализация посредством интерактивной карты».

Список литературы

1. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2016 г. С. 83–84.
2. Веккессер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмультская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 120–134.
3. Гвоздев А.Н. Значение изучения детского языка для языкознания. СПб: БИОНТ, 1999. 63 с.
4. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
5. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Лобарева В.С. Архетипическая основа малой прозы И. Пантелеева // Фундаментальные исследования. 2013, № 8-6. С. 1487–1490.
6. Львов М.Р. Основы теории речи. М.: Академия, 2002. 248 с.
7. Мазурова Н.А., Зырянова О.Н., Бахор Т.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве

- поэтов Красноярского края // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 195–207.
8. Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С., Веккесер М.В. Социолингвистический портрет школьников-подростков как речевой маркер региональной идентичности // Успехи современной науки. 2016, №9, том 4. С. 47–50.
  9. Непреенко Г.В. Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015, №2 (62), том 4. С. 157–162.
  10. Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 227–243.
  11. Шарифуллин Б.Я. Формы речевой субкультуры в городском ой-колекте (на материале речи г. Лесосибирска) // Русский язык в Красноярском крае: Сб. статей. Вып.1. Красноярск: КГПУ, 2002. С. 71–73.

References

1. Babor T.A., Zyrganova O.N., Lobareva V.S. Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii [Associative fields as an embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnye tehnologii nauchnogo razvitija: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific and practical conference]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
2. Vekkeser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoindetifikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 27, 2016. No 3–2 (27), pp. 120–134.
3. Gvozdev A.N. *Znachenie izuchenija detskogo jazyka dlja jazykoznanija* [The Importance of Learning a Children's Language for Linguistics]. SPb: BIONT, 1999. 63 p.

4. Zemskaja E.A. *Russkaja razgovornaja rech'. Lingvisticheskij analiz i problemy obuchenija* [Russian spoken language. Linguistic analysis and learning problems]. Moscow: Russkij yazyk, 1979. 240 p.
5. Zyrjanova O.N., Bahor T.A., Lobareva V.S. Arhetipicheskaja osnova maloju prozy I. Panteleeva [The archetypal basis of small prose I. Panteleyev]. *Fundamental'nye issledovanija*, no 8–6, 2013, pp. 1487–1490.
6. L'vov M.R. *Osnovy teorii rechi* [Fundamentals of the theory of speech]. Moscow: Akademiya, 2002. 248 p.
7. Mazurova N.A., Zyrjanova O.N., Bahor T.A. Dendrologicheskie obrazy kak forma projavlenija regional'noj identichnosti v tvorcestve poetov Krasnojarskogo kraja [Dendrological images as a form of manifestation of regional identity in the work of poets of the Krasnoyarsk Territory]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 3–2 (27), 2016, pp. 195–207.
8. Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Vekkesser M.V. Sociolingvisticheskij portret shkol'nikov-podrostkov kak rechevoj marker regional'noj identichnosti [Sociolinguistic portrait of teenage schoolchildren as a regional identity speech marker]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, tom 4, 2016, pp. 47–50.
9. Nepreenko G.V. Identifikacionnaja lingvistika kak aspekt lingvopersonologii [Identity linguistics as an aspect of linguoperersonology]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015, no 2 (62), tom 4, pp. 157–162.
10. Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Mamaeva S.V., Vekkesser M.V. Verbal'nye markery regional'noj identichnosti (na materiale sovremennyh chokonimov) [Verbal markers of regional identity (on the basis of modern choconims)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no. 3–2 (27), 2016, pp. 227–243.
12. Sharifullin B.Ja. Formy rechevoj subkul'tury v gorodskom ojkolekte (na materiale rechi g.Lesosibirska) [Forms of speech subculture in urban eikolec (based on the speech of Lesosibirsk)]. *Russkij jazyk v Krasnojarskom krae* [Russian language in the Krasnoyarsk Territory]. Issue 1. Krasnojarsk: KGPU, 2002, pp. 71–73.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543, Российская Федерация

svtataeva@mail.ru

Веккессер Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543, Российская Федерация

vekkesser2012@yandex.ru

Славкина Инга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543, Российская Федерация

ingaslavkina@yandex.ru

Шмутьская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543, Российская Федерация

lara_sh1973@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mamaeva Svetlana Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature and History

Lesosibirsk pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

svmamaeva@mail.ru

Vekkesser Mariya Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Russian Language, Literature and History

Lesosibirsk pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

vekkesser2012@yandex.ru

Slavkina Inga Anatol'evna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature and History

Lesosibirsk pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

ingaslavkina@yandex.ru

Shmul'skaya Larisa Stepanovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature and History

Lesosibirsk pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation

lara_sh1973@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-81-95

УДК 81.22

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ – ЖИТЕЛЯ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

*Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В.,
Веккессер М.В.*

Предметом исследования явились способы отражения и лингвистического выражения региональной самоидентификации в речевом поведении отдельной языковой личности.

Материалом исследования послужили записи текстов интервью с жительницей сибирской провинции; текстов бесед с бывшими односельчанами; протоколы наблюдения за речевым поведением информанта.

Цель. Выявить маркеры региональной самоидентификации в речевом поведении индивидуальной языковой личности.

Методы исследования: описательный метод и метод контекстуального анализа.

Результаты. Региональная идентичность определяется как форма коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному соотношению с внешним миром. При анализе текстов бесед, интервьюирования выявлены определённые черты, отражающие региональную «самость».

Ключевые слова: региональная самоидентификация; индивидуальная языковая личность; маркеры региональной самоидентификации.

REFLECTION OF REGIONAL SELF-IDENTIFICATION IN THE SPEECH BEHAVIOUR OF THE INDIVIDUAL LINGUISTIC PERSONALITY – THE RESIDENT OF THE SIBERIAN PROVINCE

*Slavkina I.A., Shmulskaya L.S., Mamayeva S.V.,
Vekkesser M.V.*

The ways of reflecting and linguistic expression of regional self-identification in the speech behavior of a particular linguistic personality are the subject of the study. The research is based on the recording of the texts of the interview with a resident of the Siberian province; the texts of the conversations with former villagers; the monitoring protocols of the informant's speech behavior.

Goal. *To identify the markers of regional self-identification in the speech behavior of the individual linguistic personality.*

Research methods: *the descriptive method and the method of the contextual analysis.*

Results. *The regional identity is defined as a form of collective identity at which its carrier is capable of spatiotemporal identification, valuable, emotional, regulatory correlation with the outside world. Upon analyzing the texts of the interviews and conversations, certain features that reflect the regional "self" have been revealed.*

Keywords: *regional self-identification; individual linguistic personality; markers of regional self-identification.*

Языковая личность – одно из центральных понятий современной лингвистики, что соответствует антропоцентрической направленности современного языкознания (А.А. Леонтьев, Ю.Н. Караулов и др.). По определению Ю.Н. Караулова, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: 1) степенью структурно-языковой сложности; 2) глубиной и точностью отражения действительности; 3) определенной целевой направленностью [8, с. 15].

Термин «языковая личность» впервые был употреблен В.В. Виноградовым в книге «О языке художественной прозы». Свое дальнейшее развитие понятие «языковая личность» получило в исследованиях Л.П. Крысина (1994), Ю.С. Караулова (1997), В.И. Карасика (2003, 2004), Н.Л. Красавского (2008), (1994), Т.В. Романовой (2009), Т.П. Тарасенко (2007) и многих других. Однако до сих пор не существует единства мнений в определении понятия «языковая личность», четко не определены методы и способы ее описания.

Ю.Н. Караулов представил лингво-когнитивную структуру языковой личности. В качестве составляющих языковой способности автор выделяет:

- вербально-семантический (или вербально-грамматический, или ассоциативно-вербальный) уровень, предполагающий владение естественным языком;
- когнитивный уровень, основывающийся на когнитивной деятельности языковой личности, в результате которой человек приходит к определенному решению или знанию. Знание – это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему;
- прагматический уровень, проявляющийся в способности построить сообщение, выразить свое отношение к сообщаемому, к участникам коммуникативной ситуации, а также обозначить свою роль в ней, выразить свое «я» [8, с. 53].

В.В. Красных, характеризуя языковую личность, говорит о ней как о совокупности трех «личностных» феноменов: человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность, охватывающая как порождение, так и восприятие речевых произведений; языковая личность – как личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений; речевая личность – как личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно-лингвистических, так и экстралингвистических) [10, с. 22].

Понятие «языковая личность» предполагает рассмотрение каждого носителя языка в качестве уникального объекта изучения. Однако в сходных, или в однотипных, коммуникативных ситуациях люди ведут себя одинаково. Это связано с тем, что говорящие в своем индивидуальном речевом поведении демонстрируют общие особенности группового речевого поведения: отдельный носитель языка «как бы фокусирует в себе черты коллективных языковых личностей» [4, с. 114]. Например, житель города одновременно может выступать как языковая личность горожанина, языковая личность студента-словесника, как гендерная языковая личность и т.д.

Таким образом, возможно выделение совокупной языковой личности, которая отражает типичные черты речевого поведения определенного языкового коллектива (русская языковая личность, языковая личность школьника, сельского жителя и т.д.), и индивидуальной языковой личности (идиолектная языковая личность). Языковая личность как совокупный объект и как конкретный носитель данного языка не существуют друг без друга и представлены как две стороны одной медали. Как справедливо отмечает В.С. Юрченко, «абстрактный говорящий репрезентируется через конкретного говорящего, но тождества между ними нет, как нет тождества между сущностью и явлением, языком и речью» [19, с. 5].

Предметом рассмотрения данной статьи выступает речевое поведение индивидуальной языковой личности как один из способов отражения региональной самоидентификации. Респондентом явилась уроженка Мотыгинского района Мария Николаевна И., родившаяся в с. Денисово Мотыгинского р-на Красноярского края в 1936 г. Родители Марии Николаевны, старшие сестры и братья были раскулачены и высланы из центральной России в Сибирь. С 1957 г. Мария Николаевна работала учителем начальных классов в школе п. Первомайск Мотыгинского р-на. Речевое поведение избранной языковой личности представляет определенный научный интерес в аспекте проблемы отражения региональной самоидентификации, поскольку Мария Николаевна в силу профессиональной деятельности является носителем литературного языка, и в то же время в ее речи активно проявляются диалектные и региональные элементы.

Региональная самоидентичность отражает изменения в понимании индивидами себя, своего места в мире и многообразие процессов глобализации или локализации и их культурных, политических, экономических эффектов. А.А. Анисимова, О.Г. Ечевская называют территориальную (региональную) идентичность «культурным феноменом, отражающим взаимодействие глобальных тенденций или локальных откликов на них; биографическим проектом (результатом не только переосмысления территории и ее границ, но и способа взаимодействия с территорией, истории проживания индивида на территории и за ее пределами); политическим проектом (в широком смысле слова), поскольку представляет собой один из видов «новой солидарности», способ публичного заявления общности о себе с целью признания отличий, культурной специфичности, социальных и экономических прав» [1, с. 43].

Вопросы самоидентификации жителей Приенисейской Сибири рассмотрены в ряде работ. Так, описаны особенности языковой картины мира сибиряков [2; 17], охарактеризованы специфические черты литературы и фольклора региона [3; 5; 12], выявлены маркеры региональной самоидентификации [13; 15; 18]. Вместе с тем проблема самоидентификации отдельной языковой личности не получила в научной литературе должного освещения. Хотя стоит признать, что в языковой личности проявляются и психические, и социальные, и этнические, и региональные особенности, но преломленные через ее язык, дискурс.

Изучение процесса территориальной самоидентификации языковой личности возможно через анализ речевого поведения. Материалом исследования послужили записи текстов интервью с Марией Николаевной И.; текстов ее бесед с бывшими односельчанами; протоколы наблюдения за речевым поведением информанта.

Анализ записи интервью с Марией Николаевной позволяет сделать вывод, что в ее картине мира «сибиряк» отличается от жителей других территорий: *«Сибиряк ведь он крепкий, здоровый, честный, порядочный, самостоятельный мужик, умеет рыбу добыть и медведя убить. В лесу выжить. Всегда в моде и почете. Их всегда в войну в разведывательные отряды брали, они ведь честные, крепкие,*

порядочные. Этим и отличаются от других: порядочностью, силой, деловыми качествами». Примечательно, что вопрос звучал «Кто такой сибиряк?». Информант же скорее отвечал на вопрос «Сибиряк, какой он?», перечисляя типичные, стереотипные представления о жителях Сибири. Указанные характеристики соотносятся со многими составляющими обобщенного образа русского мужика, богатыря.

Отмечая отличия жителей Мотыгинского р-на от других сибиряков, Мария Николаевна обращала внимание в большей степени на речевые особенности населения соседних территорий: «Рыбинцы, мотыгинцы, денисовские – у нас свои разговоры: чо, пошто, да за чем, да куды ты. Были у нас свои поговорки и присказки: не отпадет голова – прирастет борода; отдохнем, когда сдохнем; по колено в навозе – по локоть в масле. В окружности так все разговаривали. А кежемцы, богучанцы – те смешно разговаривали, тянули. Я в Енисейске училась с ними, так когда они отвечали, смешно было. А потом год прошел, и ничего, научились говорить. А сначала заходят и спрашивают: люминеве каштрюля эш (алюминиевая кастрюля есть?)... Тоже сибиряки, рыбаки, грибники, рыжики лопатами брали. А у нас то грибов не так было, как у них». Как видим, ни поведенческих, ни личностных отличий информантом названо не было, более того она указывает на то, что жители соседних территорий тоже сибиряки. Однако употребление в ее речи местоимений позволяет утверждать, что она неосознанно относит сибиряков из других районов к разным полюсам дихотомии «свой – чужой». Ср.: «те смешно разговаривали», «у них свои поговорки»; «у нас свои разговоры»; «у нас грибов не так было». Неосознанно «свое» изначально воспринимается как лучшее и правильное. Ср.: «через год научились разговаривать».

В ходе беседы мы задали вопрос «Чем же хорош Мотыгинский район? Посоветовали бы вы жить в Мотыгинском районе?». Анализируя ответ информанта, стоит отметить, что социальные факторы, факторы материального благополучия оказываются абсолютно не значимы для нее (хотя в настоящее время Мотыгинский район испытывает известные трудности, свойственные малым провинциальным территориям). Важными для Марии Николаевны оказываются

порядочные, хозяйственные, приветливые люди и удивительная природа: *«Езжайте. Живите. Тут красивая река Ангара, чистая, прозрачная. Народ приветливый, всем поделится, встретит хорошо, хозяйственный, смекалистый, хваткий, бесхитростный... Вот похвастаюсь вам. Мне Клавдия Дмитриевна звонит, она кежемская, и говорит: «Вы, мотыгинские, так отличаетесь, вы такие деловые, смекалистые. А мы разявые, такой хватки нет». А то! Мы же столько рек переплывали, по волнам ныряли. Вот и смелые, отчаянные люди!»*. Подобные рассуждения позволяют заключить, что в представлении данной языковой личности качества жителей того или иного региона во многом определяются природными условиями.

На наш взгляд, представляет интерес ответ Марии Николаевны на вопрос «Что такое для вас Родина?». В картине мира Марии Николаевны понятие «родина» – это не только территория, где родился и вырос, но и определенный период жизни – детство: *«Родина – это место, где родился, вырос, твоя земля, родители... Я выросла в этой деревне (Денисово). Подруга, она в Красноярске жила, умерла уже, вот как жизнь сложилась... позвонит, бывало, и начнем с ней: вот бы встретиться, все тропинки наши пройти, на кладбище сходили бы, в Ангаре искупались... Помню, как рыбачили, как карасей ловили, как я до горя червей боялась... Цветы, незабудки, это все такое родное.... Этот дуг как зацветет жарками и незабудками.... Отчий дом... Расскажу сейчас историю. Помню, Людмила Андреевна вызвала к доске Гошу Бакулина и спросила: «Какая столица нашей Родины?», он думал, думал, а потом ответил: «Рыбная» (смеется) (прим. авт.: с. Рыбное Мотыгинского р-на). А то и была наша столица. У нас же там почта была...»*. Таким образом, родина в представлении анализируемой языковой личности предстает как нечто идеальное, наполненное яркими воспоминаниями. Интересно, что в данном случае отсутствуют признаки национальной самоидентификации, но явно представлены элементы локальной, «местечковой» самоотнесенности [18].

Записи бесед с бывшим односельчанами позволяют заключить, что Мария Николаевна охотно поддерживает темы, касающиеся про-

шлого и настоящего Мотыгинского р-на. Одним из маркеров локализации пространства, проявляющемся в ее речи, можно считать использование таких лексических единиц, как *здесь, эти, тот*, переводящих объекты, события из разряда общих в разряд частных, наблюдаемых одновременно как автором, так и слушателем. Примечательно, что в настоящее время Мария Николаевна проживает в г. Лесосибирске, однако в своем повествовании относительно Мотыгинского р-на использует определенные лексико-грамматические показатели, отражающие ее сопричастность к родному селу: *тут, здесь, у нас*: «*Поселок в 1954 году построился, но здесь даже в войну было несколько домишек*»; «*Ссылных в поселке у нас было много. Артистка была, пьесы с нами ставила. Дождя нет, а она с зонтиком ходила, от солнца закрывалась*»; «*Красные пришли в нашу Рыбинскую*». Используя разновидность местоименных слов, языковая личность мыслит и чувствует себя частью территориальной (локальной, региональной) и духовной общности.

Обращает на себя внимание включение в повествование различных типов онимов: антропонимов («*Красные пришли, командиром у них Нил был*»; «*Артистка наша, Козыра, фамиль у нее такая, как мама моя говорила, дом на берегу построили. Валя ее знает*»), гидронимов (*Енисей, Ангара, Тасей, Удерей*), эргонимов (*Тасеевская сплавная контора, Слюдрудник, Машуковский леспромхоз, колхоз «Восток», колхоз «Спартак», совхоз «Чистяки», совхоз «Решающий*»), дромонимов (*Кондаковский тракт, Тасеевский тракт, Денисовская дорога, Пашина дорога, Медвежья тропа*), агроонимов (*Четверковские покосы, Кондаковские покосы*), оронимов (*скала Скородум, Гребень*), ойконимов (*поселки Первомайск, Рыбное, Денисово, Покукуй, Погорюй, Потоскуй, Зайцево, др.*). Вышеуказанные онимы можно обозначить как единицы региональной прецедентности, т.е. значимые для языковой личности в когнитивном и эмоциональном отношении, отражающие общие, фоновые знания, объединяющие представителей региона. Подобные онимы могут рассматриваться как отражение регионального сознания говорящего, в данном случае можно говорить о региональной прецедентности

как об одном из устойчивых способов выражения ключевых слов смыслового поля региональности, территориальности. Проявлением подобной региональной прецедентности можно считать диалектную лексику: «По весне такая растатуиха у нас»; «Занесла с верранды мясо, лежит три часа, конечно, забыгало»; «Может, сделал бы по-другому, да-к тяму не хватает». Диалектной особенностью грамматического характера можно считать особенности склонения имен собственных: «Он родом из Мотыгиной» (поселок Мотыгино); «Уедет в свою Денисову» (поселок Денисово).

Наблюдая за речевым поведением информанта, возможно отметить, что повествование о Мотыгинском р-не сопровождается указательными жестами, отражающими принадлежность к чему-либо или, напротив, некую дистанцированность.

Анализ речевых особенностей отдельной языковой личности позволяет заметить, что понимание своего места в мире, оценка пространственной общности проявляются как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Наиболее частотными и показательными в аспекте самоидентификации языковой личности являются употребление диалектной лексики, включение в текст высказывания лексических единиц региональной прецедентности, использование лично-притяжательных местоименных слов. Обращаясь к указанным лингвистическим средствам, языковая личность осознанно или неосознанно мыслит и чувствует себя частью региональной (локальной) и социокультурной общности.

Таким образом, речевое поведение отдельной языковой личности репрезентирует особенности ее региональной самоидентификации как на вербально-семантическом, так и на когнитивном и прагматическом уровнях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
2. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2016 г. С. 83–84.
3. Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 120–134.
4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: «Лабиринт», 1998. 114 с.
5. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Лобарева В.С. Архетипическая основа малой прозы И. Пантелеева // Фундаментальные исследования. 2013, № 8–6. С. 487–490.
6. Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 96–106.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
9. Красавский Н.Л. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
10. Красных В.В. Основы психолингвистики теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
11. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М.: РАН, Институт языкознания, 1994. 274. с
12. Мазурова Н.А., Зырянова О.Н., Бахор Т.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 195–207.

13. Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С., Веккесер М.В. Социолингвистический портрет школьников-подростков как речевой маркер региональной идентичности // Успехи современной науки. 2016, №9, том 4. С. 47–50.
14. Романова Т.В. Социо- и психолингвистические основания для типологической характеристики русской языковой личности // Социальные варианты языка: материалы междунар.науч.конф. (16–17 апр. 2009 г.). Н. Новгород, 2009. С. 24–27.
15. Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 227–243.
16. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 25 с.
17. Фельде О.В. Образ Америки в языковом сознании жителей Средней Сибири (по данным психолингвистического эксперимента) // НОМО COMMUNICANS: Человек в пространстве межкультурных коммуникаций: коллективная монография / Под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурска-Бояновской. Щецин, GRAFFORM, 2012. С. 201–218.
18. Шмульская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016. №9 (4). С. 67–69.
19. Юрченко В.С. Космический синтаксис: Бог, Человек, Слово. Лингво-философский очерк. Саратов: СГПИ, 1992. 136 с.

References

1. Anisimova A.A., Echevskaja O.G. *Sibirskaja identichnost': predposylki formirovanija, konteksty aktualizacii*. [Siberian identity: prerequisites for the formation, updating contexts]. Novosibirsk: NGU, 2012. 176 p.
2. Bajor T.A., Zyryanova O.N., Lobareva V.S. *Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii* [Associative fields as an embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnye tehnologii*

- nauchnogo razvitija: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific-practical conference]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
3. Vekkeser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoindentifikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 27, 2016, pp. 120–134.
  4. Gorelov I.N., Sedov K.F. *Osnovy psiholingvistiki*. [Fundamentals of psycholinguistics]. M. Labirint, 1998. P. 114.
  5. Zyrjanova O.N., Bahor T.A., Lobareva V.S. Arhetipicheskaja osnova maloj prozy I. Panteleeva [The archetypal basis of small prose I. Panteleyev]. *Fundamental'nye issledovanija*, no 8–6, 2013, pp. 487–490.
  6. Karasik V.I. Aspekty jazykovej lichnosti [Aspects of linguistic identity] *Problemy rechevoj kommunikacii* [Problems of speech communication]. Saratov, 2003, pp. 96–106.
  7. Karasik V.I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. M.: Gnozis, 2004. 390 p.
  8. Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. M.: Nauka, 1987. 262 p.
  9. Krasavskij N.L. *Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russoj lingvokul'turah* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. M.: Gnozis, 2008. 374 p.
  10. Krasnyh V.V. *Osnovy psiholingvistiki teorii kommunikacii: kurs lekcij*. [Foundations of psycholinguistics and theory of communication: a course of lectures] M.: ITDGK «Gnozis», 2001. 270 p.
  11. Krysin L.P. Sovremennij russkij intelligent: shtrihi k rechevomu portretu [Modern Russian intellectual: touches to the portrait of a voice]. *Literaturnyj jazyk i kul'turnaja tradicija* [Literary language and cultural tradition]. M.: RAN, Institut jazykoznanija, 1994. 274 p.
  12. Mazurova N.A., Zyrjanova O.N., Bahor T.A. Dendrologicheskie obrazy kak forma projavlenija regional'noj identichnosti v tvorcestve po-

- jetov Krasnojarskogo kraja [Dendrological images as a form of manifestation of regional identity in the work of poets of the Krasnoyarsk Territory]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 3–2 (27), 2016, pp. 195–207.
13. Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Vekkesser M.V. Sociolingvističeskij portret škol'nikov-podrostkov kak rečevoj marker regional'noj identičnosti [Sociolinguistic portrait of teenage schoolchildren as a speech marker of regional identity]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, tom 4, 2016, pp. 47–50.
  14. Romanova T.V. Socio- i psiholingvističeskie osnovanija dlja tipologičeskoj harakteristiki ruskoj jazykovoj ličnosti [Socio- and psycholinguistic bases for typological features of the Russian linguistic identity]. *Social'nye varianty jazyka: materialy mezhdunar.nauch.konf. (16-17 apr.2009 g.)* [Social variants of the language: materials of international scientific research (16-17 April 2009)]. N. Novgorod, 2009, pp. 24–27.
  15. Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Mamaeva S.V., Vekkesser M.V. Verbal'nye markery regional'noj identičnosti (na materiale sovremennyh chokonimov) [Verbal markers of regional identity (on the basis of modern choconims)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no. 3–2 (27), 2016, pp. 227–243.
  16. Tarasenko T.P. *Jazykovaja ličnost' starsheklassnika v aspekte ee realizacii* [The language person of the senior pupil in aspect of its implementation]. Krasnodar, 2007. 25 p.
  17. Fel'de O.V. *Obraz Ameriki v jazykovom soznanii žitelej Srednej Sibiri (po dannym psiholingvističeskogo jeksperimenta)* [The image of America in the linguistic consciousness of the inhabitants of Central Siberia (according psycholinguistic experiment)]. *NOMO COMMUNICANS: Čelovek v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij* [NOMO COMMUNICANS: Man in the space of intercultural communications]. Pod red. Kristiny Janashek, Jolanty Miturska-Bojanovskoj. Shhecín: GRAFORM. 2012, pp. 201–218.
  18. Shmul'skaja L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. *Otrazhenie territorial'noj identičnosti v pis'mennyh rabotah škol'nikov* [Re-

flection of territorial identity in written works of schoolchildren]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, V. 4, 2016, pp. 67–69.

19. Jurchenko V.S. *Kosmicheskij sintaksis: Bog, Chelovek, Slovo. Lingvo-filosofskij ocherk* [Space syntax: God, Man, the Word. Linguo-philosophical essay]. Saratov: SGPI, 1993. 136 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Славкина Инга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
ingaslavkina@yandex.ru

Шмульская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
lara_sh1973@rambler.ru

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
svtamaeva@mail.ru

Веккессер Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

*ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
vekkesser2012@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Slavkina Inga Anatol'evna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
ingaslavkina@yandex.ru*

Shmul'skaya Larisa Stepanovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
lara_sh1973@rambler.ru*

Mamaeva Svetlana Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
svmamaeva@mail.ru*

Vekkesser Mariya Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
vekkesser2012@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-96-113

УДК 81.22

ОТРАЖЕНИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Шмульская Л.С., Славкина И.А., Мамаева С.В.,
Веккессер М.В.*

Предметом исследования явились способы отражения и лингвистического выражения территориальной идентичности в печатных региональных средствах массовой информации. Материалом изучения избраны печатные издания Приенисейского региона: «Заря Енисея» (городская общественно-политическая газета города Лесосибирска), «Ангарский рабочий» (общественно-политическая газета Мотыгинского района), «Енисейская правда» (общественно-политическая газета г. Енисейска и Енисейского района), «Заря» (общественно-политическая газета Пировского района Красноярского края), «Северо-Енисейский вестник» (муниципальная газета Северо-Енисейского района), «новая жизнь» (Казачинская общественно-политическая газета Красноярского края).

Цель. *Рассмотреть понятие «региональная идентичность» и выявить маркеры территориальной идентичности в региональных печатных СМИ.*

Методы исследования: *описательный метод и метод контекстуального анализа.*

Результаты. *Региональная идентичность определяется как форма коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному соотносению с внешним миром. При анализе текстов региональных газет выявлены определённые черты, отражающие и формирующие территориальную «самость», что свойственно провинциальным газе-*

там в целом и отличает их от федеральных СМИ. Установлено, что средства массовой информации могут рассматриваться как средства формирования, выражения и трансляции региональных ценностей и являются действенным средством отражения и моделирования территориальной идентичности.

Ключевые слова: *региональная идентичность; региональные печатные средства массовой информации; маркер региональной идентичности.*

REFLECTION OF SELF-IDENTIFICATION IN THE REGIONAL PRINTED MASS MEDIA

*Shmulskaya L.S., Slavkina I.A., Mamayeva S.V.,
Vekkesser M.V.*

The ways of reflecting and linguistic expression of territorial identity in the printed regional mass media were the subject of the study. The printed publications of the Yenisei region: Zarya of the Yenisei (socio-political newspaper of the city of Lesosibirsk), Angarsky Rabochiy (socio-political newspaper of Motyginsky district), Yeniseiskaya Pravda (Yeniseisk and Yeniseisky district socio-political newspaper), Zarya (social and political newspaper of Pirovsky district), Severo-Yeniseisky Vestnik (municipal newspaper of North Yenisei district), Novaya zhizn (Kazachinskaya socio-political newspaper of Krasnoyarsk Territory) were chosen as the material for the research.

Goal. *To consider the concept of “regional identity” and to identify markers of territorial identity in the regional printed media.*

Research methods: *the descriptive method and the method of the contextual analysis.*

Results. *The regional identity is defined as a form of collective identity at which its carrier is capable to spatiotemporal identification, valuable, emotional, regulatory correlation with the outside world. When analyzing the texts of the regional newspapers certain features of reflecting and shaping the territorial “self” are revealed, that is characteristic of*

provincial newspapers in general and distinguishes them from the federal media. It is established that the mass media can be considered as means of formation, expression and transfer of regional values and are effective means of reflection and modeling of territorial identity.

Keywords: *regional identity; regional printed mass media; regional identity marker.*

К числу современных универсалий относится понятие «идентичность», под которым понимается способ классификации окружающего мира, в основе которого лежит (коллективное) представление индивидов о себе, формирующееся в процессе взаимодействия с окружающей действительностью как продукт социальной, экономической и политической активности индивидов в сходных условиях жизни [1].

Исследователи отмечают биполярность указанной выше универсалии, поскольку в ней сочетаются несколько противоположных тенденций: 1) желание выделиться, вычленив себя как нечто уникальное, желание обособиться; 2) желание присоединиться к коллективу, найти «своих», приобщиться к кому или чему-либо [14]. В целом, обретение идентичности означает найти себя, найти свое уникальное место в группе чем-то похожих людей.

Идентичность неоднородна. Так, И.С. Кон выделяет следующие разновидности идентичности: «1) психофизиологическая идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и свойств организма; 2) социальная идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам; 3) личная идентичность, или эго-идентичность, обозначает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысложизненных установок личности, осознающей себя как «самость» [6, с. 28–29]. Все эти три типа теснейшим образом взаимосвязаны, поскольку причисление к опре-

деленному социуму (группе, направлению, течению, школе) нуждается в обращении внутрь себя, к своей «самости», так как «любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир» [8, с. 131].

Отметим, что социальная идентичность как результат процесса идентификации характеризуется наибольшим количеством ярко выраженных вербальных и невербальных маркеров, что дает богатый материал для лингвокультурологических и социолингвистических изысканий. Социальная идентичность неоднородна и включает в себя следующие типы: цивилизационная, культурная, национальная, религиозная, территориальная, гендерная, возрастная, политическая, профессиональная [9, с. 17–18]. Человек выстраивает свою идентичность снизу вверх: от индивидуальной (гендерной, профессиональной, возрастной), локальной (региональной) к национально-государственной. Однако наибольший интерес представляет региональная идентичность, поскольку она отражает как изменения в понимании индивидами себя, своего места в мире, так и многообразие процессов глобализации или локализации и их культурных, политических, экономических эффектов. А.А. Анисимова, О.Г. Ечевская называют территориальную идентичность «культурным феноменом, отражающим взаимодействие глобальных тенденций или локальных откликов на них; биографическим проектом (результатом не только переосмысления территории и ее границ, но и способа взаимодействия с территорией, истории проживания индивида на территории и за ее пределами); политическим проектом (в широком смысле слова), поскольку представляет собой один из видов «новой солидарности», способ публичного заявления общности о себе с целью признания отличий, культурной специфичности, социальных и экономических прав» [1, с. 43].

Вопросы самоидентификации жителей Приенисейской Сибири рассмотрены в ряде работ отечественных исследователей. Так, описаны особенности языковой картины мира жителей [2; 12; 16], охарактеризованы специфические черты литературы и фольклора региона [3; 5; 10], выявлены маркеры региональной самоидентифи-

кации [11; 14; 17]. Заметим, что важным для понимания проблемы идентичности вообще может быть изучение средств массовой информации. Специфике публицистических текстов также посвящено много работ. На наш взгляд, современный человек воспринимает окружающий мир в проекции, создаваемой средствами массовой информации.

С.Г. Корконосенко предлагает следующую классификацию периодических изданий:

- по региону распространения (транснациональная, национальная, региональная, местная пресса);
- по учредителю (государственная и негосударственная пресса);
- по аудиторной характеристике (возрастной, половой, профессиональный, конфессиональный признаки);
- по издательским характеристикам (периодичность, тираж, формат, объем);
- по легитимности (с точки зрения наличия разрешения на издательскую деятельность) [7, с. 78].

Представляется, что государственные СМИ формируют и отражают национальную идентичность, например, такие издания, как «Российская газета», «Известия», «Труд» и т.п.: *«История народа и России учит: нападать на нас – самоубийство. («Русские не сдаются» в газете «Труд», №045 от 7.07.2017), «Конечно, это неприятно, когда на соревнованиях не объявляют твою страну, а называют только имя и фамилию. Но все прекрасно знают, что я представляю Россию и защищаю честь моей страны» («Обидно, когда не объявляют твою страну» в газете «Известия», №104 от 9.07.2017).*

Однако результаты исследований, проведенных отечественными социологами, свидетельствуют о том, что «доля респондентов, ассоциирующих себя только с локальными или региональными общностями, доминирует над долей тех, кто в первую очередь идентифицирует себя с россиянами» [4, с. 35]. В этой связи считаем, что в аспекте изучения территориальной идентичности важным и показательным выступает анализ текстов региональных печатных СМИ.

Отметим, что под местной прессой в последние годы стали понимать главным образом издания, выходящие в районах и городах областного подчинения, газеты малых населенных пунктов в пределах полномочий муниципальной власти. Материалом нашего исследования является местная, или «локальная», пресса, в частности газета «Заря Енисея» (городская общественно-политическая газета города Лесосибирска), «Ангарский рабочий» (общественно-политическая газета Мотыгинского района), «Енисейская правда» (общественно-политическая газета г. Енисейска и Енисейского района), «Заря» (общественно-политическая газета Пировского района Красноярского края), «Северо-Енисейский вестник» (муниципальная газета Северо-Енисейского района), «Новая жизнь» (Казачинская общественно-политическая газета Красноярского края).

Вышеуказанные издания имеют определённые черты, отражающие и формирующие территориальную «самость», что свойственно провинциальным газетам в целом и отличает их от федеральных СМИ.

Анализ тематики прессы Приенисейского региона позволил сделать следующие заключения:

1. Основным источником информации журналистов провинциальных газет становятся личные наблюдения. Опытный газетчик видит район, поселок или маленький город как на ладони. Он всегда знает, какие значимые мероприятия (культурные и социальные) и события произошли: *«Снежный бум» набирает обороты», «В Новоенисейском доме культуры состоялся фестиваль «Рождество в Лесосибирске», В конце декабря в ГДК «Магистраль» состоялся финал молодежного творческого фестиваля «Арт-квадрат». Участники фестиваля продемонстрировали свое мастерство в таких направлениях, как танцы, музыка, мода, фотография, кино» («Заря Енисея», №2, 2017). Зачастую корреспондент сам является участником или очевидцем описываемых событий: <...> *И мы не зря спешили! На сцене нас ждали приключения снеговиков, песни, танцы и, конечно, самые главные новогодние герои. Мы с сыном остались в восторге!* (№1, 2017); *В Енисейском районе состоялся**

праздник «Енисейская уха». Это самое масштабное и многими любимое культурное событие района начиналось в проливной дождь. Безусловно, это формирует содержательную модель провинциальной газеты, ее жанровую и языковую специфику.

2. Статьи отличаются локальностью тематики: освещается жизнь близлежащих районов и городов, предприятий, расположенных на этих территориях: «Важный транспортный узел Енисея. Лесосибирский порт отмечает 40-летие со дня основания предприятия» (№3, 2015) «<...>Женищина на производстве – к успеху. На Лесосибирском ЛДК № 1 трудится немало женщин. Познакомившись с несколькими, я обратила внимание, какие они красивые, милые и обаятельные» (№17, 2017).

3. Ориентированность на конкретные социально-экономические особенности сибирской провинции. Знание журналистом численности населения, учет его менталитета, интересов, предпочтений делают газету незаменимой для жителей: «Сибирская традиция взаимного уважения. В воскресенье, 22 января, в Енисейске открылась после реставрации старейшая мечеть Красноярского края» («Заря Енисея» от №4, 2017); «Лесосибирск: как это было...» («Заря Енисея» от №4, 2017); «К нам едет «Поезд здоровья» («Заря Енисея» от №3, 2015), «В Курсантьево. 14.07.2017); «Представители районного Совета продолжают поездки по поселениям района, чтобы собрать сведения о проблемах на местах» («Ангарский рабочий» от 14.07.2017).

4. Героями репортажей и заметок являются простые люди, живущие рядом: «Работа и семья – гавани фортуны в океане жизни Педагог, завуч общеобразовательной школы № 1, начальник управления образования, заместитель главы города Лесосибирска – таков путь профессиональной деятельности Раисы Сергеевны Вири, Почетного работника среднего образования РФ» («Заря Енисея» от №2, 2017); «Герою сегодняшнего материала, дому № 37, что расположен на улице Первомайской в пос. Раздолинске, просто сильно повезло по сравнению с другими пятиэтажными зданиями. В квартире № 13 живет человек большой позитивной энергии Надежда

Ивановна Лихобабина: именно она с группой активных жильцов стала сердечным мотором огромного по местным меркам 80-квартирного строения, заставляя жить полноценной жизнью не совсем молодой дом» («Ангарский рабочий» от 07.07.2017).

5. Используются специальные методы диалога с читателем, максимально приближенного к условиям непосредственной коммуникации. Так, постоянными являются рубрики «Опрос недели», «Вопрос – ответ» («Заря Енисея»), «Спасибо» («Ангарский рабочий»), «Читатель – газета» («Ангарский рабочий»).

6. Большая степень информационного и организационного взаимодействия с муниципальной властью, что в целом также свидетельствует о близости и к этому сегменту аудитории: *«Плюсы и минусы: обо всем подробно и открыто на встречах с главой города» («Заря Енисея» от №6, 2017); «Добились лучших результатов. В 2016-м подведены итоги краевого конкурса «На лучшую организацию работы представительного органа муниципального образования» («Заря Енисея» от №4, 2017).*

Таким образом, функционирование издания в маленьком провинциальном городе или селе, поселке накладывает «местечковый» отпечаток на тематику газеты.

Выше уже отмечалось, что средства массовой информации с одной стороны отражают, а с другой стороны формируют территориальную идентичность жителей. Маркерами процесса самоидентификации в языке региональных печатных СМИ могут выступать:

1) использование местоименных дейктиков. Чаще всего роль дейктиков выполняют притяжательные и личные местоимения. Используя эту разновидность местоименных слов, авторы текстов мыслят и чувствуют себя частью территориальной (локальной, региональной, государственной) и духовной общности: *«Несколько лет в Орджоникидзевской сельской администрации установлено правило: нашим жителям, стоящим на учете в Центре занятости населения, в случае организации временных работ в летний период обеспечивается трудоустройство» («Ангарский рабочий», 23.06.2017); «Наша чемпионка» (Енисейская правда», 8.09.2016);*

2) обращение к региональному ономастикону: «Закрылся Пит-Городок и поселок Суворовский. Суворовский был в основном дражным поселком, драга ушла далеко и практически всех перевезли на Тею. Пит-Городок – это поселок спецпереселенцев, то есть раскулаченных. <...> Жителям всем дали жилье и перевезли в гп Северо-Енисейский, Тею, Брянку» («Северо-Енисейский вестник» от 13.06.2017). «В июне 2017 года в Раздолинском филиале Енисейского многопрофильного техникума прошла интересная встреча. Ребята познакомились с человеком, на счету которого не одна спасенная человеческая жизнь. Начальник автотранспортной базы ООО «Боголюбовское» Виктор Николаевич Щетинин награжден медалью МЧС «За заслуги»» («Ангарский рабочий» от 14.07.2017);

3) включение в текст статей региональной и узкопрофессиональной лексики: «Прохладным летним июльским утром мы выехали по направлению на Южно-Енисейск. Дорога «ленинградка» встретила не очень приветливо...» («Ангарский рабочий» от 14.07.2017); «Зимник станет крепче» («Енисейская правда» от 14.07.2017); «На 67–69-м километрах трассы предстоит устроить лежневку, обеспечив тем самым проезд по болотистой местности» («Енисейская правда» от 14.07.2017); «Открыт верхний зимник» («Енисейская правда» от 24.11.2016). Без пояснений значения достаточно активно используется терминологическая промысловая лексика: «... было заготовлено более 93 кубометров хлыстов. Из них произведено 41 тысяча километров пиловочника. На маковском участке уже началась вывозка деловой древесины...» («Енисейская правда» от 24.11.2016);

4) использование обращений, указывающих на территориальную принадлежность: «Дорогие красноярцы!», «С Новым годом, казачинцы!», «Земляки!», «Внимание, лесосибирицы!», «Дорогие жители Красноярского края!», «Сибиряки и сибирячки!» и т.д.

Заметим, что региональные средства массовой информации тиражируют представление о провинции как акторе возрождения России, подчас это стремление «выливается в мифологию, в которой центр противопоставляется конкретному региону» [4, с. 37], при-

чем последний выступает как полюс порядка. Особо подчеркивается сверхзначимость провинции для судьбы всей России: «*Красноярский край – зона стабильности*» («Новая жизнь» от 1.01. 2016), «*Кто кормит страну и мир: красноярские аграрии снова лучшие в Сибири*» («Новая жизнь» от 15.02. 2016). Благодаря СМИ возникают и культивируются разного рода региональные символы: «*Лесосибирск – лесная столица России*», «*Северо-Енисейск – золотая жила России*», «*Сибирская тайга – легкие России*».

Авторы статей и очерков региональных печатных изданий часто при описании территории обращаются к оценочной лексике: «*Вести золотой провинции*» (постоянная рубрика «Северо-Енисейского вестника», к особым лексико-грамматическим формам («*Однако капризы природы не смогли испугать тех, кто готов был поостязаться в мастерстве приготовления ухи, и тех, кто готов был ждать этой самой ухи, чтобы насладиться ею в полной мере на берегу самой великолепной и могучей реки в России – Енисея*» («Енисейская правда», 14.07.2017), к средствам художественной выразительности разного рода («*Говорили и о планах, о посещении родных мест, о том, как скучается ему там, в Таджикистане, по доброй енисейской земле, по ее бескрайним снегам и мудрым и щедрым людям; о том, как почитают на его земле русских стариков; о том, как рад он будет когда-нибудь каждому гостю из ставшей ему вторым домом Сибири...*» («Енисейская правда» от 14.07). Деревни и поселки воспринимаются как нечто олицетворенное и одушевленное, имеющее способность жить и умирать. Не случайно автор одной из статей употребляет устаревшее идиоматическое выражение «почить в бозе»: «*Уж и совхоза нет, и деревня Леднево почила в бозе, а брошенное когда-то оборудование переживает второе рождение под визг ребятни*» («Енисейская правда», 24.11.2016). Это церковнославянское по происхождению выражение, церковная христианская формула, встречающаяся в заупокойных молитвах, в ритуальных поминовениях. «В бозе» здесь – форма предложного падежа существительного «Бог» в церковнославянском языке. Таким образом, выражение «почить в Бозе» буквально оз-

начает «уснуть в Боге», т. е. уйти из жизни мирно, веруя, отдать свою душу Богу.

Интересно представление о сибиряках в портретных очерках местных СМИ, например, очерк «Воробьевы горы» («Енисейская правда» от 24.11.2016). Сама структура статьи основана на дихотомии «центр» – «Сибирь», о которой упоминалось выше. В национальной картине мира сложился стереотипный образ сибиряка: это человек, интересующийся «как уродилась ягода, пошли ли грибы, сколько соболя в тайге, есть ли рыба в Енисее. В сезон об этом говорят много и можно подумать, что людей интересует только это». Однако в качестве героя очерка выступает человек утонченной натуры, что удивляет автора: «Откуда у простого парня из сибирской глубинки такая тяга к украшению мира вокруг себя?» Примечательно, что в качестве эпиграфа к очерку избран диалог из известного мультипликационного фильма «Большой Ух»:

- А в нашем лесу тоже есть звезда.
- Звезда? В вашем болоте?
- В нашем. Пойдем.

В тексте для обозначения одной реалии используются контекстуальные антонимы *лес – болото*, в чем видится типичное расхождение авто- и гетеростереотипов. Традиционно считается, что лес для Сибири – это источник жизни, болото – это смерть, нечистая сила. На наш взгляд, значимо в отношении биполярности само название статьи, представляющее собой прецедентный текст – «Воробьевы горы». В контексте очерка Воробьевы горы – это сибирская достопримечательность, названная в честь своего «творца» – Андрея Воробьева. Мысль автора отражает восприятие своей земли, которая сильна «обычными» людьми и результатом их «обычного» труда, который превращает «болото» в «лес»: «У него идеи рождаются как крыжовник на кусте <...> Да уж, с виду простой, неказистый, а плоды щедрые, душистые, полезные. Вот вам и леса – болота северные!»

Проведенный анализ текстов региональных СМИ позволяет заключить, что средства массовой информации могут рассматриваться как способ формирования, выражения и трансляции региональных

ценностей и являются действенным приемом отражения и моделирования территориальной идентичности.

Наиболее значимыми в процессе формирования региональной «самости», на наш взгляд, являются следующие черты провинциальных СМИ: специфические методы диалога с читателем; выбор героев репортажей и заметок; ориентированность на конкретные социально-экономические особенности сибирской провинции; локальность тематики.

Ключевыми в аспекте отражения региональной самоидентификации являются такие языковые средства, как: местоименные дейктики, территориальный ономастикон, региональная и узкопрофессиональная лексика, оценочная лексика, обращения, указывающие на территориальную принадлежность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российскойского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
2. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2016 г. С. 83–84.
3. Веккессер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмольская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 120–134.
4. Галактионова Н.А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности // Регионоведение. 2010, №2. С. 257–264.

5. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Лобарева В.С. Архетипическая основа малой прозы И. Пантелеева // *Фундаментальные исследования*. 2013, № 8-6. С. 487–490.
6. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 336 с.
7. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2016. 272 с.
8. Кривых Л.В. Символический мир как основа самоидентификации // *Политико-философский ежегодник*. 2009. №2. С. 130–140.
9. Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: НГПУ, 2013. С. 17–18.
10. Мазурова Н.А., Зырянова О.Н., Бахор Т.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // *Современные исследования социальных проблем*. 2016, № 3–2 (27). С. 195–207.
11. Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С., Веккесер М.В. Социолингвистический портрет школьников-подростков как речевой маркер региональной идентичности // *Успехи современной науки*. 2016, №9, том 4. С. 47–50.
12. Мамаева Т.В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири // *Приенисейская Сибирь как лингворегион*. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 177–180.
13. Мучкина Е.С. Ассоциативный эксперимент в исследовании этнических стереотипов // *Приенисейская Сибирь как лингворегион*. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 192–196.
14. Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // *Современные исследования социальных проблем*. 2016, № 3–2 (27). С. 227–243.
15. Степанов В.Н. «Имидж» региона: опыт формирования к юбилею // *Имидж государства и региона: материалы междунар. симпозиума, 23–25 марта 2009 г. Санкт-Петербург*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.statebrand.ru/upload/files/doc_1237663252.doc.

16. Фельде О.В. Образ Америки в языковом сознании жителей Средней Сибири (по данным психолингвистического эксперимента) // НОМО COMMUNICANS: Человек в пространстве межкультурных коммуникаций: коллективная монография / Под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурска-Бояновской. Щецин: GRAFFORM, 2012. С. 201–218.
17. Шмультская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016, №9, том 4. С. 67–69.

References

1. Anisimova A.A., Echevskaja O.G. *Sibirskaja identichnost': predposylki formirovanija, konteksty aktualizacii* [Siberian identity: the prerequisites for the formation, updating contexts]. Novosibirsk: NGU, 2012. 176 p.
2. Bahor T.A., Zyrjanova O.N., Lobareva V.S. Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii [Associative fields as an embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnye tehnologii nauchnogo razvitija: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific and practical conference]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
3. Vekkeser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoindentifikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 27, 2016, pp. 120–134.
4. Galaktionova N.A. Osobennosti sovremennyh processov regionalizacii i formirovanija regional'noj identichnosti [The features of the modern processes of regionalization and the formation of regional identity]. *Regionologija*. 2010, no 2, pp. 257–265.
5. Zyrjanova O.N., Bahor T.A., Lobareva V.S. Arhetipicheskaja osnova maloj prozy I. Panteleeva [The archetypal basis of small prose I. Panteleyev]. *Fundamental'nye issledovanija*, no 8-6, 2013, pp. 487–490.

6. Kon I.S. *V poiskah sebja. Lichnost' i ee samosoznanie*. [In search of himself. Personality and identity]. M.: Polit-izdat, 1984. 336 p.
7. Korkonosenko S.G. *Osnovy zhurnalistiki: uchebnoe posobie* [The basics of journalism]. M.: KNORUS, 2016. 272 p.
8. Krivyh L.V. Simvolicheskiy mir kak osnova samoidentifikacii [The symbolic world as a basis for identity]. *Politiko-filosofskij ezhegodnik*. 2009. no 2, pp. 130–140.
9. Lappo M.A. *Samoidentifikacija: semantika, pragmatika, jazykovye resursy*. [Identity: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk: NGPU, 2013, pp. 17–18.
10. Mazurova N.A., Zyrjanova O.N., Bahor T.A. Dendrologicheskie obrazy kak forma projavlenija regional'noj identichnosti v tvorcestve poetov Krasnojarskogo kraja [Dendrological images as a form of manifestation of regional identity in the work of poets of the Krasnoyarsk Territory]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no 3–2 (27), 2016, pp. 195–207.
11. Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Vekkesser M.V. Sociolingvističeskij portret škol'nikov-podrostkov kak rečevoj marker regional'noj identichnosti [Sociolinguistic portrait of teenage schoolchildren as a speech marker of regional identity]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, tom 4, 2016, pp. 47–50.
12. Mamaeva T.V. Metaforičeskie naimenovanija kak otrazhenie jazykovoj kartiny mira ohotnikov i rybakov Prienisejskoj Sibiri [Metaphorical names as a reflection of language world picture hunters and fishermen Yenisei Siberia]. *Prienisejskaja Sibir' kak lingvoregion* [Yenisei Siberia as a linguistic region]. Krasnojarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2010, pp. 177–180.
13. Muchkina E.S. Associativnyj jeksperiment v issledovanii jetnicheskikh stereotipov [Associative experiment in the study of ethnic stereotypes]. *Prienisejskaja Sibir' kak lingvoregion* [Yenisei Siberia as a linguistic region]. Krasnojarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2010, pp. 192–196.
14. Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Mamaeva S.V., Vekkesser M.V. Verbal'nye markery regional'noj identichnosti (na materiale sovremennyh

- chokonimov) [Verbal markers of regional identity (on the basis of modern choconims)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no. 3–2 (27), 2016, pp. 227–243.
15. Stepanov V.N. «Imidzh» regiona: opyt formirovanija k jubileju [The “image” of the region: formation experience for the anniversary]. *Imidzh gosudarstva i regiona: materialy mezhdunar. simpoziuma, 23–25 marta 2009 g. Sankt-Peterburg*. [The image of the state and the region: materials of the international. Symposium, March 23–25, 2009 St. Petersburg]. http://www.statebrand.ru/upload/files/doc_1237663252.doc.
16. Fel'de O.V. Obraz Ameriki v jazykovom soznanii zhitelej Srednej Sibiri (po dannym psiholingvisticheskogo jeksperimenta) [The image of America in the linguistic consciousness of the inhabitants of Central Siberia (according psycholinguistic experiment)]. *NOMO COMMUNICANS: Chelovek v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij* [NOMO COMMUNICANS: Man in the space of intercultural communications]. Pod red. Kristiny Janashek, Jolanty Miturska-Bojanovskoj. Shhecin: GRAFFORM. 2012, pp. 201–218.
17. Shmul'skaja L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. Otrazhenie territorial'noj identichnosti v pis'mennyh rabotah shkol'nikov [Reflection of territorial identity in written works of schoolchildren]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no9, tom 4, 2016, pp. 67–69.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Шмульская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
lara_sh1973@rambler.ru

Славкина Инга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
ingaslavkina@yandex.ru

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
svtataeva@mail.ru

Веккессер Мария Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
vekkesser2012@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shmul'skaya Larisa Stepanovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
lara_sh1973@rambler.ru

Slavkina Inga Anatol'evna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University

42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
ingaslavkina@yandex.ru

Mamaeva Svetlana Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
svmamaeva@mail.ru

Vekkesser Mariya Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian Federal University
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian Federation
vekkesser2012@yandex.ru

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

LITERARY THEORY. TEXTOLOGY. FOLKLORE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-114-125

UDC 82-1/-9

LITERARY LEGEND: A COGNITIVE MODEL OF THE GENRE

Tuliakova N.A.

Perceived as one of the major taxonomic devices, the genre also serves a means to process and reflect the world. Thus, the genre has cognitive grounds. The paper endeavours to analyse the cognitive model of the literary legend. The objective of the present paper is to ascertain the typical features of the pattern that numerous literary legends of the nineteenth century follow. The cognitive model of the genre consists of formal features, namely compulsory, default and optional ones, and idealized cognitive model, which corresponds to the author's message. The material for analysis is the corpus of the nineteenth century literary legends written in different languages. The texts were selected by the presence of the genre signal 'legend' in the title or subtitle of the text or the cycle containing the text. The core formal features of the literary legend are related to its conflict, plot and setting. The idealized cognitive model may be expressed as the higher value of the world over a personage. Whatever the national variant of the legend may be, the legend mostly touches upon the relations between a person and an established set of values (law, superstition) and is embodied in the following sequence: proclaiming the rule, its break (ac-

cidental or intentional) and atonement (punishment, revenge, repentance). The collision between man and the world mainly results in the personage and reader's evaluating some old truth (moral, Biblical law) which the personage attempted to refute. Contrary to the novel, where the personage understands and professes a new truth about the world, the legend is highly traditional. Establishing formal properties and idealized cognitive model contributes to a more precise genre attribution of literary texts, particularly the ones devoid of the author's genre definition.

Keywords: *genre; literary legend; idealized cognitive model; compulsory features; default features; optional features.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА: КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЖАНРА

Тулякова Н.А.

Воспринимаемый как одна из важнейших таксономических категорий, жанр является также средством восприятия, понимания и отражения действительности и имеет, таким образом, когнитивную основу. Настоящая статья представляет собой попытку анализа когнитивной жанровой модели литературной легенды. Цель исследования – установить типичные черты образца, по которому строятся многочисленные литературные легенды XIX века. Когнитивная модель жанра состоит из формальных признаков, а именно обязательных, стандартных и опционных, и идеальной когнитивной модели реальности, которая соотносится с авторским замыслом. Материалом для анализа послужили литературные легенды XIX века, написанные на различных языках. Были отобраны те тексты, которые содержат жанровый идентификатор «легенда» в заглавии и или подзаголовке текста или цикла, в который входит текст. Ядерные формальные признаки легенды связаны с ее конфликтом, сюжетом и хронотопом. Идеальная когнитивная модель может быть описана как установление большей ценности мира по сравнению с человеком. Вне зависимости от национальных вариантов литературной леген-

ды, жанр рассматривает взаимоотношения личности и определенного отношения к миру (выраженного в виде закона, суеверия и т.д.). Сюжет легенды выстраивается в следующей логике: провозглашение правила, его нарушение (сознательное или неосознанное) и расплата (наказание, месть, раскаяние). Результатом коллизии между человеком и мироустройством главным образом становится осознание и признание персонажами и читателем некой давно известной истины (мораль, библейская заповедь), которую намеревался оспорить персонаж. В противоположность роману, в котором человек понимает и озвучивает новую правду о мире, легенда является очень традиционным жанром. Определение формальных признаков и идеальной когнитивной модели реальности позволяет более точно атрибутировать жанр многих литературных текстов, в особенности лишенных авторского жанрового определения.

Ключевые слова: жанр; литературная легенда; идеальная когнитивная модель; обязательные признаки; стандартные признаки; опционные признаки.

Genre is considered not only as one of taxonomic devices, but also as a way to perceive, reflect and model reality. In this way, genre has a cognitive nature, or grounds. The paper presents an attempt to analyse the cognitive basis of one particular genre, which has been disregarded by scholars, i.e., the literary legend. The objective is a description of the genre in terms of cognitive studies. The pattern of the literary legend will be ascertained through comparison of a corpus of texts written in different languages in the nineteenth century. First, the idea of cognitive genre model, developed in Western and Israeli cognitive linguistics, will be presented and its elements defined. Then, the literary legend pattern will be established.

European and American scholars frequently employ cognitive method or at least its elements in genre studies, and have developed a comprehensive approach to the cognitive model of the genre. What they dislike about the 'outmoded,' as they call it, theory of genre, is understanding of genre as "a classification of texts based on a series of characteristics deemed both necessary and sufficient to produce a coherent category"

[10, p. 341]. This classification, which seems rigid to them, fails to consider historical flexibility of the category; hence, it is viewed as pointless – as a sort of library for keeping texts, not for understanding them better [2, p. 45]. It implies the necessity of “the rethinking of genres as cognitive entities rather than purely formal constructs” [5, p. 46].

The cognitive approach to the genre is based on the theory of resemblance by Ludwig Wittgenstein. “Applying Wittgenstein’s observations about the role of family resemblance in categorization to genre, Fowler proposes that texts constitute genres in much the same way that Wittgenstein’s games form a family: through a complex network of overlapping similarities rather than by a specific set of identifiable features common to all exemplars” [10, p. 343]. Thus, it is possible to trace the properties of the genres and to distinguish them from one another.

Genre then is viewed by the cognitive science as a unit cognate to concept and frame, and is defined by Paul Newsom as “a form of knowing and conceptualizing the world” [11, p. 275]. Stephen Bax suggests the mental construct of *genre schema*, formed as “a cluster of mental concepts” [2, p. 40], as an analysis unit [2, p. 37]. “...Genre, or rather our knowledge of genres, acts on our comprehension like mental structures such as schemas and scripts. This view of genre sees it <...> as a mental construct which we draw on as we create and interpret actual texts” [6, p. 45]. As the genre maintains communication between the text and the reader [4], it seems that an average reader will have the same level of genre awareness as a literary critic, based on reading practices and experience.

One of the key points of the genre cognitive model is the theory of genre nucleus and periphery, first developed by the Russian Formal School: “... Cognitive genre theory allows us to generate a radial category of genre extending outward from an ideal, “prototypical” member of the genre toward real texts with varying degrees of participation in the genre. At the edges of the genre we find fuzzy boundaries where the resemblance of particular texts to the prototypical members of the genre may be distant enough that the texts’ participation in the genre may legitimately be disputed” [10, p. 337]. The distinction between genre nucleus and genre periphery maintains generic systems and does not let them replace one another too haphazardly.

Though the theory appears to be logical and practical, it still has its drawbacks and challenges. First, a minute description of genre features, including peripheral, means that many texts are not likely to fall under some category, and the researcher will have to make a choice between several genres. "...In distinction from the classic categorization model of genre, it is possible (and even likely) that no two members of a given genre will share all of the same features, or even a clearly demarcated set deemed necessary and sufficient to define the genre. Instead, the texts relate to one another much more fluidly, and considerable variation of features can be tolerated without threatening the integrity of the genre" [10, p. 343].

The second difficulty in applying the theory is the absence of certain criteria, properties, features, that need to be identified while analyzing the genre. "In order to account for the lack of "necessary and sufficient" criteria to define genre membership, Fowler and others have proposed a "family resemblance" approach to genre" [10, p. 342]. It is obvious that prosaic, dramatic and poetic texts will have a different set of features to be considered. For example, metre will count in poetry but will hardly be considered in prose. Williamson suggests that "recognition of genre depends on associating a complex of elements, which need not all appear in one work. But invariable external, will be among the indicators: structure, or formal motif, or rhetorical proportion" [10, p. 202].

There are several stages in genre attribution. One of the most transparent algorithms is the one developed by Robert Williamson who applied it to the analysis of the pesher, one of the genres of Jewish literature [10, p. 347–354]. According to Williamson, the initial stage in developing a cognitive model of a genre is "to identify the texts that are generally recognized as belonging to the genre. <...> While we cannot define the *limits* of the genre based on those texts commonly agreed to belong to the genre, we can begin to locate its *center* by means of these texts, which are recognized as forming something of a coherent category" [10, p. 347].

The second stage consists in identifying "the compulsory, default, and optional elements constituting the schema of the genre... <...> The cognitive approach allows us to distinguish between a few, very general *compulsory* features (all tigers are animals) and a more detailed set of *default*

features (the typical tiger has four legs, teeth, and stripes) and *optional* features (this particular tiger is six feet long)” [10, p. 347]. It is not sufficient, though, to establish these sets of properties, the correlation between these sets being of primary importance [10, p. 349–350]. In Williamson’s words, “the presence of particular common elements in two texts does not necessarily identify those texts as belonging to the same genre. Generic convergence is indicated only when those particular elements relate to one another in a manner consistent with the genre’s *Gestalt* structure” [10, p. 350]. Wright calls the correlation typical of particular genres “a *constellation* of elements or properties”, which makes it possible to distinguish “typical or atypical examples, related to each other in a *Gestalt* structure that acts as an idealized cognitive model (or ICM)” [11, p. 293–294]. The idea of ICM, first introduced by Lakoff with respect to concepts rather than genres [7, p. 74] and was later distributed to genre studies.

The examination of “the idealized cognitive model of reality that is embedded in the genre’s *Gestalt* structure, if such a thing can be identified” [10, p. 354], is the final step in genre definition. “...Prototype effects result from the fact that human cognition is ordered by means of presupposed, culturally-conditioned mental frameworks, which he terms “idealized cognitive models (ICMs)” [11, p. 1–154]. Which aspects of reality are categorized with the help of the genre? Cognitive theory considers genre “as distinct modes of perception or even of ways of constructing meaningful worlds” [11, p. 293]. Initially this idea was articulated by M.M. Bakhtin (Medvedev) in 1928, who influentially defined genre as integrity of the theme and its expression [1, p. 310]. Theme in Bakhtin’s terminology correlates with the model of reality represented in the text, and expression of the theme – to those external features which help to communicate the theme. Genres perceive and depict reality differently: “Every genre has its methods and means of seeing and conceptualizing reality, which are accessible to it alone. <....> The process of seeing and conceptualizing reality must not be severed from the process of embodying it in the form of a particular genre. <....> The artist must learn to see reality with the eyes of the genre” [1, p. 308]; Translation by Newsom in [8, p. 272]. That also corresponds to Brook’s argument that the genre involves primary and sec-

ondary factors, the former determining the outcome (text), and the latter related to the methods chosen to create the text [3, p. 339].

While analyzing the genre of the literary legend, I am going to treat genre as a kind of schema which reflects a certain way of literary modeling reality. The texts belonging to the same genre share the ICM (the message), as well as some (though not all) formal properties. A sufficient and necessary condition for ascribing the text to a genre is a certain combination of shared compulsory traits. The message is more stable, as genre presents a way of building a certain attitude towards the model of the world created in the text. As Siding puts it, “the ICM [idealized cognitive model] theory of categories expects edges to blur and overlap” [9, p. 201], but the nucleus is more stable and conspicuous.

The literary legend emerged as a result of collecting, publishing and processing the folk and the religious legend, and was widespread in the literature of the nineteenth century. Traditionally scholars point out the following features of folk and religious legends: prosaic form, small volume, orality. Among default features they name verisimilitude; reference to material evidence of the events; presence of miracle; combination of the past, the present and the future with a view to projecting the events into the sphere of eternity; unhappy ending. Optional features are: historicism, religious message, forgotten events as material for the legend.

Legends that appear in the nineteenth century literature are quire numerous, even if we take into account only those called ‘legends’ by their authors and disregard the rest. To name some examples, these are *Legends of the Conquest of Spain* by W. Irving (1835), *Legends of the Province House* by N. Hawthorne (1838), *A Legend of the Rhine* by W. Thackeray (1845), *Sieben Legenden* by G. Keller (1854), *Les Légendes Flamandes* by Ch. de Coster (1858), *Leyendas* by G. Béquer (1864), *Spanish and American Legends* by Bret Harte (1870), *Christuslegender* by S. Lagerlöf (1904), and many others.

The analysis of the corpus of legends shows that the texts comprising the nucleus are those that share the following set of features. They are short prosaic stories, included in volumes of homogenous texts (other legends); are centered round one personage (usually a male one) who is

involved into a conflict with supernatural forces and is defeated by them. Close to the nucleus are individual texts, those comprising volumes of heterogeneous texts, in travel writing. Further from the centre are poetic legends (usually short, but occasionally long). Peripheral texts are large prosaic texts, based on historical events.

Compulsory features inherent in the literary legend are very few and can be formulated as the written form of the text, and established authorship, as opposed to the oral *tradition*, which is a genre of folk lore. The insignificant number of compulsory features may be explained by the fact the genre emerged quite recently. Moreover, it often exploits traditional plots, so the writers seek for originality somewhere else. That is why legends vary to a high degree.

Default features include: a conflict between a personage and the established order; high dramatic suspense; prohibition as the complications of the plot; break of prohibition as the plot climax; importance of location; combination of several temporal layers. It can be seen that most default features belong to the sphere of plot structure and are embodied in the form of motifs. The conflict, complications, climax and even the most typical denouement are borrowed from the folk legend. The central personage is mainly a man. Regarding the setting, it should be mentioned that it plays a vital role. It serves as a point where different time layers – the past and the present – coexist in a material, tangible form, making it able to see behind the moment. Eventually the time of the legend is supposed to be beyond any time. The place is always alive, thus it may present a danger, or warn the hero against some action.

Optional features are the following: volume; form (prosaic, poetic); inclusion into novels / collections / travelogues; genre signals within the title or the text; degree of historicity; religious message; authenticity; tragic or happy ending.

It means that though most legends are short (from one to five pages pages), they may take a longer form, and even a form close to that of the novel. In the latter case the legend is necessarily related to history. The predominant prosaic form may be replaced by poetic, mainly balladic form. It can be accounted for by the link between the folk legend and the ballad, which

is also highly dramatic and is based on the same type of conflict. Legends in the form of drama are almost absent in the nineteenth century literature.

Legends can occur and be perceived by the reader on their own, or within other texts. The inclusion into cycles of homogenous legends is often stressed through the usage of genre signals in the titles. Still, quite frequent are cases when legends comprise cycles together with sketches that contrast with the former in the type of narrative. Quite typical are inclusions of legends into books of travels writing. The popularity of this type of legends is connected with the crucial role of the setting (especially place) in the genre canon. While traveling, a narrator runs into places that are surrounded with some rumours, and eagerly retells them. The whole narrative is built as a series of such encounters. Rarer are legends within novels, where they are heard by a central personage and serve as a kind of premonition.

Genre signals may be present within the title, subtitle, or the text itself: quite frequently there are double signals (title + subtitle, title/subtitle of the text + title/subtitle of the cycle). However, the signal 'legend' sometimes may not serve as grounds for such attribution, or, a text called differently or having no signal at all may be a legend.

Degree of historicity can vary, depending on the origin and volume of the legend. The longer texts tend to be historically precise, while shorter ones, based on folk legends or being their stylizations, are loosely connected with history. The same is true of religious message – some texts openly declare their religious meaning, involving the figures of saints, biblical characters, sacred places; others use biblical morals as prohibition; fewer texts avoid any connection with religion.

The question of authenticity is raised almost everywhere in the legends, but the authors may either declare the text's being purely a product of their imagination, or, on the contrary, insist on it belonging to tradition and having material evidence. Sometimes the authors make verisimilitude an object of their irony.

The legend may result in the central character's punishment or reward. If he is perceived as a courageous, brave, initiative hero, who is not afraid to struggle with the destiny, he finds a treasure, marries a good girl, becomes happy. If he is presented as too brave, risky, or as a criminal who breaks a law, a moral code, an ethical system, he dies, goes mad, vanishes forever.

The cognitive aspects of the genre seem to be revealed first of all through the plot structure and the message of the text, thus making it quite easy to identify the idealized cognitive model (ICM) of reality. The plot seems to be reiterated many times, which is partially explained by the connection of the genre with the highly repetitive folk stories, where the stable motif is one of the central units of building the plot.

The legend starts with a personage being warned against some action – visiting a dangerous place, sleeping in a haunted room, touching some object, speaking to ghosts. There are legends where such warning is implicit but obvious: stealing from a church, making a deal with the devil, murder, betrayal – sometimes not in the personal, but in the historical or biblical perspective. Another option is a horoscope, premonition, riddle, which is communicated to the main personage. In most cases the prohibition is linked to some place – sacred (church), damned (haunted house/castle/room, cemetery, tomb), border (river, stream), alien world (forest, sea).

The hero is then tempted to get into some kind of struggle with the established set of events. He may fail to understand it right (in case it is a horoscope or a riddle), or forget it, but there are cases when he may do it consciously, led by curiosity, love, passion, revenge, greed. There are some adventures through which the central personage goes in an attempt to change or influence the fate. In most cases he fails to do it, and becomes aware of the pattern behind the reality.

The identification of ICM helps to distinguish between the legend from other genres with which the legend, depending on some of its optional properties, may be confused, such as the novel and the short story. In case of both shorter and longer narrative, the latter genres depict a collision between the world and the central personage. He undergoes some changes, and in the course of action some new truth is disclosed to him and to the reader. Whether he wins or is defeated, the novelty is supposed to keep the reader in suspense. The legend, otherwise, deals with a fundamental, universally acknowledged truth. The personage remembers the laws, or just understands that they can not be changed.

The cognitive basis of the legend helps to define the genres in complicated cases. For example, *La Légende d'Ulenspiegel* by Charles De Coster, which is usually defined as a novel, can be treated as a legend

due to its cognitive basis. Its ICM presents a quest of Tyl, who has to solve a riddle of the spirits to save his motherland and revenge his father's death. For a long time he does not seem to see the religious meaning behind the historical events, not being able to connect the struggle against the Spanish inquisition and the Bible. Searching for the mysterious *Seven*, he forgets about the seven deadly sins, and only in the end the truth is revealed to him in a vision, though the allegory is one of the central images of the depicted epoch.

It can be concluded that notwithstanding the national variants of the legend, its form (prosaic, verse) and volume, the legend constantly deals with the notions of established set of values (warning, law, superstition), mistake (sin, crime, error) and atonement (punishment, revenge, repentance). The legend mainly tells of a collision between man and the world, which results in the personage's and the reader's understanding of some old truth (moral, Bible law) and accepting it. Historical events follow the spiritual, religious history of humankind. The eternal laws transcend themselves through reality, history, are embodied everywhere.

References / Список литературы

1. Бахтин М.М. Формальный метод в литературоведении // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. С. 195–348 (Baktin M.M. *Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka* [Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and Philosophy of Language]. М.: Labirint, 2000, pp. 195–348).
2. Bax S. *Discourse and Genre: Analysing Language in Context*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 224 p.
3. Brooke G.J. Qumran Peshet: Towards the Redefinition of a Genre // *RevQ*, 1981, no 10/40, pp. 483–503.
4. Chandler D. *An Introduction to Genre Theory* (Aberystwyth: The Media and Communications Studies Site, University of Wales). URL: <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/intgenre/intgenre.html>. Last accessed: 24.07.2017.

5. Duff D. Romanticism and the Uses of Genre. Oxford: Oxford University Press, 2009. 272 p.
6. Fowler A. The Life and Death of Literary Forms // New Literary History. Charlottesville: University of Virginia, 1971. Vol. II, pp. 199–216.
7. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 632 p.
8. Newsom C.A. Pairing Research Questions and Theories of Genre: A Case Study of the Hodayot // Dead Sea Discoveries, 2010, no 17, pp. 270–288.
9. Sinding M. After Definitions: Genre, Categories, and Cognitive Science // Genre, 2002, no 5, pp. 181–220.
10. Williamson R. Jr. Peshar: A Cognitive Model of the Genre // Dead Sea Discoveries, 2010, no 17, pp. 336–360.
11. Wright B.G. III. Joining the Club: A Suggestion about Genre in Early Jewish Texts // Dead Sea Discoveries, 2010, no 17, pp. 289–314.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тулякова Наталья Александровна, к.ф.н., доцент, доцент Департамента иностранных языков
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
ул. Мясницкая, 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация
n_tuljakova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tuliakova Natalia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation
n_tuljakova@mail.ru
SPIN-code: 3803-8169
ORCID: 0000-0002-0685-4993
ResearcherID: L-5047-2015
Scopus AuthorID: 57193866619;
<https://www.hse.ru/org/persons/26649462#sci>

РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-126-137

УДК 801.73

ЭНТРОПИЙНОСТЬ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНОВ «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА И «ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА» Г. УЭЛЛСА

Долженко С.Г., Корбан П.А.

***Цель.** В представленной работе исследуется достаточно распространенная в литературе идея стремления к хаосу, именуемая энтропийностью, на материале научно-фантастических романов «Мы» Евгения Замятина и «Человек-невидимка» Г. Уэллса. Целью исследования является отражение лингвостилистических особенностей передачи идей энтропийности и текстостилистических связей произведений научной фантастики.*

***Методом** исследования был избран компаративный анализ. Основу описания энтропийности составили как литературоведческие труды Е. Замятина, так и работы ученых естественнонаучного цикла.*

***Результаты.** Была выявлена специфика вопроса стремления к хаотичности в научно-фантастическом тексте, анализ которой проводился по формуле канадского астрофизика Х. Ривза. Были подробно рассмотрены способы трансляции идей энтропийности через метафорическую образность; выделены прочие приемы декорации фантастического текста. Изучение лингвостилистической стороны явления энтропийности и его отражения в художественном*

тексте проводилось в непрерывной связи с материалами романов и подчеркивалось примерами из них.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены при комплексном анализе научно-фантастических произведений.*

Ключевые слова: *энтропийность; научно-фантастический роман; текстостилистическая связь; лингвостилистические особенности передачи авторской мысли.*

THE ENTROPY OF THE MAIN CHARACTERS OF THE NOVELS "WE" BY YEVGENY ZAMYATIN AND "THE INVISIBLE MAN" BY HERBERT WELLS

Dolzhenko S.G., Korban P.A.

Purpose. *The presented article is the study of the concept of entropy, being a widely spread notion in the fiction, as based on the texts of the novels *We* by Yevgeny Zamyatin and *The Invisible Man* by Herbert Wells. The purpose of the research is to reveal the linguo-stylistic features of transferring the ideas of entropy as well as textual-stylistic connections of science fiction works.*

Methodology. *The basis of the research is the comparative analysis method. The theoretical aspect of the entropy description is taken from Y. Zamyatin's literary works and the articles by the natural-science scholars.*

Results. *The specificity of the phenomenon "entropy" in the science fiction text is revealed and described according to the formula by H. Reeves, a Canadian astrophysicist. It is the ways of expressing the author's entropic ideas through metaphorical imagery that are considered in detail. The research of the linguo-stylistic aspect of the presented phenomenon and its reflection in the literary text is carried out relating to the materials of the novels under study.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the complex analysis of science fiction works.*

Keywords: *entropy; science fiction novel; textual-stylistic connection; linguo-stylistic features of the author's thought transferring.*

Введение

В наши дни термин «энтропия» можно встретить все чаще. Корни данного понятия можно проследить в области естественных и точных наук, однако термин употребим не только в этих сферах. Науки гуманитарного, социально-гуманитарного циклов также ассимилировали это явление, модифицировали его и наделили собственными уникальными чертами. Важно отметить частое употребление представленного понятия в публицистике. Обозначая общие понятия меры хаоса и неупорядоченности, термин неоднократно находил употребление в повседневной жизни.

Данное исследование затрагивает проявления энтропийности в сфере научно-фантастической литературы, и, в частности, двух романов конца XIX – начала XX вв. – «Мы» Е.И. Замятина и «Человек-невидимка» Г.Дж. Уэллса.

В исследовании будут рассмотрены черты энтропийности главных героев фантастических произведений. «Мы» Е. Замятина – это роман-антиутопия, «Человек-невидимка» Г. Уэллса относится к разделу научной фантастики. Произведения имеют общие черты на семасиологическом уровне языка, что обуславливает их выбор для исследования.

Неисследованность стилистического и текстологического аспектов энтропийности главных героев указанных выше романов позволяет считать данную исследовательскую работу актуальной.

Энтропийность в литературе

Изучение энтропийности литературы в первую очередь связано с именем Е. Замятина. В статье «О литературе, революции, энтропии и прочем» автор отмечает основные признаки литературной энтропийности: «И холоден, синь как лед, как ледяные межпланетные бесконечности – закон энтропии. Пламя из багрового становится розовым, теплым, не смертельным, а комфортабельным...» [5, с. 246]. Понятие «революция» ставится в конфликт понятию «энтропия»; в замятинской концепции определяется негативная направленность энтропийности литераторов и их произведений.

Статья «О литературе, революции и энтропии» Е. Замятина помогает определить общее понятие «энтропия», которое может быть применимо к компаративному исследованию романов «Мы» и «Человек-невидимка». Это определение коррелируется как с естественнонаучными терминами, так и понятием «революция» в трактовке Е. Замятина: «Справедливо рубят голову еретической, посягающей на догмы литературе: эта литература – вредна. Но вредная литература полезнее полезной: потому что она – антиэнтропийна» [5, с. 247].

Энтропия – мера неопределенности, ведущая к хаосу. Энтропийность фабулы антиутопического произведения определяется, прежде всего, сменой мировоззренческих позиций протагониста, ведущей к кульминации произведения путем столкновения ортодоксального порядка и революционных настроений.

Черты энтропийности можно проследить во многих литературных персонажах, главным образом участвующих в сюжете произведения. В качестве объекта исследования приведем главных героев пророческих романов-антиутопий «1984» Дж. Оруэлла и «О дивный новый мир» О. Хаксли и главных героев исследуемых произведений, потому как энтропийность этих героев проявляется, прежде всего, в отклонении от ортодоксального миропонимания устройства общества.

Энтропийность героев можно рассмотреть через призму естественнонаучной формулы канадского астрофизика Х. Ривза: «борьба против уравнивания температуры, против непреклонного движения к инерции рождает новую энергию путем “изменения режима”» [15, с. 203], где «непреклонное движение к инерции; уравнивание температуры» – это догматизация, ортодоксия, а энтропия – это «борьба против» [15, с. 203]. Вот эта «новая энергия» и может быть интерпретирована как исход, логичный результат энтропийности героя.

Роман Е. Замятина «Мы» – классическая антиутопия, отражающая все свойственные стилю черты. В романе описываются события, происходящие в Едином Государстве, месте, украшенном лучшими художественными чертами антиутопии, такими как: жесткая орга-

низация социальной иерархии, времени каждого; обезличенность перед государством, тотальный контроль и прочие. Главный герой Д-503 чувствует себя важной частью Единого Государства, не допуская и мысли об обратном миропонимании, хаосе. Противопоставляя себя «древним» людям, жившим до Единого Государства, Д-503 видит идеал ежедневной жизни в прозрачности, определенности, разграниченности, что можно назвать «уравновешиванием температуры, инерцией» согласно формуле Х. Ривза.

Еще одна важная черта антиутопии как жанра – протест против действительности. Такой протест может быть интерпретирован как попытка перехода из состояния покоя, определенности, инерции в состояние неопределенности и хаоса. Именно «изменение режима», приведенное в формуле Х. Ривза, следствием которого является «новая энергия», наблюдается в романе «Мы» и может быть трактовано как энтропийность героя. «Новая энергия» здесь – это «Мефи», группа революционеров, попытавшихся свергнуть Единое Государство на Дне Единогласия, проголосовав впервые за сотни лет «против». Именно в этой попытке протеста проявился массовый хаос и беспорядок – главные признаки энтропии.

Подобное стремление к хаосу отражено не только в романе «Мы» и в упомянутых выше антиутопиях, но и в литературных произведениях других литературных жанров. Стремление к изменению принятого порядка, к хаосу определяет кульминацию многих произведений.

Черты энтропийности можно также заметить у протагониста научно-фантастического романа «Человек-невидимка» Г. Уэллса. Гриффин, крайне талантливый ученый-физик, изобрел машину, делающую человека невидимым и успешно испытал ее на себе. Отчуждение от общества, порядка пришло с осознанием возможностей его изобретения.

Гриффин – молодой ученый, стоящий на грани грандиозного открытия, которое сделает из него сверхчеловека. Процесс научной деятельности, как и ее итог, сопровождается яркими, крайне насыщенными, в какой-то степени гротескно изображенными эмоциями

персонажа. Этим приемом автор создал уникальный образ и точно передал чувства своего героя, приобретшего негативный «окрас» через энтропийность своего поведения, решений.

Энтропийность здесь является итогом научной деятельности человека. Пренебрежение нормой имеет место, когда гений осознает первостепенность своего изобретения перед общим порядком. Действия, приведшие к пренебрежению порядком, породили хаос вокруг главного героя, что, в конечном итоге привело к его смерти.

Энтропия в поведении Гриффина образовала его образ как одного из самых известных злых гениев мировой литературы, стоящего в одном ряду с созданиями авторов-фантастов М. Шелли, И.В. фон Гёте, Г. Уэллса, Р.Л. Стивенсона и др. Поведение протагонистов произведений данных авторов приводит к разрушению устоявшегося порядка, что можно интерпретировать как энтропийность. Что характерно, авторы не заканчивают повествование хаосом, в конце произведений порядок, разрушенный энтропийностью протагониста, восстанавливается: монстр Франкенштейна, как и сам Виктор Франкенштейн, погибают, доктор Фауст, трудясь во благо людей до конца своих дней, попадает в рай, доктор Моро погибает от рук своих творений, которые в итоге приходят к изначальному порядку – к животному состоянию.

Похожую концовку можно увидеть и в романе «Мы». Д-503 в финале романа уверен в своей правоте: «...на поперечном, 40-м проспекте удалось сконструировать временную Стену из высоковольтных волн. И я надеюсь — мы победим. Больше: я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить» [6, с. 560].

Еще один пример проявления направленности к хаосу как основополагающей идеи литературного произведения можно найти в пятой части романа «Облачный атлас» современного английского новеллиста Д. Митчелла. В части романа, получившей название «Оризон Сонми-451», нашли выражение главные антиутопические концепции 20 века. Эти идеи были ярко транслированы через насыщенный риторическими приемами текст. «Оризон Сонми-451» может по праву считаться кульминационной составляющей произ-

ведения в целом: через стремительно разрушающийся мир автор передает основные мысли романа.

Здесь, как и в упомянутых выше романах-антиутопиях, стремление к хаосу выражено в противостоянии установленному и принятому порядку вещей и ортодоксальной истине: «...на тебя будут плевать, в тебя будут стрелять, станут линчевать, умиротворять медалями, напускать на тебя выходцев из глухомани! Распинать! Наивный, мечтательный Адам. Тот, кто пускается в битву с многоголовой гидрой, должен заплатить за это целым морем страданий...» [11, с. 703].

Языковые средства репрезентации энтропийности

Энтропийность в романах антиутопического жанра находит свое выражение в метафоричности образов. Идеи энтропийности в романе «Мы» прослеживаются в тени концепции тоталитарного мира, изображаемого автором. В то же время произведение насыщено стилистическими приемами, подчеркивающими не только идеи автора и его особый слог, но и энтропоцентричность: «Замятинские разрывы синтаксических конструкций, его оксюмороны, исключительная частота незаконченных предложений, своеобразное использование «телескопической пунктуации» (краткие и двойные долгие тире <...>), постоянное использование двоеточий – все это, конечно, принадлежит к специфически замятинскому типу сказа, репродуцирующему «язык мысли»» [8, с. 103].

Е. Замятин подчеркивал идеи антиутопии авторскими неологизмами, историзмами, оксюморонами, терминологической лексикой. Опорным выразительным средством речи автор избрал метафору, которая помогает ему в выделении противоречивости жизни гражданина Единого Государства и создании особых образов людей и событий: «Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330 (вижу теперь ее номер); налево – О, совсем другая, вся из окружностей, с детской складочкой на руке; и с краю нашей четверки – неизвестный мне мужской номер – какой-то дважды изогнутый вроде буквы S. Мы все были разные...» [6, с. 9]. Более того, метафора передает синтезавторских мыслей и эмоций: «...Да, чу-

десно, весна, – *розово* улыбнулась мне О-90...»; а также помогает в создании иронического и драматического эффекта: «Часовая Скрижаль – каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы» [6, с. 45].

Изучая идиостиль автора романа «Человек-невидимка», можно отметить, что, как и в современных научно-фантастических произведениях, авторская метафора является главным инструментом транслирования художественного образа и превалирующим стилистическим приемом.

Некоторая метафоричность заключена в самом понятии «невидимость». Отчуждение отдельного человека любым обществом делает его «невидимым», тем самым уравнивая понятия «невидимость» и «одиночество». Именно эти ощущения составляют буквальную действительность Гриффина. Он не принят обществом, невидим социально равно также, как и невидим оптически.

Метафорична и сема «sight» в значении «взгляд, вид»: «...*vision of all that invisibility might mean to a man...*» [16, с. 103].

«Sight» или «vision» можно также понимать как возможность предсказания, способность видеть будущее. Показывая всю энтропийность современной автору науки, метафорически отражая его в поведении Гриффина, Уэллс обращает разум читателя к тому, чем может обернуться научный прогресс: «Science! What we want now is socialism – not science» [12, с. 254].

Однако не следует утверждать, что Уэллс был, безусловно, убежден в деструктивности науки. В его романе «Война миров» человечество предотвратило свое истребление именно с помощью высокотехнических технологий.

Наследие Герберта Уэллса придало научной фантастике реалистичные черты. Нельзя сказать, что сюжеты его произведений реалистичны, но стиль письма – определёнno: «O! Realist of the Fantastic!» [13, с. 200].

Заключение

Перечисленные выше художественные приемы позволили авторам романов предельно точно передать как в прямом смысле, так

и метафорически, аллегорически идеи, ведущей из которых среди транслируемых читателю мыслей, явилась энтропийность поведения. В соответствии с вышеприведённым исследованием делается вывод об энтропийности поведения протагонистов исследуемых романов с разным стилевым окрасом. В первую очередь, авторы наделили произведения актуальными идеями и мыслями своего времени, однако одновременно очевиден и концепт развития хаоса в существующем ортодоксальном порядке, чему свидетельствует наличие в романах примеров репрезентации энтропийности на стилистическом уровне и на уровне смыслов.

Список литературы

1. Аксёнова Н.В., Хатямова М.А. Герберт Уэллс в рецепции Евгения Замятина // Сибирский филологический журнал. 2014. №1. С. 38–43.
2. Ватутина А.С. Энтомологические образы в фантастике: Г. Уэллс и А. Толстой // Вестник Томского государственного университета. 2013. №1. С. 47–50.
3. Видгоф В.М. Метафорическое мышление в культуре как педагогическая и научная проблема // Вестник Томского государственного университета. 2003. №277. С. 87–90.
4. Долженко С.Г. Репрезентация культур в романах «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла // Молодой ученый. 2015. №9.1. С. 23–26.
5. Замятин Е.И. О литературе, революции, энтропии и о прочем // «Лица». Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967. С. 322.
6. Замятин Е.И. Мы. М.: Современник, 1989. 560 с.
7. Кубракова Е.А. Типология художественных образов и проблема их перевода // Новый филологический вестник. 2016. №2(37). С. 140–155.
8. Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э. О синтетизме, математике и прочем... Роман «Мы» Е.И. Замятина. СПб.: Астра-ЛЮКС, 1994. 120 с.
9. Менглинова Л.Б. Апокалипсический миф в русской прозе 1920–1930-х годов (Е.И. Замятин, М.А. Булгаков, А.П. Платонов) // Вестник Томского государственного университета. 2004. №282. С. 173–181.

10. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? // Вестник Томского государственного университета. 2010. №3(23). С. 126–131.
11. Митчелл Д. Облачный атлас. СПб.: Домино, 2012. 704 p.
12. Jean-Aubry G. Joseph Conrad: life and letters. New York: Doubleday, Page & Co., 1927. 376 p.
13. Huntington J. The H.G. Wells Reader: A Complete Anthology from Science Fiction to Social Satire. New York: Taylor Trade Publishing, 2003. 496 p.
14. Del Rey L. The World of Science Fiction, 1926–1976: The History of a Subculture. United States: Ballantine Books, 1979. 416 p.
15. Reeves H. L'Heure de s'enivrer: L'univers a-t-il un sens? Paris: Broché; Seuil edition, 1992. 278 p.
16. Wells H.G. The Invisible Man. London: Penguin Books, 2002. 192 p.

References

1. Aksjonova N.V., Hatjamova M.A. Gerbert Ujells v recepcii Evgenija Zamjatina [Herbert Wells as perceived by Yevgeny Zamyatin]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2014. №1, pp. 38–43.
2. Vatutina A.S. Jentomologicheskie obrazy v fantastike: G. Ujells i A. Tolstoj [Entomological imagery in science fiction: H.G. Wells, A. Tolstoy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. №1, pp. 47–50.
3. Vidgof V.M. Metaforicheskoe myshlenie v kul'ture kak pedago-gicheskaja i nauchnaja problema [Metaphorical way of thinking as a pedagogical and scientific issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003. №277, pp. 87–90.
4. Dolzhenko S.G. Rerezentacija kul'tur v romanah «O divnyj novyj mir» O. Hakslii «1984» Dzh. Orujella [Culture representation in the novels Brave new world by A. Huxley and 1984 by G. Orwell]. *Molodoj uchenyj*. 2015. №9.1, pp. 23–26.
5. Zamjatin E.I. O literature, revoljucii, jentropiii o prochem [On literature, revolution, entropy, etc.]. "Persons". N'ju-Jork: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodru-zhestvo, 1967. P. 322.
6. Zamjatin E.I. *My [We]*. M.: Sovremennik, 1989. 560 p.

7. Kubrakova E.A. Tipologija hudozhestvennyh obrazov i problema ih perevoda [Typology of fiction imagery and the issue of their translation]. *Novyj filologicheskij vestnik*. 2016. №2(37), pp. 140–155.
8. Lahuzen T., Maksimova E., Jendrjus Je. *O sintetizme, matematike i prochem... Roman "My" E.I. Zamjatina* [On synthetism, mathematics, etc. ... The novel *We* by Y. Zamyatin]. SPb.: Astra-LUX, 1994. 120 p.
9. Menglinova L.B. Apokalipsicheskiy mif v russkoj proze 1920–1930-h godov (E.I. Zamjatin, M.A. Bulgakov, A.P. Platonov) [Apocalyptic myth in the Russian prose of the 1920–1930s (Y.I. Zamyatin, M.A. Bulgakov, A.P. Platonov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. №282, pp. 173–181.
10. Mishankina N.A. Metafora v nauke: paradox ili norma? [Metaphor in science: paradox or norm?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. №3(23), pp. 126–131.
11. Mitchell D. *Oblachnyj atlas* [Cloud atlas]. SPb.: Domino, 2012. 704 p.
12. Jean-Aubry G. Joseph Conrad: life and letters. New York: Doubleday, Page & Co., 1927. 376 p.
13. Huntington J. The H.G. Wells Reader: A Complete Anthology from Science Fiction to Social Satire. New York: Taylor Trade Publishing, 2003. 496 p.
14. Del Rey L. The World of Science Fiction, 1926–1976: The History of a Subculture. United States: Ballantine Books, 1979. 416 p.
15. Reeves H. L'Heure de s'enivrer: L'univers a-t-il un sens? Paris: Broché; Seuil edition, 1992. 278 p.
16. Wells N. The Invisible Man. London: Penguin Books, 2002. 192 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Долженко Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания

*Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
svetladol@bk.ru*

Корбан Павел Александрович, студент 5 курса социально-гуманитарного факультета

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

johnysunny123@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dolzhenko Svetlana Gennadyevna, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Philology, Culture, and their Teaching Methods, PhD in Philology

P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute, Tyumen State University Branch

1, Lenin Str., Ishim, 627750, Russian Federation

svetladol@bk.ru

Korban Pavel Aleksandrovich, 5th-year Student of Social-Humanitarian Faculty

P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute, Tyumen State University Branch

1, Lenin Str., Ishim, 627750, Russian Federation

johnysunny123@gmail.com

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTURAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-138-152

УДК 1751

ФРАНЦУЗСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Гишкаева Л.Н., Сорокина Л.С.

Цель. *Статья посвящена особенностям функционирования современного религиозного франкоязычного дискурса и сфере его влияния. Предметом анализа являются структура религиозного дискурса, его основные компоненты и средства гармонизации, приемы, применяемые для того, чтобы оказать определенное влияние на аудиторию.*

Метод или методология проведения работы. *В данном исследовании применяется когнитивно-прагматический подход к дискурсу-анализу. Анализ и описание языкового материала осуществляется на основании общенаучных методов наблюдения, сопоставления и обобщения языковых фактов (сравнение, анализ, систематизация, дифференциация, классификация).*

Результаты. *В результате работы были выявлены различные стратегии религиозного дискурса: молитвенная, исповедальная, призывающая, утверждающая, разъясняющая и обрядовая. Составляющими религиозного дискурса выступают эмоциональность, диалогичность и модальность. В рамках религиозного дискурса функционируют различные приемы и методы, которые за-*

висят от цели дискурса и от его жанра. К методам воздействия можно отнести конкретизацию и категоризацию.

Религиозная лексика представляет собой один из важнейших компонентов религиозного дискурса. Лексемы, имеющие греческую и латинскую этимологию, являются основными средствами гармонизации франкоязычного религиозного дискурса.

Область применения результатов. Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение манипулятивных стратегий. Практическая ценность результатов исследования состоит в возможности их использования в курсе лекций по прагматике, религиоведению, языкознанию, конфликтологии, журналистике, а также при создании пособий для подготовки специалистов филологического профиля.

Ключевые слова: жанры религиозного дискурса; гетерогенность; эмоциональность; модальность; лексическое наполнение; средства гармонизации.

FRENCH RELIGIOUS DISCOURSE AND ITS ROLE IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

Gishkaeva L.N., Sorokina L.S.

Purpose. The article is devoted to the characteristic features of functioning of modern religious discourse and its sphere of influence. The subject of this analysis are techniques that are used to produce an impact on the audience, as well as the structure of religious discourse, its main components and the means of harmonization.

Methodology. This study uses a cognitive-pragmatic approach to discourse analysis. Analysis and description of linguistic material were carried out on the basis of general scientific methods of observation, comparison and generalization of linguistic facts (comparison, analysis, systematization, differentiation, classification).

Results. The study has revealed various discursive strategies, i.e., prayer, confessional, invocatory, affirmative, explanatory and ritual. The

components of religious discourse are emotionality, dialogism and modality. In religious discourse, various techniques and methods depend on the purpose of discourse and on its genre. The methods of influence include specification and categorization.

Religious vocabulary is one of the most important components of religious discourse. Lexemes having Greek and Latin etymology are the main strategy of harmonization of the French-speaking religious discourse.

Practical implications. *The theoretical significance of the work is determined by its contribution to the study of manipulative strategies. The practical value of the results of the research consists in the possibility of using them in the course of lectures on pragmatics, religious studies, linguistics, conflict resolution studies, journalism, as well as creating manuals for the training of philological specialists.*

Keywords: *genres of religious discourse; heterogeneity; emotionality; modality; lexical content; harmonization.*

В современном мире, где СМИ играют огромную роль в формировании языка и языковой ситуации в обществе, особую роль обретает дискурс, который способен конструировать социальную реальность [7, с. 147]. Исследования, связанные с анализом текстов, позволяют выявить языковую компетенцию говорящих и специфические особенности речи. В настоящее время изменения, происходящие в языке, обусловлены глобализацией информационных процессов и увеличением способов воздействия на аудиторию. Либерализация общественных отношений также оказывает влияние на формирование языка прессы и методов коммуникации.

По мнению французского ученого Э. Бенвениста, одной из характерных черт дискурса является его соотнесение с определенными участниками коммуникации, то есть говорящим и слушающим, а также с коммуникативным желанием говорящего воздействовать на слушателя [1].

Современные СМИ осуществляют коммуникацию с аудиторией разными способами. Обычно для достижения своей цели СМИ выделяют определенную группу граждан, объединённых общими ин-

тересами. Таким образом, влияние коммуникации зависит от формы повседневной жизненной практики человека [4, с. 518].

Современный религиозный дискурс представляет собой особый вид институционального дискурса, цель которого заключается в обращении внимания аудитории к религии. Исследователь в данной области В.И. Карасик отмечает, что явление дискурса представляет собой клишированную разновидность общения между людьми, которые могут быть незнакомы, но должны обладать определенными навыками общения [6, с. 222].

Составляющие религиозного общения – устные и письменные тексты, которые являются частью религиозного дискурса. К дискурсивным формулам относятся принятые в религиозном общении клише и функционально-обусловленные обороты, которые однозначно определяют тип данного дискурса.

В.И. Карасик выделяет стратегии, которые определяются целями и жанрами религиозного дискурса. Важнейшей целью данного типа дискурса является приобщение человека к Богу. Исходя из этой цели, В.И. Карасик выделяет следующие стратегии: молитвенную, исповедальную, призывающую, утверждающую, разъясняющую и обрядовую. Каждая из этих стратегий реализуется в зависимости от жанра религиозного дискурса [6, с. 223].

Языковеды уделяют особое внимание исследованию жанров, функционирующих в рамках дискурса. При анализе религиозного дискурса выделяются первичные и вторичные жанры. К первичным относят такие речевые жанры, как молитва и притча. Первичные речевые жанры представляют собой индивидуальные типизированные образцы структурно семантических и ценностных моделей, которые изначально были частью религиозного дискурса, и в итоге стали функционировать вне религиозного контекста. К вторичным относятся речевые жанры, которые представляют собой интерпретацию первичных религиозных образцов. К таким жанрам можно отнести проповедь и исповедь [2, с. 165].

Иногда религиозные тексты обладают таким свойством, как гетерогенность. Данное понятие проявляется на языковом уровне пу-

тем сочетания в себе различных жанров. Например, жанр проповеди может содержать в себе элементы молитвы, притчи и др.

Религиозная лексика является основополагающим компонентом религиозных текстов, который обеспечивает функционирование всех составляющих религиозного дискурса, в числе которых сакральность, ритуализированность, каноничность, иерархичность, диалогичность, гетерогенность, драматургичность, эмоциональность, торжественность, целостность, членимость, связность, темпоральность и модальность [2, с. 111].

Сегодня элементы религиозного дискурса становятся частью других видов институционального дискурса. Особо частое использование религиозной лексики вне религиозного дискурса отмечается в публичной речи, а именно в речи политиков и публичных людей [13, 19]. В важные для общества моменты политические деятели часто обращаются к людям, апеллируют их религиозному сознанию. Например, И.В. Сталин обратился к народу после начала Великой Отечественной Войны со словами: «Товарищи! Граждане! **Братья и сестры!**» [8].

Современное постсекулярное общество не мыслит себя без религии. В настоящее время религия приобретает социальное существование, которое используется для осуществления коммуникации [17]. Таким образом, религия может оказывать влияние на общественную жизнь и являться одной из ее составляющих частей. Данные изменения в обществе были отмечены социологами Ю. Хабермасом и П. Бергером [15].

На данный момент во Франции Католическая церковь оказывает влияние на формирование общественного мнения и активно участвует в общественной жизни. Стоит отметить, что 62% населения составляют католики. Если принимать во внимание более поздние исторические факты до развития процесса секуляризации, а именно, до XIX века, то Церковь оказывала огромное влияние на развитие европейской культуры и на мировоззрение людей, и не случайно, что большая часть французских праздников является религиозными. Религия выступает в роли мировоззрения, а Церковь – ее

основным институтом. Для того, чтобы не потерять свое влияние, представители Церкви принимают участие в общественной жизни, выпускают журналы и газеты.

Религиозный дискурс, с помощью которого представители Церкви осуществляют свою деятельность и общение с верующими, включает в себя не только язык религиозных организаций, но и прихожан, которые общаются с священнослужителями и религиозными деятелями. Говоря о взаимодействии верующих и священнослужителей, можно сказать, что католический религиозный дискурс представляет особый интерес для лингвистических исследований.

Говоря о некоторых составляющих религиозного дискурса, стоит сказать, что многие из них реализуются путем эмоциональной вовлеченности верующих. Аппелляция к эмоциям и воздействие на эмоциональную сферу является одной из самых распространенных методов воздействия на аудиторию. Например, во время исповеди верующий обращается к Богу следующим образом: «*emplissez-moi de votre présence comme vous rempliriez une cruche vide. Car c'est bien ce que je suis: une cruche*» (наполните меня вашим присутствием, как вы наполняете пустой кувшин) [16]. В данном случае реализуются несколько составляющих религиозной мессы, например, диалогичность и модальность. Первый компонент проявляется путем общения человека с Богом. Модальность – более сложная составляющая, которая может быть представлена несколькими видами. С помощью данной составляющей проявляется отношение участников богослужения к сакральной и реальной действительности, и проявляется особый вид модальности т.е. модальность желания и просьбы [2, с. 165].

Эмоциональность, которая является неотъемлемым компонентом религиозного дискурса, также передается путем использования определенной лексики, в основном книжной или нейтральной, и фигур речи. Так, речь представителей Церкви, обращающихся к верующим, не лишена метафоричности и образности. Примером может послужить следующее обращение Папы Римского:

Voilà, je souhaite m'adresser à tous **les fidèles** et à ceux qui s'impliquent, avec Caritas, dans la construction d'une **société plus juste**. Alors que le peuple souffre, des quantités **incroyables** d'argent sont dépensées pour fournir des armes aux belligérants. Et certains des pays fournisseurs de ces armes font aussi partie de ceux qui **parlent de paix**. Comment peut-on croire en ceux qui, **avec la main droite, vous caressent et avec la gauche, vous frappent?** [18]

Вот, я хочу обратиться ко всем **верующим** и к тем, кто, совместно с Каритас, участвует в построении более **справедливого общества**. В то время как народ страдает, **невероятные** суммы денег тратятся, чтобы поставлять оружие воюющим сторонам. И некоторые из стран-поставщиков также **говорят о мире**. Как можно верить в тех, **кто правой рукой ласкает вас, а левой бьет?**

В данном случае эмоциональность проявляется путем выражения Предстоятелем Церкви своих чувств, эмоций и переживаний. Папа Франциск в своем обращении затрагивает конкретную группу граждан, а именно *всех верующих*, и вызывает к их чувствам. Такие словосочетания, как *société plus juste* (более справедливое общество) и *parler de paix* (говорить о мире), являются отражением активной гражданской позиции Папы Римского, который часто принимает участие в мероприятиях, которые посвящены разрешению сложных вопросов и установлению мира.

Фразеологической оборот *avec la main droite, vous caressent et avec la gauche, vous frappent* (правой рукой ласкает вас, а левой бьет) придает высказыванию Папы Франциска выразительность и образность. В данной фразе содержится аллюзия в форме риторического вопроса. Этот прием заставляет читателей поразмыслить самостоятельно об основной идее высказывания, и может вызвать определенные ассоциации и образы.

В религиозном дискурсе эмоциональность может быть выражена путем использования таких средств, как конкретизация и категоризация. Первый метод выполняется путем акцентирования определенных аспектов действительности, чтобы участники дискурса могли оценить ситуацию с моральной точки зрения. Категоризация проявляется тогда, когда в религиозном дискурсе появляются оппо-

зия «свой – чужой». В таком случае «чужой» является неправым и совершает поступки, противоречащие религиозным принципам, на которых базируются такие понятия как добро и справедливость. Большинство предметов, обсуждаемых в религиозном дискурсе, основываются на противопоставлениях: «зло» «добро», «Бог», «дьявол», «война» «мир» и др.

Средства гармонизации и наличие лексики, относящейся к определенным стилистическим регистрам, также являются компонентами религиозного дискурса. Религиозный дискурс, направленный на гармонизацию, должен представлять собой вид учительства по преимуществу рефлексивного, содержать в себе рассуждения и доказательства и действовать не только на чувства верующих, но и на их логическое восприятие [3, с. 87]. По мнению И.Н. Щукиной, основным средством гармонизации, которое должно присутствовать в религиозном дискурсе, является рациональная адресность, так как каждая мысль должна быть аргументирована. Для выполнения условия рациональной адресности необходимо использовать некоторые приемы: дефиницию, интерпретацию, конкретизацию, обобщение, аналогию, сравнение и др. [9]. Например, Папа Римский часто прибегает к рациональной адресности в своих обращениях к верующим:

«Si nous faisons un christianisme plus humain, sans croix, sans dépouillement, nous deviendrions des chrétiens de pâtisserie, comme de beaux gâteaux, de belles confiseries» [11].

Если бы мы сделали христианство более человечным, без креста, без всякой самопожертвенности, мы бы стали «пряничными христианами», как красивое пирожное или вкусное кондитерское изделие.

Папа Франциск в данном случае прибегает к такому приему, как сравнение: ложное восприятие христианства уподобляется витрине кондитерского магазина. Высказывание построено на приеме антитезы – крестный путь противопоставляется поклонению материальным ценностям, красивому фасаду. Сравнение, сопровождаемое антитезой, построенное на основании логических рассуждений, служит дополнительным средством достижения авторской интенции.

Многие фразы Предстоятеля Католической церкви апеллируют к чувствам и эмоциям верующих. Например, в своем заявлении он рассуждает о Церкви следующим образом:

«L’Eglise n’est pas une douane. Elle est la maison paternelle où il y a de la place pour chacun, avec sa vie difficile.» [11]

Церковь не таможня. Это родительский дом, где есть место для каждого с его непростой жизнью.

Глава Католической церкви использует такой прием, как перифраз, например, когда он называет церковь родительским домом (la maison paternelle). В аффективной речи (ораторской, разговорной) данный прием служит для усиления воздействия на адресата и делает речь более выразительной.

Во французском религиозном дискурсе частотны лексемы, имеющие латинскую и греческую этимологию, что является одним из средств гармонизации [12]. Например:

Reliques et reliquaires à Fourvière [20] Реликвии и реликварии в Фурвьере.

Лексема **reliques** (реликвия) относится к религиозной сфере и восходит к латинскому языку. Лексическая единица происходит от латинского слова *reliquiae*, которое было образовано от глагола *relinquo* – «оставлять, покидать» [5]. В данном заголовке использован морфемный повтор, который делает заголовок более выразительным и лаконичным.

В составе религиозной лексики можно выделить три основные группы:

- общерелигиозная лексика, включающая в себя лексические единицы, свойственные всем авраамическим религиям: Dieu (Бог), prière (молитва), péché (грех);
- общехристианская лексика, а именно лексемы, свойственные всем христианским конфессиям: Sainte Trinité (Святая Троица), Saint Esprit (Святой дух), Sauveur (Спаситель), Eglise (Церковь), Evangile (Евангелие), apôtre (апостол) и др.;
- конфессиональная лексика, представляющая собой лексемы, которые используются только в рамках одной христианской конфессии: curé (кюре), abbé (аббат), litanie (литания) [10].

Выбор лексических единиц также определяется особенностями ментальности носителей определенного языка. Различия во взглядах на жизнь, в истории и культуре также оказывают некоторое влияние и на лексику. Лексема *cœur* (сердце) часто используется в религиозном французском дискурсе. Например, в следующей статье:

La foi par les yeux, les oreilles et le cœur [14].
Вера в глазах, на слуху и в сердце.

Во французском языке лексема *cœur* имеет такое же значение для верующих, как в русском лексема «душа». Лексема *cœur* отличается во французском языке высокой степенью сочетаемости и является частью многих французских оборотов, например как *Dieu en plein cœur* (Бог в сердце). Во французском языке существует ряд лексем, где присутствует латинский корень *cor* (сердце), например, имя существительное *miséricorde* (милосердие), которое произошло от латинского выражения *miseris cor dare*, обозначающего «Подарите ваше сердце нуждающимся».

Таким образом, религиозный католический дискурс функционирует в рамках общехристианского дискурса и обладает определенными особенностями, которые работают благодаря таким компонентам, как сакральность, каноничность, эмоциональность, модальность. Для священнослужителей эмоциональность имеет особое значение, так как она играет контактоустановительную функцию. Одной из основных целей общения прихожан и служителей Церкви является нравоучение, помощь в сложных ситуациях и наставление. Если говорить о католическом религиозном дискурсе, то в настоящее время многие статьи и выступления религиозных деятелей посвящены теме мира и решению различных военных конфликтов. Поэтому, например, глава Католической церкви часто обращается к верующим, используя средства гармонизации для того, чтобы аргументировать свою точку зрения и объединить всех верующих.

Для обеспечения функционирования всех компонентов в религиозном дискурсе используется особая лексика, которая является важным компонентом каждого вида дискурса. В католическом религиозном дискурсе действенными средствами гармонизации яв-

ляется специальная религиозная лексика и лексемы, восходящие к латинским и греческим языкам. Таким образом, современный религиозный католический дискурс представляет собой явление со сложной жанровой структурой, в его состав входят определенные компоненты, которые приводят в действие различные стратегии.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. №1. С. 162–167.
3. Борисов Н.И. История первобытной христианской проповеди. СПб.: Типография С. Добродеева, 1885. 411 с.
4. Володина М.Н. Язык СМИ как отражение языковой действительности // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. 2007. С. 517–518.
5. Золотарь М.В. Религиозная лексика латинского и греческого происхождения в «Повести о трех королях-волхвах» (XV в.) // *Philologia Classica*. 2015. Вып. 8. С. 32–37.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Найденова Н.С. Механизмы речевого воздействия в экономическом дискурсе: на примере текстов выступлений глав ФРС США // Вопросы психолингвистики. 2016. Вып. 4 (30). С. 146–156.
8. Сталин И.В. Выступление по радио 3 июля 1941 года. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t15/t15_07.htm (дата обращения: 02.03.2017).
9. Щукина Е.Н., Хазанжи Е.И. Средства воздействия в православном дискурсе // Вестник пермского университета. Пермь. 2014. № 1 (25). С. 36–47.
10. Якимов П.А. Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 9(158). С. 66–68.
11. Pape François. Twitter. 2013. URL: https://twitter.com/intent/follow?screen_name=Pontifex_fr (accessed March 13, 2017).

12. Grammenidis Simos. Le transfert des emprunts du français au grec // *Palimpsestes*. 2012. URL: <http://palimpsestes.revues.org/1791> (accessed March 13, 2017).
13. Naydenova N. Let the Little Children Come to Me: (Anti-) Religious Films for Young Spectators of the Soviet and Post-Soviet Period // *Children's Literature in Education*. 2016. DOI: 10.1007/s10583-016-9284-4. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s10583-016-9284-4>.
14. Nieuviarts J. La foi par les yeux, les oreilles et le cœur // *Pèlerin*. 2013. URL: <http://www.pelerin.com/A-la-une/Lourdes-une-histoire-un-pelerinage/Lourdes-et-ses-pelerins-racontes-par-le-Pere-Jacques-Nieuviarts/5.-La-foi-par-les-yeux-les-oreilles-et-le-caeur/?xtmc=coeurs&xtcr=50> (accessed March 13, 2017).
15. Jobin G. Les discours religieux dans l'espace public de la bioéthique // *Éthique publique*. vol. 8, no. 1. 2006. DOI: 10.4000/ethiquepublique.1875 (accessed March 16, 2017).
16. Lang D. Spiritualité: cette messe qui a changé ma vie // *Pèlerin*. 2017. URL: <http://www.pelerin.com/A-la-une/Spiritualite-cette-messe-qui-a-change-ma-vie> (accessed March 13, 2017).
17. Luhmann N. La religion comme communication // *Archives de sciences sociales des religions*. 2014. DOI: 10.4000/assr.26110
18. Picco C. Le message du pape François pour la paix en Syrie // *Pèlerin*. 2016. URL: <http://www.pelerin.com/Videos/Le-message-du-Pape-Francois-pour-la-Paix-en-Syrie> (accessed March 13, 2017).
19. Pellen M. Le sacré dans tous ses états: catégories du vocabulaire religieux et sociétés de l'Antiquité à nos jours // *Colloque. Calenda*. 2009. URL: <http://calenda.org/199484> (accessed March 13, 2017).
20. Royer P. Reliques et reliquaires à Fourvière // *Pèlerin*. 2014. URL: <http://www.pelerin.com/Histoire-Patrimoine/Les-tresors-de-nos-eglises/Reliques-et-reliquaires-a-Fourviere?xtmc=relique&xtcr=1> (accessed March 13, 2017).

References

1. Benvenist É. *Obshhaja lingvistika* [General linguistics], M.: Progress, 1974. 446 p.

2. Bobyreva E.V. Religioznyj diskurs: cennosti i zhanry [Religious discourse: values and genres]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Proficiency]. 2008, no. 1, pp. 162–167.
3. Borisov N.I. *Istorija pervobytnoj hristianskoj propovedi* [History of the primitive Christian sermon]. SPb: Tipografija S. Dobrodeeva, 1885. 411 p.
4. Volodina M.N. *III Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka: Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [III International Congress of Russian Language Researchers: Russian Language: Historical Progress and the Present:]. 2007. pp. 517–518.
5. Zolotar' M.V. *Philologia Classica*, 2015. No. 8, pp. 32–37.
6. Karasik V.I. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse.]. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p.
7. Naydenova N.S. *Mehanizmy rechevogo vozdeystvija v jekonomicheskom diskurse: na primere tekstov vystuplenij glav FRS SShA* [The mechanism of verbal influence in the economic discourse as exemplified by the speech texts by the US FRS heads]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. 2016. no. 4 (30), pp. 146–156.
8. Stalin I.V. *Vystupenie po radio 3 ijulja 1941 goda* [Speech on the radio on July 3, 1941]. https://www.marxists.org/russkij/stalin/t15/t15_07.htm (accessed March 2, 2017).
9. Shhukina E.N., Hazanzhi E.I. *Sredstva vozdeystvija v pravoslavnom diskurse* [Means of influence in the Orthodox religious discourse]. *Vestnik permskogo universiteta* [Bulletin of the University of Perm]. Perm', 2014, no. 1 (25), pp. 36–47.
10. Jakimov P.A. *Religioznaja leksika – cerkovnaja leksika – biblejskaja leksika: k voprosu o sootnoshenii ponjatij* [Religious vocabulary – church vocabulary – Biblical vocabulary: on the correlation of the notions]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the State University of Orenburg]. 2013, no. 9(158), pp. 66–68.
11. Pape François. *Twitter*, 2013. https://twitter.com/intent/follow?screen_name=Pontifex_fr (accessed March 13, 2017).
12. Grammenidis S. Simos. *Le transfert des emprunts du français au grec // Palimpsestes*. 2012. URL: <http://palimpsestes.revues.org/1791> (accessed March 13, 2017).

13. Naydenova N. Let the Little Children Come to Me: (Anti-) Religious Films for Young Spectators of the Soviet and Post-Soviet Period. *Children's Literature in Education*. 2016. DOI: 10.1007/s10583-016-9284-4. <http://link.springer.com/article/10.1007/s10583-016-9284-4>.
14. Nieuviarts J. La foi par les yeux, les oreilles et le cœur. *Pèlerin*. 2013. <http://www.pelerin.com/A-la-une/Lourdes-une-histoire-un-pelerinage/Lourdes-et-ses-pelerins-racontes-par-le-Pere-Jacques-Nieuviarts/5.-La-foi-par-les-yeux-les-oreilles-et-le-caeur?&xtmc=coeurs&xtr=50> (accessed March 13, 2017).
15. Jobin G. Les discours religieux dans l'espace public de la bioéthique. *Éthique publique*. vol. 8, no. 1. 2006. DOI: 10.4000/ethiquepublique.1875 (accessed March 16, 2017).
16. Lang D. Spiritualité: cette messe qui a changé ma vie. *Pèlerin*. 2017. <http://www.pelerin.com/A-la-une/Spiritualite-cette-messe-qui-a-change-ma-vie> (accessed March 13, 2017).
17. Luhmann N. La religion comme communication. *Archives de sciences sociales des religions*. 2014. DOI: 10.4000/assr.26110
18. Picco C. Le message du pape François pour la paix en Syrie. *Pèlerin*. 2016. <http://www.pelerin.com/Videos/Le-message-du-Pape-Francois-pour-la-Paix-en-Syrie> (accessed March 13, 2017).
19. Pellen M. Le sacré dans tous ses états: catégories du vocabulaire religieux et sociétés de l'Antiquité à nos jours. Colloque. *Calenda*. 2009. <http://calenda.org/199484> (accessed March 13, 2017).
20. Royer P. Reliques et reliquaires à Fourvière. *Pèlerin*. 2014. <http://www.pelerin.com/Histoire-Patrimoine/Les-tresors-de-nos-eglises/Reliques-et-reliquaires-a-Fourviere?&xtmc=relique&xtr=1> (accessed March 13, 2017).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Гишкаева Луиза Нахидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *Российский университет дружбы народов*
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

Сорокина Людмила Сергеевна, магистр филологического факультета, лаборант

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

Lyudasoro@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gishkaeva Luisa Nakhidovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philology

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

Sorokina Liudmila Sergeevna, Master of Philological Faculty, Laboratory Assistant

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

Lyudasoro@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-153-161

УДК 811.161.1

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Черкесова З.В.

Цель. Статья посвящена исследованию концепта «женщина» в русском языке на уровне паремиологических и фразеологических единиц. Предметом исследования выступают процессы эволюции концепта «женщина» в русской паремиологической и фразеологической картинах мира. Цель работы – установить экстралингвистические факторы, влияющие на эволюцию концепта «женщина» на материале русских фразеологических и паремиологических единиц.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют способы и принципы изучения концепта, реализуемые с помощью лингвокультурологического подхода.

Результаты. Обобщая результаты исследования, следует заметить, что в русском языке обнаруживаются фразеологизмы, которые по своему содержанию имеют отношение только к женщине, касающиеся непосредственно жизни женщин (внешности, характера, поведения, социального статуса и т.п.); что в русской паремиологии имеет место андроцентричный (в большинстве случаев отрицательно коннотированный) взгляд на образ женщины и наличие женского сознания, мышления. Отрицательная коннотация характерна в основном для понятия «баба», а положительная – для понятия «мать» (матушка).

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении основных концептов, образующих универсальную концептосферу отдельно взятого народа.

Ключевые слова: концепт; микроконцепт; паремиологические единицы; фразеологические единицы; женский пол; русская лингвокультура.

EVOLUTION OF THE CONCEPT «ЖЕНЩИНА» (WOMAN) IN PAREMIOLOGY AND PHRASEOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Cherkesova Z.V.

Purpose. *The article is devoted to the study of the concept “woman” in the Russian language at the level of paremiological and phraseological units. The subject of research is the evolution of the concept of “woman” in the Russian paremiological and phraseological worldviews. The purpose of the work is to establish extralinguistic factors influencing the evolution of the concept “woman” on the material of Russian phraseological and paremiological units.*

Methodology. *The basis of the study is the methods and principles of the concept studies, implemented with the help of a linguistic and cultural approach.*

Results. *Summarizing the results of the study, it should be noted that the Russian language contains phraseological units, whose content is related solely to women and their life aspects (appearance, character, behavior, social status, etc.); the Russian paremiology is dominated by the androcentric (in most cases being negatively connotated) attitude to the image of woman and the presence of female consciousness, way of thinking. Negative connotation is mainly a characteristic feature of the concept “баба”, while a positive one characterizes the concept “мать”.*

Practical implications. *The results of the study can be used to study the basic concepts that form the universal concept-sphere of a particular people.*

Keywords: *concept; microconcept; paremiological units; phraseological units; female sex; linguoculture.*

Концепт «женщина» – это этноментальное образование, существующее в национальном лингвосознании различных гендерных, социальных и возрастных групп. В формировании содержания концепта «женщина», кроме лингвистических факторов, важную роль

играют экстралингвистические особенности. К ним относятся культурно-исторические факторы, мифология и религия, развитие экономики, индустрии, т.е. социальное окружение в совокупности с биологическими особенностями женщины.

Социальные роли лица женского пола: мать, сестра, дочь, тетья, племянница, золовка, свекровь, теща, бабушка и т.д. заключают в себе концепт «женщина». Паремии русского языка, в которых сконцентрированы родственные отношения лиц женского пола, на наш взгляд, целесообразно выделить в отдельную группу. При этом, как предлагает В.Н. Телия, родовым понятием следует считать концепт «женщина/баба», а все другие концепты, в том числе и те, которые акцентируют семейный статус, – видовыми [2, с. 261].

Исследование паремий с точки зрения их содержания выявило около 3000 единиц, содержащих в себе концептуальные признаки, характеризующие лицо женского пола с разных ракурсов. По семантическим составляющим среди них можно выделить следующие группы: замужество (жена, хранительница семейного очага, спутница жизни, супруга) – 656 единиц; материнство (мама, мать) – 429 единиц; девушка, невеста (любимая, возлюбленная) – 485 единиц; индивидуальные качества женщины – (внешность, характер, ум, поведение и т.д.) – 544 единиц; социальный статус – 305 единиц и др.

В русском языке встречается группа пословиц и поговорок, в которых заключена андроцентричная характеристика женщины. В них подчеркиваются разные концептуальные признаки («внешность», «характер», «поведение» «интеллект», «хозяйственность» и т.д.), описывающие лицо женского пола с мужской точки зрения. Например: *Красота приглядится, а щипы не приклебаются; Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла; Не пригожа, да пригодна; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щипы варит; С лица не воду пить, умела б пироги печь; С собой красива, да душа трухлава.*

В некоторых паремиях отражена высокая роль женщины в семье и полная зависимость мужа от жены: *Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка; Бабушка не может, дед семь лет костей не гложет; Мужик без бабы пуце малых деток сирота.*

Большая часть паремиологических единиц русского языка, содержащих концептуальные признаки, характеризующие лицо женского пола, акцентированы на аспекте «замужество». В них подчеркивается место и роль замужней женщины в семье с разной оценкой ее положения. В связи с этим в народе говорят: *Замуж выйти можно, но как бы замужем не пропасть; Замуж выходи, в оба гляди.*

Так встречается группа пословиц и поговорок, подчеркивающих плохое, несносное, но «выгодное» положение замужней женщины: *Хоть бита, да сыта; Хоть за лысого, да близко; Когда овдовеешь, тогда-то и мужа помянешь; Хоть плох муженек, а завалюсь за него – не боюсь никого!*

Некоторую семантическую близость с этими паремиями можно обнаружить в таких выражениях, как: *Покроют головушку, наложат заботушку; Как наденут венец – всему конец; После Покрова не будешь такова.*

Пословиц и поговорок с положительной интерпретацией замужества в русском языке меньше. В них в основном отражается забота о женщине, а также подчеркивается верность мужу и преданность семье: *Побереги Бог мужа вдоль и поперек, а я без него ни за порог.*

Высшую степень положительной коннотации концепт «женщина» достигает при объективации микроконцепта «мать» (матушка, маменька), часто ассоциирующегося с понятиями «забота», «доброта», «тепло» и т.д.: *Нет лучшего дружка, чем родная матушка; Маменька родимая – свеча неугасимая.*

В русской паремиологии концепт «женщина», объективированный понятием «баба», в большинстве случаев отрицательно коннотирован. При этом подчеркиваются такие качества, как болтливость, сварливость, упрямство, лживость, лицемерие и т.д.: *Курица не птица, баба не человек; И баба смекает, что ребенка качает; Бабы умы разоряют дома; С бабой не сговоришь (не поспоришь); Где две бабы, там судел (схватка), где три – там содом; У баб только суды да ряды; Бабыя вранья и на свинье не объедешь; Не утерпела баба, провралась!; Не ждет баба спроса, сама все скажет; Бабий*

язык – чертово помело; Разголосилась баба по чужому покойнику; Знай, баба, свое кривое веретено!

Эволюция концепта «женщина» наглядно прослеживается и в русской фразеологии. В нем обнаруживаются фразеологизмы, которые по своему содержанию имеют отношение только к женщине, касающиеся непосредственно жизни женщин (внешности, характера, поведения, социального статуса и т.п.). Например: *подруга жизни, талия в рюмочку, отдать руку и сердце*.

Во фразеологизмах, заключающих в своем содержании характеристику женщины, наблюдается объективация таких компонентов семантического ядра концепта «женщина», как «возраст», «внешность», «характер и поведение», «уровень интеллекта», «социальный статус», «семейное положение» и др. Чаще всего в них наблюдается характеристика женщины в двух последних аспектах («характер и поведение» и «уровень интеллекта») и в большинстве случаев с отрицательной коннотацией. Так, например, фразеологизмы *вешаться на шею, трепать юбки, вертеть хвостом, ходить по рукам* отражают чрезмерно активный, распушенный, плохой образ жизни и неприличное поведение женщины.

На основе русских предметных фразеологических единиц в структуре концепта «женщина» обнаруживаются такие аспекты характеристики лица женского пола, как «психологические (внутренние) особенности» (53 ФЕ), «внешность» (32 ФЕ), «возраст» (29 ФЕ), «взаимоотношения с окружающими» (27 ФЕ) и «социальный статус» (18 ФЕ).

ФЕ русского языка, содержащие биологическую характеристику лица женского пола, репрезентируют понятийный компонент исследуемого концепта и заключают в себе такие гендерно-возрастные признаки, как «принадлежность к женскому полу» или к «слабому полу», «средний, или бальзаковский возраст» и т.п. Они также дополняются такими личностными качествами, как «нежность», «мягкость», «женственность», «впечатлительность», «сентиментальность», «мечтательность», «кокетство», «болтливость», «сварливость», «любопытство», «глупость», «лживость», «доступность» и др. Не менее важное значение имеет ее статус в семье («жена», «мать», «домохозяйка»).

В образной составляющей исследуемого концепта заключено представление о женщине, как об образованной, интеллигентной, преуспевающей (бизнес-леди) или, наоборот, о необразованной и глупой (бабий ум, бабское слово).

В лингвокультурном сознании русского этноса первоначальное представление об образе женщины формируется с помощью понятий «красота», «женственность», «нежность» и т.п., что считается общепринятой нормой. Однако во фразеологии встречаются случаи представления образа женщины с отклонением от указанной выше установки. Например:

ФЕ, характеризующие в основном внешность женщины:

драная кошка – «чрезмерная худоба», «изможденность», «истощенность»;

мужик в юбке – «неряшливость», «отсутствие красоты»;

синий чулок – «отсутствие женственности», «отсутствие обаяния» и др.

ФЕ, характеризующие внутренние качества, морально-психологическое состояние женщины:

змея подколодная – «злая», «коварная»;

валаамова ослица – 1) предельно молчаливый и покорный человек, который неожиданно высказал вдруг свое мнение, несогласие с общим мнением, протест. – *Зачем обижают меня, папаша? Ведь видите вы – одна я! всегда одна! Ведь понятно вам, как тяжело мне жить — а никогда вы слова ласкового не скажете мне... – Вот и валаамова ослица заговорила, – усмехнувшись, сказал старик* (М. Горький. *Фома Гордеев*); 2) бран., презр. Предельно упрямая, глупая женщина. – *Пантаковская-то, а? – укоризненно бросил он [Иван Иванович] Прохору Фроловичу... – А ну её! – Прохор Фролович сердито дёрнул надутыми губами... По званию, так сказать, профессор, а на деле ослица валаамова!* (А. Коптяева. *Дерзание*). – Из библейской легенды об ослице волхва Валаама, неожиданно запротестовавшей человеческим языком против побоев [3, с. 868];

сатана в юбке – злобная, коварная женщина;

баба-яга, старая ведьма – 1) старая сварливая, злая, коварная женщина; 2) разг., презр. О злой, сварливой или безобразной жен-

щине. В сравнении. *У палисадника на лавочке сидит Пелагея Кузнецова, древняя горбатая старуха, вся в чёрном, злая и страшная, как баба-яга* (В. Рыбин. Попа-гонялы). *Стоило ему чуть голос высить, как Дуська выскакивала на крыльцо, голося: «Ой, мама, мамочка, спаси!»* Тогда выходила Иванова мать – крошечная, скрюченная старушонка, усохшая словно баба-яга... и начинала охаживать Ивана вдоль спины клюкой (Л. Скорик. Парнишонка) [4, с. 14];

железная леди – употребляется в отношении волевой, решительной и уверенной в себе женщины. Первоисточник фразы – публикация английской газеты «Sunday Times» от 25 января 1979 г., где данной фразой перевели выражение «железная дама» из советской газеты «Красная звезда». Статью написал Ю. Гаврилов, она называлась «Железная дама страшает...». Данная публикация явилась ответом на высказывание М. Тэтчер о том, что «русские стремятся к мировому господству» [5];

пиковая дама – недоброжелательная женщина с сильным, волевым характером.

В русском языке встречается группа ФЕ, объективирующих такие входящие в понятийный компонент концепта «женщина» признаки, как «развратность», «распущенность», «вольное поведение». Таковы, например: *женщина легкого поведения, жрица любви, ночная бабочка, живой товар, падшее создание, вавилонская блудница, дама из Амстердама, дама полусвета* и др.

ФЕ, содержащие в себе положительную оценку женщины, в большинстве случаев характеризуют ее социальный статус. Например, эксплицитное значение ФЕ *светская львица, царевна-недотрога, царевна-лягушка, принцесса на горошине, ее величество, ее высочество, ее сиятельство* указывает на высокий социальный статус женщины.

Обобщая результаты исследования, следует заметить, что в русской паремиологии имеет место андроцентричный (в большинстве случаев отрицательно коннотированный) взгляд на образ женщины и наличие женского сознания, мышления. Отрицательная коннотация характерна в основном для понятия «баба», а положительная – для понятия «мать» (матушка).

Этно- и социокультурные представления о гендерных стереотипах формируются в ходе развития конкретного этноса и в соответствии с менталитетом его представителей. Эти стереотипы закрепляются в социокультурном и лингвистическом сознании людей, но вместе с тем они представляют собой явление динамичное, меняющееся и передающееся через поколения. С течением времени и развитием общества происходит трансформация взглядов на эталоны женской красоты, изменение представлений об идеале женского характера и манерах поведения.

Список литературы

1. Кобякова Т.И., Галиуллина С.Д., Сунцова Н.Л. Этноязыковое осмысление мира: концепт «милосердие» в русской лингвокультуре // Современные исследования социальных проблем. № 4–2 (28). 2016. С. 186–203.
2. Телия В.Н. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966. 86 с.
3. Толковый словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1938. Т. 2. 1040 с.
4. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Около 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 880 с.
5. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

References

1. Kobjakova T.I., Galiullina S.D., Suncova N.L. Jetnojazykovoe osmyslenie mira: koncept «miloserdie» v russkoj lingvokul'ture [Ethno-lingual interpretation of the world: the concept “benevolence” in the Russian linguoculture]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*. № 4–2 (28)ю 2016, pp. 186–203.
2. Teliya V.N. *Chto takoe frazeologiya?* [What is phraseology?] М.: Nauka, 1966. 86 p.
3. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka v 4-kh t.* [The explanatory dictionary of the Russian language in 4 vol.] / Ed. D.N. Ushakov. М.; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1938. Т. 2. 1040 p.

4. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [The phraseological dictionary of the Russian literary language]. Okolo 13000 frazeologicheskikh edinits.. M.: Astrel': AST, 2008. 880 p.
5. Serov V. *Jenciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions]. M.: Lokid-Press, 2005. 880 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Черкесова Зарета Валериевна, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
ул. Пушкина, д. 18, г. Нальчик, КБР, 365000, Российская Федерация
zara7belle@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Cherkesova Zareta Valerievna, Candidate of Philology
Institute of Humanitarian Studies (branch) Kabardino-Balkarian Science Centre of the Russian Academy of Sciences
18, Pushkin Str., Nalchik, 365000, Russian Federation
zara7belle@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

NATIONAL HISTORY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-162-177

УДК 93/94

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Виниченко И.В.

Цель. *Статья посвящена актуальному в условиях современной реальности вопросу статуса российской женщины и её стереотипного образа. Предметом анализа выступают практики формирования идеального женского образа, бытовавшие в советском пространстве.*

Метод или методология проведения работы. *В основу исследования положено представление о норме красоты в определённом обществе. Автор характеризует эстетический идеал через категорию «образ», рассматривая индивидуальный и идеологический уровень его формирования. Для раскрытия системы связей применялись историко-сравнительный метод, анализ и синтез материала.*

Результаты. *Автором показаны исторические практики по трансформации женского образа в советском обществе, взаимосвязь новых образов с этапами развития страны. Конструируемые женские образы визуализировали идеологию и использовались как средство пропаганды. Отмечено, что важной составляющей образа являлась мода. При этом, идеологически одобренный образ оценивался обществом и мог подвергаться корректировке.*

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы педагогическими и научно-педагогическими работниками, государственными служащими в сфере социально-политического проектирования ценностно-нормативной базы российского общества.

Ключевые слова: женщина; история; СССР; общество; образ; мода; гендерные стереотипы.

HISTORICAL PRACTICE OF TRANSFORMATION WOMAN IMAGE IN THE SOVIET SOCIETY

Vinichenko I.V.

Purpose. The article is devoted to the actual in the conditions of modern reality issue of the status of a Russian woman and her stereotypical image. The subject of analysis is the practice of forming the ideal female image, which existed in the Soviet reality.

Methodology. The research is based on the idea of the beauty standard in a particular society. The author characterizes the aesthetic ideal through the category “image”, considering the individual and ideological level of its formation. To disclose the system of connections, the historical-comparative method, analysis and synthesis of the material were used.

Results. The author shows historical practices of the female image transformation in the Soviet society, the relations of new images with the stages of the country’s development. The constructed female images visualized ideology and were used as a means of propaganda. It is noted that fashion was an important component of the image. At the same time, the ideologically approved image was evaluated by society and could be subject to adjustment.

Practical implications. The results of the research can be used by pedagogical and scientific pedagogical workers, public servants in the field of socio-political design of value-normative base of the Russian society.

Keywords: woman; history; USSR; society; form; fashion; gender stereotypes.

Современная наука осваивает гендерную историю, что позволило вернуть в общий курс истории, прежде всего выдающихся женщин, но не только их. На современном этапе сформировалось представление, что известное ранее знание о прошлом не является полным, потому что в нём почти полностью отсутствуют женщины со своим взглядом на мир и своей системой ценностей. Историческое повествование обращалось к публичному пространству: событиям политическим, военным, религиозным. О женщинах было принято молчать, хотя равнозначность двух доменов существования мужчин и женщин даёт более насыщенную красками картину общества как целостного организма. По мнению Н.Л. Пушкаревой за время существования нового направления историки научились исследовать множественность социальных связей, не упуская при их рассмотрении фактора пола и гендерного взаимодействия [15, с. 61].

Актуальность темы исследования связана с изменением статуса российской женщины в конце XX – начале XXI века. В современном российском обществе стереотип женщины, характерный для традиционного русского уклада жизни, потерял актуальность, образ идеальной советской женщины излишне политизирован, а образ деловой женщины, транслируемый западным обществом, не нашел всеобщего признания. В связи с этим встаёт вопрос о конструировании идеального образа или образов женщин начала XXI века в России. В этом плане с точки зрения общественной значимости возможно обращение к практикам формирования образа, бытовавшим в советском пространстве.

Главной задачей данной статьи является рассмотрение исторических практик по трансформации женского образа в советском обществе. Внедрение новых образов в общественное сознание было тесно связано с этапами развития страны. Практически всегда образы женщин использовались как мощное пропагандистское средство, они красноречиво иллюстрировали неоспоримое преимущество социализма.

Методы исследования

Послереволюционная российская история характеризуется эволюционными процессами, перестройкой в иерархии социальных ролей в советском (российском) обществе. Каждая эпоха создаёт свой

эстетический идеал человека, свои нормы красоты. Специфика советского строя заключалась во взаимосвязи политики, экономики и идеологии, что способствовало формированию модного образа под влиянием идеологического заказа. Сконструированный культурно-эстетический образец транслировался в общество.

В данном исследовании мы обратимся к категории «образ», который будет рассматриваться не только как форма отражения объекта в сознании человека, возникающая в условиях общественно-исторической практики, но и как продукт коллективного воображения, сознательно сконструированный политической элитой. Совокупность вкусов и взглядов, господствующих в общественной среде в определённое время понимается как мода, на которую оказывают влияние большие и малые события, происходящие в стране и мире. Культурно-эстетические образцы распространяются в обществе в виде модных образов.

Многоуровневая структура категории «образ» была рассмотрена на идеологическом уровне, где источниками стали материалы периодической печати, и индивидуальном уровне, который связан с собственным опытом человека.

В рамках социальной истории женщины рассматриваются как особая группа со своими интересами и потребностями. В качестве метода для анализа выступает гендерный подход. Он предполагает экспертизу социально-исторических явлений с учётом фактора пола. Использование качественных методов сбора данных (включённое наблюдение; анализ данных, полученных другими учёными; анализ публикаций, обзоров) позволяет держать в фокусе исследования индивида, организацию или определённые социальные практики.

В числе общенаучных методов применялись анализ и синтез материала, а также историко-сравнительный метод, которые позволяют выйти за рамки констатации отдельных фактов и индивидуальных свойств к раскрытию системы связей и отношений между ними.

Результаты исследования

В последние полтора десятилетия отмечается новая тенденция в женской истории – обращение к женскому образу. Такой контекст ис-

следования говорит о смене методологического ориентира: в центре внимания оказываются вопросы языка, система ценностей и специфика их восприятия. Не случайно и наше обращение к тематике женского образа с акцентом на модный стереотип, характерный для того или иного периода в жизни советского общества.

Образ советской женщины конструировался на идеологическом уровне, визуализация идеологии была одним из основных способов трансляции идей среди населения страны. Цель любой идеологии заключается в «манипулировании и управлении людьми путём воздействия на их сознание» [14, с. 36]. В условиях социализма власть стремилась завладеть не только политическим сознанием масс, но и их обыденным сознанием. Характерной чертой коммунистической идеологии был полный контроль над жизнью общества. Идеологи социализма не могли оставить без внимания поле быта, и в частности полностью отмежеваться от контролирования внешнего облика советских людей [12, с. 205]. Прибегая к визуальному отображению идеологии, правящие элиты решали две задачи: конструировали новую общественную мифологию и давали образцы для подражания. Рассматривая генезис новых образов необходимо определить причинно-следственную связь ряда факторов: требования правящей элиты, экономические условия, качество разработки и исполнения поставленных задач, готовность общества принять новый образ.

Выделим несколько значимых периодов в советской истории.

Период с 1917 по конец 1920-х годов характеризуется разработкой и внедрение в общественное сознание образа «нового человека», в том числе и «новой женщины». Социальная функция женщин после революции была преувеличена и во многом носила декларативный характер. Новая элита главным своим достижением считала освобождение женщин, под которым понималось как равенство полов, так и экономическое и политическое равноправие. Формирование образа «новой женщины» осуществлялось посредством политических директив, вовлечения их в женские общественные организации и трансляции нового образа в советской массовой культуре. Основным визуальным носителем идеологического послания в этот период

являлся плакат. Использование простых изображений и коротких текстов-лозунгов делало его доступным для малограмотного адресата.

«Новая женщина» должна была качественно отличаться от своих дореволюционных предшественниц. Властные структуры стремились к формированию у неё таких черт как: общественная активность, руководящие способности, возможность работать на производстве наравне с мужчиной, независимость от «бытового закрепощения» [18, с. 21–22]. Этот образ канонизировался и транслировался в широкие народные массы. Отличительная особенность образа «новой женщины» – отрицание важности семейной роли, роли материнства как доминанты традиционной составляющей женского образа. К концу рассматриваемого периода наблюдается постепенное сближение новой системы ценностей с традиционной в данном аспекте.

Экономической составляющей, способствующей внедрению нового образа, стали модернизационные процессы и новые социально-экономические условия. Гражданская война, голод, массовая миграция населения в город, гендерный дисбаланс вынуждали женщин выполнять несвойственные для них функции, а образ «новой женщины», предложенный им, позволял быстрее приспособиться к новым реалиям жизни.

Важной составляющей образа является мода. Новым признаком моды этого периода становится минимализм в одежде, в украшениях, в косметике и в быту, символизирующий сближение женских и мужских образов. Так, исследуя визуальные источники послереволюционного периода, Е.А. Шабатура приходит к выводу, что «в начале 20-х гг. XX века образ революционерки-строительницы нового мира в плакатных изображениях стал связываться с определенной атрибутикой, чертами характера и сюжетами. Выделяются типичные черты подобных образов, как, например, физическое сходство с мужскими фигурами, или изображение женщины в качестве «помощника» мужчины» [17, с. 490–491].

Оценивая функцию одежды этого исторического периода, Р.М. Кирсанова отмечает, что она уже была призвана не украшать, а подчеркивать лояльность своего владельца новой власти [10, с. 238–240]. Но при этом необходимо отметить, что поиски собственного советского стиля одежды начинаются уже сразу после революции. Так, идеоло-

гия социализма сформировала новые требования к культуре одежды, составлявшей часть материальной культуры общества. Они гласили: «Мода должна стать подлинно народной и общедоступной» [9, с. 38]. Костюм должен был находиться в полной зависимости от экономических условий и соответствовать гигиеническим требованиям.

Сконструированный по этим канонам образ «новой женщины» вызывал не только положительные, но и отрицательные реакции в массовом сознании послереволюционного советского общества. Основная причина – демонстративный отказ от традиционных образцов поведения.

Облагородить этот образ была призвана мода. Новые советские модельеры мечтали о своей моде, отвечающей потребностям, образу жизни советских женщин.

Период индустриализации страны Советов с его стремительно протекающими процессами потребовал не менее активного конструирования мифологического образа женщины. Индустриальные процессы способствовали расширению сферы влияния городской культуры, включая моду. В 1928 году А.В. Луначарский пишет статью «Бубикопф», подчёркивая значимость советской моды и в этот период. Его «заботила борьба за красоту во всём – и в искусстве и в повседневной жизни» [13, с. 26]. Тема отличительных черт советской одежды обсуждается не только на страницах журналов мод, но и в партийной печати. Например, 30 июня 1928 года газета «Комсомольская правда» вынесла в заголовок ключевой вопрос: «Как нам одеваться?». Интерес к подобной проблематике неуклонно рос. В противовес суровой реальности того времени – дефициту потребительских товаров – акцент ставился на расширении ассортимента, доступного потребителям. Внимание власти приковано к внешнему образу советского человека, прежде всего советской женщины. Одежда и внешний вид советского человека рассматривались как символические ресурсы политики.

В этот период женские журналы восторженно писали, повторяя сталинский лозунг: «Теперь, когда в нашей стране «жить стало лучше, жить стало веселее», когда выросли материальные возможно-

сти и повысились культурные запросы, женщины и девушки нашей страны должны завязать крепкую дружбу с художниками, помогать им своими советами, вникать в их работу, чтобы, приблизив искусство к жизни, найти настоящий советский стиль одежды» [19, с. 18].

В массовой культуре 1930-х годов роскошь, элегантность и женственность стали объектом желания. ««Супермоделями» новой эпохи стали стахановцы и стахановки; на торжественных собраниях, где вручали правительственные награды, «простые» трудящиеся появлялись одетыми по «последней моде»» [16, с. 103]. В общественном сознании понятие моды стало ассоциироваться не столько с развитием вкуса и культуры одежды, сколько с приобретением «предметов роскоши». Главным итогом 1920–1930-х годов стала реанимация представлений о моде как норме жизни советского человека. В сфере визуальной репрезентации наметилась тенденция слияния двух типов внешности – «рабоче-крестьянского» и «артистического» [7, с. 131–155]. На страницах советских женских журналов и киноэкранах появляется новый образ советской женщины – строгой красавицы, которая может предстать перед своей публикой как в рабочей одежде, так и в элегантном костюме. Новый канонический образ олицетворяли, например, Любовь Орлова и Марина Ладынина.

В послевоенный период по мере нормализации жизни продолжились попытки активного вовлечения женщин в общественное производство. Причины этих стремлений были на поверхности: образ советской женщины как соратника мужчины по борьбе стал своеобразным символом советского государства; значительный перевес женского населения не позволял отказаться от женского труда на производстве; производственная деятельность женщин стала повседневной практикой и вошла в ценностные ориентации.

В женских изданиях ключевой фигурой идеологических построений всей послевоенной культуры стал образ женщины – труженицы и матери. На основе анализа визуальных и вербальных текстов в журналах «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» мы можем выделить основные черты и характеристики женщин, вокруг которых была создана атмосфера значительности:

1. Героизм на трудовом фронте;
2. Энтузиазм и инициативность;
3. Чувство радостного созидания;
4. Патриотизм;
5. Взаимопомощь и сотрудничество в семье и коллективе;
6. Чувство меры, простота и скромность внешнего облика;
7. Духовное богатство и уверенность в своих силах;
8. Стремление к грамотности и покорение профессиональных высот;
9. Восприятие материнства как счастья и долга.

Как видим, официальная социалистическая печать выдвигает на передний план унифицированный образ советской женщины, исполненный позитивных характеристик [3, с. 23].

Новый этап связан со сменой руководства страны. Жизнь советского государства после XX съезда КПСС (1956 г.) характеризуется распространением образцов и ценностей западной культуры среди советских граждан. В средствах массовой информации сформировался девиз «всё во имя человека, всё для блага человека», который озвучил идею нового периода истории. Населению предлагались новые ценности и новые жизненные ориентиры. Нельзя говорить о том, что общество освободилось от влияния идеологии, но власть сделала попытку по-иному взглянуть на живущих в стране людей. На авансцену выводится новый образ «советской женщины».

В этот период выстраивается концепция советского вкуса. Заявленная тема обсуждалась, в том числе и в женской прессе, где составлялись и тиражировались предписания по поводу того, что значит быть «настоящей» женщиной в советском обществе. Рассматривая трансформацию медийного образа, можно отметить, что в послесталинский период начал продвигаться новый образ идентичности советской женщины. «В дополнение к основным ролям – работницы и общественницы – женщинам предложена роль хозяйки: «женщинам рекомендовалось следить за домом, уметь обустроить своё частное пространство, обладать широким кругозором, быть ухоженными, хорошо одетыми» [4, с. 49]. Визуальный ряд журна-

лов меняется. «Рабоче-крестьянская» идентичность женщин, когда иллюстрации изображали её на своем рабочем месте, перестаёт быть единственной. Появляются изображения женщин, которые совершают покупки, занимаются домашним хозяйством, рукоделием и т.д. Одновременно прослеживается изменение отношения к моде и модным вещам. Женские журналы активно включаются в процесс обучения и воспитания. Визуализируется образ «женщины, следящей за своей внешностью» [11, с. 140].

Постепенно меняется тон дискуссии, смягчаются требования к выбору одежды, например, в 1968 году в журнале «Юность» публикуются рассуждения о том, что «человек должен одеваться как он хочет. Это не общественная, а частная проблема» [2, с. 78]. Несмотря на то, что среди советских обществоведов ещё сохранялась оценка моды как «пережитка капитализма» [1, с. 66–67], было решено, что «контролировать» и «направлять» модные тенденции будут «путём пропаганды хорошего вкуса и высоких эстетических стандартов у советских граждан» [8, с. 109]. Считалось, что воспитание вкуса – одна из важных форм борьбы за становление советской социалистической культуры, за культурный рост всех советских людей.

Под влиянием идеологии формировался нормативный образ – эстетический идеал советского человека. Перед советским моделированием ставились грандиозные задачи, не только создавать новые модели одежды для советских людей, но и доказать превосходство советской моды над западной.

Идеологически одобренный образ и модные образцы принимались советским обществом в той части, где они были созвучны вкусам этого общества. В то же время несогласие с рекомендациями нормативного образа способствовало появлению альтернативной моды. Советские власти рассматривали подобные процессы, как влияние «тлетворного Запада». Наиболее массовой и яркой группой несогласных стали стилисты. Они «языком костюма оповещали: мы есть, мы существуем, мы разные. Эти рассуждения противоречили психологии «винтика» государства, с ними стали бороться, недаром многие статьи были озаглавлены как «Мода и политика».

Их стиль был вызовом советской серости, а вместе с тем, всей советской жизни и идеологии» [6, с. 37].

Новые женские образы принесла перестройка. Начало рыночных реформ (1991–1993 гг.) даёт старт новой гендерной мифологии, согласно которой свобода слова и рыночные реформы непременно приведут страну к процветанию. Новая мифология требовала чтобы всё что было при социализме подвергалось порицанию, а то, что было под запретом – восхвалению.

С началом перестройки гендерные стереотипы принципиальным образом изменились. Идея женской общественной активности и самостоятельности потеряла свою привлекательность, в прессе началась пропаганда «естественного предназначения женщины». На страницах российской прессы женщинам отводилось немного места. Типичные образы эпохи: прилежная домохозяйка, участница конкурса красоты, скужающая миллионерша и т.п.

Женский образ в новых исторических условиях стал товаром. В моду проникают стереотипы и ритуалы потребления, в частности демонстративность и статусность.

Современный образ российской женщины в целом позитивный, однако, «отсутствие в его структуре таких важнейших для адекватного мироконструирования элементов, как трудолюбие, патриотизм, стремление к интеллектуальному и культурному развитию, нельзя оценить оптимистично» [5, с. 57].

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что стереотипное представление о женщине в советской истории подвергалось трансформации в зависимости от требований исторической ситуации в стране.

Властные структуры стремились осуществлять полный контроль над жизнью общества, в качестве одного из идеологических аппаратов использовало моду. В область моды переносились многие постулаты коммунистической идеологии – подчеркивалась роль рабочего класса, велась борьба с буржуазной идеологией, демонстрировались преимущества социалистического образа жизни перед всеми осталь-

ными. Образ советской женщины олицетворял труженицу, скромную и послушную жену, трудолюбивую хозяйку, заботливую мать.

Статус женщины в обществе отражает особенности социально-политического устройства государства, его экономического развития, уровня культуры и общественного самосознания. Сегодня она является активным участником всех сторон жизни страны, но достигнуто ли гендерное равенство? Понятие гендерного равенства входит в список приоритетных проблем мирового сообщества. Отсюда возникает потребность в научном осмыслении феномена гендерного идеала современной женщины в России. Отказ от идеологически унифицированного образа «советской женщины» диктует необходимость изменений как в ценностно-нормативной базе, так и в культурной модели женственности, где своя роль может быть отведена и моде.

Список литературы

1. Басин Е.Я., Красин В.М. «Гордиев узел» моды // Мода: за и против / Ред. сост. В.И. Толстых. М.: Искусство, 1973. С. 66–76.
2. Буханов В. Ave, София! // Юность. 1968. № 10. С. 78–82.
3. Виниченко И.В. Советская повседневность от «оттепели» до «застоя»: гендерное прочтение советского вкуса в моде и потребительской культуре // Социально-гуманитарное знание: история и проблемы современности: монография. St. Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2015. С. 3–37.
4. Виниченко И.В., Днепровская А.А., Рыженко В.Г. Изменения в социокультурном облике и повседневной жизни советской женщины-горожанки в период «оттепели» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 7 (13). Часть 2. С. 46–50.
5. Ворошилова О.Н. Образ женщины в современном мире (по материалам современных российских женских журналов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (67). С. 54–57.

6. Гарголина Е.С., Черкасов А.А. Стиляги как феномен отечественной послевоенной моды // Былые годы. Российский исторический журнал. 2009. № 2 (12). С. 28–37.
7. Дашкова Т. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 1930-х годов // Логос. 1999. № 11/12 (21). С. 131–155.
8. Журавлёв С., Гронов Ю. Власть моды и Советская власть: история противостояния // Историк и художник. 2006. № 4 (10). С. 106–116.
9. Зборовский Е.М. По законам красоты. М.: Советская Россия, 1988. 176 с.
10. Кирсанова Р.М. Образ «красивого человека» в русской литературе 1918–1930-х годов // Знакомый незнакомец: социалистический реализм как историко-культурная проблема / Под ред. Н.М. Куренной. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 236–249.
11. Кирьянова О.И. Журнальные образы женщин и социальные ценности в СССР послевоенного десятилетия // Вестник Пермского университета. 2007. № 3 (8). С. 137–142.
12. Лебина Н.Б. Чистяков А.Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущёвского десятилетия. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 342 с.
13. Луначарский А. «Бубикопф» / Предисловие Л. Кассиль // Работница. 1966. № 10. С. 26–27.
14. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
15. Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. Т. 3. С. 51–64.
16. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
17. Шабатура (Кабакова) Е.А. Повседневность нового общества: гендерный аспект // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарёва. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 484–537.

18. Шабатура Е.А. Гендерный анализ образа «новой женщины» в советской культуре 1920-х годов // Омский научный вестник. 2006. № 8 (44). С. 18–22.
19. Якуб Э. О новом советском костюме // Работница. 1936. № 1. С. 18–19.

References

1. Basin E.Ja., Krasin V.M. «Gordiev uzal» mody» [The “Gordian knot” of the fashion], in: Tolstyh V.I. (ed), *Moda : za i protiv* [Fashion: pro et contra], Moscow: Iskusstvo. 1973, pp. 66–76.
2. Buhanov V. (1968): Ave, Sofija! [Ave, Sofia!], *Junost'* [Youth], 1968, no. 10, pp. 78–82.
3. Vinichenko I.V. Sovetskaja povsednevnost' ot «ottepli» do «zastoja»: gendernoe prochtenie sovetskogo vkusa v mode i potrebitel'skoj kul'ture [The Soviet everyday life from Thaw to Stagnation: gender interpretation of the Soviet taste in fashion and consumer culture], in: *Social'no-gumanitarnoe znanie: istorija i problemy sovremennosti: monografija* [Knowledge of social sciences and Arts: the history and the problems of the present: monograph], St. Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2015, pp. 3–37.
4. Vinichenko I.V., Dneprovskaja A.A., Ryzhenko V.G. Izmenenija v socio-kul'turnom oblike i povsednevnoj zhizni sovetskoj zhenshhiny-gorozhanki v period «ottepli» [Changes in social-cultural Image and daily of a Soviet townswoman during thaw period], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011. no. 7 (13), vol. 2, pp. 46–50.
5. Voroshilova O.N. Obraz zhenshhiny v sovremennom mire (po materialam sovremennyh rossijskih zhenskih zhurnalov) [Woman's image in the modern world (by the material of modern Russian Woman's magazines)], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2016. no. 5 (67), pp. 54–57.

6. Gargolina E.S., Cherkasov A.A. Stiljagi kak fenomen otechestvennoj poslevoennoj mody [Mods as native post-war fashion phenomenon (1945–1950)], *Bylye gody. Russian Istorichesky Journal* [Foretime. Black Sea Region Historical Magazine], 2009. no. 2 (12), pp. 28–37.
7. Dashkova T. Vizual'naja reprezentacija zhenskogo tela v sovetskoj massovoj kul'ture 1930-h godov [Visual representation of the woman's body in the Soviet mass culture of the 1930s], *Logos* [Logos], 1999. no. 11/12 (21), pp. 131–155.
8. Zhuravlev S., Gronov Ju. Vlast' mody i Sovetskaja vlast': istorija protivostojanija [The power of fashion and the Soviet authority: history of opposition], *Istoriik i hudozhnik* [Historian and artist], 2006. no. 4 (10), pp. 106–116.
9. Zborovskij E.M. (1988) *Po zakonam krasoty* [By law of the beauty], Moscow: Sovetskaja Rossija, 1988. 176 p.
10. Kirsanova R.M. (1995) Obraz «krasivogo cheloveka» v russkoj literature 1918–1930-h godov [The image of the “goodly person” in Russian literature of 1918–1930s], in: N.M. Kurennaja (ed), *Znakomyj neznanomec: socialisticheskij realizm kak istoriko-kul'turnaja problema* [Familiar stranger: Socialist realism as a historical-cultural problem], Moscow: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1995, pp. 236–249.
11. Kiryanova O.I. Zhurnal'nye obrazy zhenshhin i social'nye cennosti v SSSR poslevoennogo desjatiletija [Magazine images of Soviet women and social values in the USSR of the postwar period], *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald], 2007. no. 3 (8), pp. 137–142.
12. Leбина N.B. Chistyakov A.N. *Obyvatel' i reformy: Kartiny povse-dnevnoj zhizni gorozhan v gody NJePa i hrushh'ovskogo desjatiletija* [The average man and the reforms: pictures of the urban everyday life in the years of New Economic Policy and Khrushchev's decade], Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2003. 342 p.
13. Lunacharskij A. «Bubikopf» [The Crop], preface L. Kassil', *Rabotnica* [Working Woman], 1966. no. 10, pp. 26–27.
14. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [The diagnosis of our time], Moscow: Jurist, 1994. 700 p.
15. Pushkareva N.L. Zhenskaja i gendernaja istorija: itogi i perspektivy razvitiija v Rossii [Woman's and gender history: results and prospects of

- development in Russia], *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii* [Historical Psychology & Sociology], 2010. no. 2, vol. 3, pp. 51–64.
16. Ficpatrik Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s], Moscow : ROSSPJeN, 2008. 336 p.
17. Shabatura (Kabakova) E.A. Povsednevnost' novogo obshhestva: gendernyj aspekt [The everyday life of the new society: the gender aspect], in: Pushkareva, N.L. (ed), *Rossijskaja povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij* [Russian everyday life as a reflection of gender relations], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. pp. 484–537.
18. Shabatura E.A. Gendernyj analiz obraza «novoj zhenshhiny» v sovetskoj kul'ture 1920-h godov [The Gender analysis of an image of “The New Woman” in the Soviet Culture of 1920-s]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2006. no. 8 (44), pp. 18–22.
19. Jakub Je. O novom sovetskom kostjume [About the new Soviet costume], *Rabotnica* [Working Woman], 1936. no. 1, pp. 18–19.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Виниченко Ирина Владимировна, кандидат исторических наук,
доцент, кафедра конструирования и технологий изделий лёгкой промышленности
Омский государственный технический университет
пр. Мира, 11, г. Омск, Омская область, 644050, Российская Федерация
irvin61@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vinichenko Irina Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor,
Chair of Design and Technology of Light Industry Products
Omsk State Technical University
11, Mira Pr., Omsk, Omsk Region, 644050, Russian Federation
irvin61@mail.ru
SPIN-code: 8132-9782
ORCID: 0000-0002-9031-9458

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY, ETHNOLOGY, ETHNIC STUDIES AND HISTORICAL ANTHROPOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-178-196

УДК 394.945 : 343.71 : 397.4

КОНОКРАДСТВО КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ БАШКИРИИ: ОПЫТ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Галиева Ф.Г.

Цель статьи – изучить на примере Башкирии конокрадство как этносоциальное явление, имеющее многовековую историю, и актуальное в наши дни. В качестве источников привлечены опубликованные историко-этнографические работы, документы Национального архива Республики Башкортостан, местная пресса прошлых столетий, фольклор, интернет-сайты и полевые материалы автора.

Метод и методология проведения работы. Автор использует сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. Показано, что отношение к конокрадству отличалось в разных этнических средах и в разные времена. В большинстве российских губерний конокрады воспринимались как

страшные преступники, которые наносят непоправимый урон крестьянскому хозяйству. В Башкирии в условиях развитого скотоводства конокрады-одиночки вызвали восхищение вследствие наличия таланта воздействовать на животное, умения бесшумно его увести (утрата одного коня не приводила к разорению хозяйства). Конокрадство развивалось также в связи с обычаем кочевников барымта (захват скота как способ мести за обиду или компенсации за причиненный ущерб). После изъятия башкирских земель под заводы, селения и хозяйства переселенцев, проведения политики перевода башкир к оседлости и земледелию, резкого уменьшения пастбищ и как следствие сокращения поголовья скота, скотокрады у башкир также сурово наказывались, как и у русских, и других народов. Об этом свидетельствуют материалы многочисленных судебных дел и публикации в прессе. Доходило до того, что башкирские священнослужители воровали лошадей друг у друга. Со временем конокрадство стало лишь способом наживы.

Главным мотивом современных преступников является кража лошадей (включая чистопородных) с дальнейшей реализацией конского мяса, реже – для получения выкупа (через размещение на интернет-сайтах). В последние годы в Башкирии и некоторых других регионах наблюдается «эпидемия» конокрадства, что объясняется наличием для этого природно-ландшафтных (лесостепь) и социально-экономических условий (стихийные рынки, полуподпольные кафе, высокие цены на мясо, развитие фермерских хозяйств, популяризация конского «халяльного» продукта), а также безработицей и падением морали. Конокрады представляют собой организованные группировки с четким распределением обязанностей, широкими отлаженными межрегиональными и межгосударственными связями, использованием современных технологий.

Область применения результатов – в образовательном процессе и научно-исследовательской работе.

Ключевые слова: конокрадство; Башкирия; Уфимская губерния; башкиры; русские; цыгане; судебные дела.

THE HORSE-STEALING AS A SOCIAL PHENOMENON BY THE EXAMPLE OF BASHKIRIA: EXPERIENCE OF HISTORY IN THE CONTEXT OF MODERNITY

Galieva F.G.

The purpose of the article is studying, by the example of Bashkiria, horse-stealing as social phenomenon that has a centuries-old history and is relevant in our days. The work has been prepared on the published historical and ethnographic works, documents of the National Archives of the Republic Bashkortostan, local press of past centuries, folklore, Internet sites and field materials of the author.

Methodology. *The basic of research is the comparative historical and problem-chronological methods.*

Results. *It is shown that the thieves predecessors studies are characterized as criminals who cause irreparable damage to farms. Speaks thesis that in Bashkortostan related to horse thieves in different periods differed. In a developed cattle breeding horse thieves single admired due to the presence of talent to work on the animal, its ability to silently take away (the loss of a horse does not lead to the ruin of the economy). Horse stealing was developed in connection with the custom of nomadic barymta (seizure of cattle as a way to avenge the insult, or compensation for damages). After removal of the Bashkir land for factories, villages and farming settlers, the translation of the policy of settlement and Bashkirs to agriculture, pasture and a sharp decrease as a result of reducing the number of livestock, cattle-lifter Bashkirs also severely punished, as in the Russian and other peoples.*

This is evidenced by numerous court cases materials. Over time, horse stealing was just a way of gain. The main motive of modern criminals is to steal horses (including pure-bred) with the further implementation of horse meat, sometimes for ransom (through placement on websites). "Epidemic" horse stealing in recent years in Bashkiria and other regions due to the presence of this natural landscape (forest steppe) and socio-economic conditions (natural market, semi-underground cafes, high

meat prices, the development of farms, promotion of the horse “halal” products), as well as unemployment and falling morale. Horse-thieves are organized groups with a clear division of responsibilities, wider debugged interregional relations, use modern technologies.

Practical implications – *in the educational process and in research work.*

Keywords: *horse stealing; Bashkiria; Ufa Province; Bashkir; Russian; Roma; lawsuits.*

В последнее время СМИ все чаще сообщает об «эпидемии» и «лихорадке» конокрадства в регионах России, в том числе Башкирии [3; 7; 8; 15]. Информаторы подтверждают, что лошадей нередко воруют, иногда целыми косяками, для этого создавая преступные группы, используя современную технику и технологии. Речь идет не о цыганах (исходя из стереотипа, ставшего хрестоматийным, конокрада-цыгана), а о башкирах, русских, украинцах, казахах и других народах. Очевидно, что возродилось явление, имевшее место столетия назад в культурах разных этносов и до недавнего времени считавшееся утраченным. Из-за чего это происходит? Почему с конокрадством не могут справиться правоохранительные органы? Для того, чтобы разобраться в этих и другими вопросами, подготовлена настоящая статья. Источниками для ее написания послужили историко-этнографические работы предшественников, документы Национального архива Республики Башкортостан, местная пресса конца XIX и начала XX в., фольклор, интернет-сайты и полевые материалы автора.

Согласно опубликованным работам, в обычном праве многих народов России и мира конокрадство считалось одним из самых страшных преступлений, потому что лишает земледельца рабочего скота и обрекает крестьянина и его семью на голодное существование [2, с. 153]. Российское государство пыталось искоренить это явление. Начиная со времен Московии до конца XIX в. при продаже лошадей следовало делать записи с указанием примет животного, чтобы выявить краденое, но это слабо сдерживало преступность [27]. По закону 1848 г. борьбу с конокрадами вели не только город-

ские и земские полиции, но и специально учреждаемые комиссары. Предписывалось вести расследования, связанные с конокрадством, по горячим следам; дела в суде рассматривать вне очереди; в случае бездействия или медлительности следователи сами предавались суду. За поимку и представление властям конокрада устанавливалось вознаграждение; за выдачу сообщников смягчалось наказание [19]. Однако на деле проблему решить не удавалось, конокрадство было развито во многих губерниях России. Крестьяне, не веря в скоротечность и справедливость действий официальной власти (волостной суд для конокрадов предусматривал максимальное наказание – 20 ударов розгами), устраивали сельские сходы и самосуды. Публичность и жестокость общественного наказания были впечатляющими и назидательными. В Центральной России (Курской, Саратовской, Вятской, Казанской и других губерниях) преступников наказывали вбитием гвоздей в голову и деревянных шпилек за ногти либо приговаривали к смерти – вешали, сажали на кол, привязывали в лесу на съедение комарам, разрывали на части с помощью лошадей и пр. Суровая смерть преступников ожидала в Сибири, где конокрадство получило большое распространение в силу заселения ссыльными и беглыми, а также слабости действия там центральной власти [27, с. 197–199].

Иным было мировоззрение и миропорядок среди скотоводческих народов, уровень их достатка и богатства определялся количеством табунов. У башкир, по данным академика И.Г. Георги, в 70-х гг. XVIII в. рядовой общинник имел 30–50 лошадей, зажиточный – до 500; богатый – до 2 тыс. лошадей и свыше [6]. П.С. Паллас писал: «многие башкиры имеют здесь косяки по несколько сот лошадей. Есть и очень богатые семьи, во владении которых от двух до четырех тысяч» [18, с. 95]. П.И. Рычков называет среднюю цифру 300–400 кобыл, с учетом молодняка – 600–800 голов [20, с. 148]. В таких условиях потерять лошадь означало получить не столько экономический (хотя и это тоже), сколько моральный ущерб, учитывая трепетное отношение к лошади как к другу и объекту гордости, а не только средству передвижения, источнику пищи, кобыльего моло-

ка, кожи, конского волоса и пр. Из устного сообщения исследователя башкирского культуры М.Г. Муллагулова и ряда информаторов, обычай красть лошадь связан с демонстрацией способностей того или иного человека (башкира, русского и т.д., конечно цыгана) понимать язык животных, чувствовать характер и гипнотически воздействовать на них. Ведь на природе табун лошадей строго охраняет вожак, часто пастух, в усадьбе – сторожевая собака. Умение бесшумно увести это очень умное и своенравное животное (оно не пойдет за первым встречным) не только с пастбища, но и «под носом» у хозяина могло рассматриваться как забава, своего рода состязание.

О том, что в башкирской семье отец гордится искусством сына в деле конокрадства, пишет французский путешественник, лингвист, антрополог, этнограф, член Французского географического общества Поль Лаббе (1867–1943), посетивший башкир в 1898 году. П. Лаббе отмечает, что от башкир русские переняли страсть к конокрадству, и теперь они тоже не испытывают угрызений совести, воруя у башкир лошадей. Нередко одна и та же лошадь в течение года попеременно оказывается то в башкирском, то в русском табуне [30, р. 104]. Вероятно, так оно и было, хотя конокрадство среди русских развивалось и без влияния башкир, в таких губерниях, как Владимирская, Костромская, Пензенская, Тамбовская, Тульская, Ставропольская и иные, в Закавказье [27]. В конце XIX – начале XX в. в Уфимской губернии конокрадство имело место у православных русских крестьян [5, с. 50–51] и староверов-кержаков, имевших большое количество скота [12, с. 154], а также у казаков [23, с. 154].

По историческим источникам, башкиры, казахи, киргизы и другие кочевые народы имели обычай *баранта* / *барымта*, под которым понимался захват скота как способ мести за обиду или компенсации за причиненный ущерб [1, с. 85–89]. Воинам, возвращавшимся домой с чужим скотом, воздавались почести, восхвалялись мужество и ловкость, отмечалась их социальная зрелость. Здесь нельзя не вспомнить и цыган, для которых увести коня – значит доказать, что дорос, чтобы умыкнуть невесту и жениться. У них до сих пор бытует старинное поверье: Бог разрешил им воровать, потому что при распя-

тии Христа цыган украл один гвоздь, а украсть лошадь – святое дело. Цыгане – закрытое от посторонних общество, они не раскрывают секреты, как прокрасться в стойло, не взламывая замка и бесшумно увести лошадь даже при наличии во дворе овчарки, однако с их гипнотическими способностями многие информаторы сталкивались. Таким образом, можно сказать, что конокрадство – вид преступности, развивающийся с давних пор, без конкретной этнической привязки, имеющий разное толкование и социальную оценку.

Социально-экономическая ситуация в Башкирии коренным образом изменилась в конце XVIII – начале XIX в. после изъятия башкирских земель под горные заводы, селения и хозяйства переселенцев, увеличения плотности населения и связанной с этими явлениями политики перевода кочевого народа к оседлости и земледелию. Башкиры утратили многие пастбищные и сенокосные угодья, традиционные маршруты кочевков. Недостаток корма и изменение условий содержания скота привел к их массовым болезням и падежу [28, с. 142]. «Конная перепись», прошедшая в 1882 году в Уфимской губернии, зафиксировала 748640 лошадей. Исходя из общей численности населения 1771988 чел., на 1 человека приходилось 2,4 лошади [22, с. 400, 407]. Н.А. Гурвич пишет: «В Уфимской губернии скотоводство и коневодство вследствие ежегодных падежей находится далеко не в цветущем состоянии» [22, с. 875]. Конокрадство у башкир в таких условиях становилось таким же злом, как и у русских, и иных крестьян-земледельцев.

Кантонная система управления в Башкирии (1798–1865), превратившая местное население в военное сословие, сдерживало правонарушения, хотя и не исключала их. Дела о краже скота рассматривали земские суды и Оренбургское (позднее Уфимское) духовное магOMETанское закона собрание. Так, в 1853 г. было заведено «Дело по рапорту командующего башкиро-мещерякским войском Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии о краже лошадей имамом Кутлумухаметом Сыртлановым и башкиром Ибрагимом Тавлыкаевым у крестьян Самсонова и Сусялева» [25, оп. 3, д. 3726]. Нарушителей – а среди них был священнослужитель – поймали в г. Стерли-

тамаке. Имам лишился духовного звания и права быть учителем, а И. Тавлыкаев наказан 200 ударами розгами. Потом обоих посадили под надзор, где они находились до тех пор, пока не поступило прошение об освобождении.

Нередко конокрады из башкир погибали, о чем повествует «Дело о нанесении побоев со смертельным исходом крестьянину Файзуллину из д. Чукадыбашевой Белебеевского уезда Оренбургской губернии, совершившего кражу коня» [25, д. 7490]. Бывало, что мулла крал лошадь у другого муллы, было заведено «Дело о хищении у муллы Г. Султанбекова муллой Х. Ильясовым лошади в д. Тайкашевой Бирского уезда Уфимской губернии» [25, д. 499]. Случаи конокрадства были многочисленны [25, д. 7521, 7588, 7834, 7853]. Описаны примеры того, как башкиры Белебеевского уезда украли лошадь у татар Челябинского уезда [25, д. 4710].

Отмена кантонной системы обусловила еще большее распространение скотокрадства. О конокрадстве «Оренбургские губернские ведомости» и «Уфимские губернские ведомости» писали из номера в номер. Газеты констатировали случаи кражи лошадей и коров, называя их приметы, призывали хозяев быть бдительными. Указывали, что это «бич, особенно для пришлого населения», ибо коренное население «знает проделки скотокрадов и в состоянии оказать какое-то сопротивление» [11, 26 июля].

По исследованиям руководителя статистического отдела губернской земской управы, исследователя, экономиста М.П. Красильникова, в Башкирии для определенной группы людей скотокрадство – форма промысла, имеющего традиции в Древней Руси, очень выгодного в виду наличия «материала» всегда «под рукой», большого спроса на него и малых затрат [11]. Схожая ситуация была в других губерниях России: конокрады объединялись в устойчивые криминальные группировки со строгим распределением ролей, преступными связями, хорошо отработанными приемами конспирации, своими притонами, разменными пунктами, пристанями, перевозами и трактами [11].

География распространения конокрадства охватывала всю Уфимскую губернию, однако выделялись степные и лесные районы с ма-

лой плотностью населения, где имелась возможность на время спрятать украденное, а затем быстро сбыть товар. По статистике 1904 г., из 4107 селений губернии имели дело с конокрадством 1145, или 28% крестьянских дворов, больше всего в Стерлитамакском уезде (четвертая часть добычи). Меньше случаев зарегистрировано в Златоустовском и особенно в Мензелинском уездах (не более 1/10 части). Активизировалось скотокрадство в летний и осенний «пастбищенский» период, в ночное время, когда скот оставался без присмотра. Сложнее было украсть скот из охраняемого пастухом стада (в Мензелинском уезде), хотя некоторые пастухи с конокрадами вступали в союзы [11].

По судебным материалам, кража крупного рогатого скота чаще осуществлялась одиночками. Однако со всей достоверностью об этом утверждать нельзя. Как случается и в наши дни, «за руку ловили» и наказывали рядовых преступников, а «воровским маткам» удавалось избежать наказания, в результате чего их промысел продолжал развиваться. Украденное на время отвозилось в укромное место либо сразу закалывалось и продавалось знакомому перекупщику или мяснику. Бывало, что конокрад разыгрывал роль благодетеля, который якобы пытался найти украденный скот и затем случайно его находил [11].

В советской Башкирии конокрадство пытались искоренить партийные организации, например, Бирского кантона, в 1924 году: «В Бураевской, Кизганбашевской, Чураевской и Калмыковской волости сильно распространено конокрадство <...> Конокрадство – это та же контрреволюция, с ним необходимо повести серьезную работу» [16, л. 44, 81 об.]. В конокрадстве уличались даже члены партии, за что исключались из рядов РКП(б) [21]. Газета «Власть труда» сообщала о большом размахе конокрадства в Башкирии и предпринимаемых мерах властями в начале и середине 1920-х годов [9; 10]. Пресса указывала на сохранение преступных групп конокрадов и суровые наказания, применяемые к конокрадам, вплоть до расстрела главаря и разным срокам заключения участников шаяк. Приведем фрагмент такой заметки: «Конокрадство – бич деревни, бич деревенского хо-

зьяства, вконец разрушающее его. Нашими судебными и розыскными органами ведется упорная борьба с разрушителями деревенского хозяйства конокрадами. Недавно одна из этих шаек конокрадов была изловлена и предстала перед Главсудом. Организатор и главарь шайки Белов неоднократно судился и был приговорен к 10 годам заключения в Исправдоме, откуда бежал. После бегства Белов организует шайку конокрадов, желающих и жаждущих легкой наживы, набралось 26 человек. С первых же дней «организации» конокрады отметили дерзкими кражами лошадей у крестьян на базарах, постоянных дворах и т.п. Для более успешного промысла у некоторых членов шайки было и оружие, при аресте отобранное. За короткое время конокрадская шайка приобрела громкую известность. В городе конокрадов укрывало логовище, устроенное городскими «приятелями». Жизнь конокрадов, полная опасностей, сопровождалась после «дел» угарными попойками» [13]. Та же газета сообщила о самосуде, совершенном в Мерхитлинской волости Стерлитамакского кантона. Мулла Усманов трех башкир, подозреваемых в краже лошадей, «предварительно подверг мучительной пытке, а потом, угрожая винтовкой, заставил зарыть живыми. Свидетелями этого зверства и самосуда была масса жителей деревень Борисовки, ст. Ибраева и Ново-Федоровки, согнанных Усмановым для совершения казни» [26]. К концу 1920-х годов материалы по конокрадству в газетах Башкирии не публикуются. С созданием колхозов и раскулачиванием у населения личного скота, особенно лошадей, осталось мало.

В постсоветское время конокрадство активизировалось ввиду развития скотоводческих фермерских хозяйств, которые, в свою очередь стали популярными из-за изменения законодательной базы и вследствие того, что для выпаса скота появились свободные земли, ранее используемые колхозами и совхозами (особенно в зауральских районах). В наши дни башкирское радио, телевидение, газеты регулярно рассказывают о конокрадстве. Зимой 2016 г. в д. Абдулнасырово Хайбуллинского района украли 60, в Абзелиловском районе – 40, в Баймакском – 20, Кугарчинском и Зианчуринском по 15 голов лошадей. Стоимость каждой – 60–90 тыс. руб. Поиски украденного скота

привели в Оренбургскую область; в районе Новый Орск удалось найти только 20 краденых коней, остальных, вероятно, сдали на мясо [3]. Информаторы говорят и о том, что часто скот перегоняют на территорию Казахстана, там распределяют по домам, в результате поиски пропавшего косяка оказываются безуспешными. От погони укрываются, используя особенности ландшафта (овраги, леса) Несколько лет назад в Давлекановском районе, также по рассказам информаторов, увели десяток лошадей, находящихся на свободном выпасе. После этого случая население стало заводить скот на ночь в сарай и привязывать, однако случалось, что на утро вместо лошади оставались лишь перерезанные веревки. Поиски оказались безрезультатными; подозревается сговор воров с представителями правоохранительных органов. В некоторых районах, например, Куюргазинском, фермеры своих лошадей стали оснащать GPS – под их кожу вводят чипы, чтобы в случае необходимости найти похитителя. Чипы отличаются ценой, соответственно, дальностью отслеживания перемещения скота.

«Конокрадческими» районами России ныне считаются Башкирия, Тува, Челябинская, Оренбургская и Иркутская области, хотя случаи фиксируются и в других регионах [29]. Согласно различным интернет-сайтам, в Тверской области близ Углича у хозяйки музея мифов и суеверий русского народа с пастбища увели 5 лошадей на расстояние более 200 км; после погони вернули лишь четыре сильно израненные лошади. В Самаре за двойное убийство осудили цыган, зарубивших скупщика лошадей и его жену. В Чувашии коней увели прямо из конюшен, да еще запряженными в сани; их задержали в райцентре Спасск Нижегородской области. Умельцы умудряются красть лошадей даже у монгольских пограничников. Промысел широко развивается в Крыму, Казахстане и на Украине. Зафиксированы случаи семейного «бизнеса» [7; 15; 17].

Объявления о краже лошадей нередко встречаются на конных форумах России [29]. Крадут даже из знаменитых конюшен Санкт-Петербурга, Подмосковья, Нижнего Новгорода, Тамбовской области (с. Новотомниково) и пр., несмотря на наличие современных систем безопасности. Краденых коней иногда находят в цыганских

таборах, но чаще всего даже чистокровных лошадей отправляют на мясо. (Новый хозяин не может представлять такого коня на соревнованиях из-за отсутствия паспорта, подтверждающего родословную; документ выдается в Институте коневодства при предоставлении пробирки с кровью животного.)

При краже лошадей воры используют хитрости. Чтобы избежать шума, на копыта жертвы надевают «мягкие ботинки» [29]. Из рассказов информаторов, в 1920-е гг. некоторые башкиры-конокрады для этого использовали специальные «лапти для лошади», плетеные из бересты, начальное назначение которых – облегчить работу в условиях жесткого снега, который ранней весной бывает как стекло и ранит ноги. Используют и варварские методы: плоскогубцами зажимают язык животного и так затаскивают в машину, в том числе умудряются затолкать на заднее сиденье легкового автомобиля [14]. Журнал «Конный мир» составил портрет среднестатистического современного конокрада: это бывшие подростки, крутившиеся на конюшнях, набравшиеся опыта, изучившие законы, умеющие быстро избавляться от лошадей благодаря знакомствам и отработанным схемам, ставшие настоящими профессионалами [14].

Для борьбы с конокрадами во многих российских регионах при УВД созданы специальные отделы. Обращаясь в суд по случаю кражи лошади, граждане нередко разочаровываются: полиция обременена многими другими более важными делами. Вероятно поэтому в ряде отдаленных от центра регионов местные жители, как и раньше, устраивают самосуд. Вблизи поселка Алыгджер Иркутской области в горах местные жители застрелили пять конокрадов в возрасте от 17 до 25 лет. На горном пастбище у д. Арбаты в Хакасии мстители убили угонщика из Тувы [24]. Однако немало дел, доведенных до конца правоохранительными органами. Так, суд г. Орска Оренбургской области приговорил к лишению свободы восемь конокрадов к 6 или 7 годам колонии за кражу 82 лошадей и 14 жеребят (на сумму около 2,5 млн. руб.) [4].

Итак, в исторической перспективе очевидны существенные изменения. Раньше конокрадство развивалось с целью компенсации ранее захваченного скота, как месть врагу, способ наживы и даже

возможность показать удаль, физическую и социальную зрелось (обряд инициации). Главным мотивом современных преступников является кража с дальнейшей реализацией конского мяса («конокрады-мясники»), реже – для получения выкупа (через размещение на интернет-сайтах). «Эпидемия» конокрадства в последние годы в Башкирии и некоторых других регионах объясняется наличием для этого природно-ландшафтных (лесостепь) и социально-экономических условий (частные боины, стихийные рынки, полуподпольные кафе, высокие цены на мясо, развитие фермерских хозяйств, популяризация конского «халяльного» продукта), а также безработицей и падением морали. Конокрады представляют собой организованные группировки с четким распределением обязанностей, широкими отлаженными межрегиональными и межгосударственными связями, использованием современных технологий (включая беспилотные самолеты). Преступники научились «не оставлять следы»: утилизировать шкуру, ноги и голову, разделывать тушу вдали от посторонних глаз, в промышленных районах или за городом. В ряде регионов России сохраняется самосуд. Если раньше кража осуществлялась преимущественно в летне-осенний период, то сейчас и зимой, когда лошади находятся на тебеневке.

Список литературы

1. Башкирские предания и легенды / Сост. вступ. ст., коммент. Фанузы Надршиной. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. С. 85–89.
2. Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (насилие в жизни русской деревни конца XIX – начала XX в.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152-157.
3. В районах Башкирии массово похищают лошадей. URL: http://proufu.ru/news/society/v_rayonakh_bashkirii_massovo_pokhishchayut_loshadey/ (дата обращения: 12.12.2016).
4. Восемь конокрадов отправились за решетку в Оренбургской области. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2670770> (дата обращения: 09.09.2016).
5. Галиева Ф.Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана. Уфа: Гилем, 2012. 168 с.

6. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. 2-е изд. СПб.: Императорская Академия наук, 1779. 178 с.
7. Конокрадство. Чудеса нашей планеты. URL: <http://mirchudes.net/facts/935-konokradstvo.html> (дата обращения: 11.12.2016).
8. Конокрадство в России принимает масштабы эпидемии. Обзор американских газет от 8 сентября. URL: <http://www.livejournal.com/media/712050.html>. (дата обращения: 09.08.2016).
9. Конокрадство // Власть труда. 1922. 14 июля.
10. Конокрады обнаглели (С. Кальтовка, Иглинская в., Уфимский к.) // Власть труда. 1924. 26 сент.
11. Красильников М. Скотокрадство в Уфимской губернии // Уфимские губернские ведомости. 1905. 26 июля; 28 июля; 29 июля; 30 июля; 2 авг., 3 авг.; 5 авг.; 13 авг.; 18 авг.; 19 авг.; 20 авг.; 23 авг.
12. Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки (с 140 фотографиями автора). М.: Изд. К.И. Тихомирова, 1909. 318 с.
13. Певень Л. Пролетарский суд. За конокрадство к расстрелу // Власть труда. 1924. 29 дек.
14. Певень Л. Осторожно: конокрадство! // Конный мир. URL: <http://horseworld.ru/modules/AMS/article.php?storyid=178> (дата обращения: 09.09.2016).
15. Анашина М. Конокрады в XXI веке. Блог «Дорогами Срединного Пути». URL: <http://anashina.com/konokrady-v-xxi-veke> (дата обращения: 12.12.2016).
16. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 3. Д. 27.
17. Новости Украины. URL: <http://news.meta.ua/метка> (дата обращения: 01.12.2016).
18. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. II. Кн. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1786. 476 с.
19. Полное собрание законов Российской империи Том 23 (1848): Часть 1: Законы (21844-22685). № 21905. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 12.12.2016).

20. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч. 1 и 2. СПб.: Императорская академия наук, 1762. 595 с.
21. Список исключенных из партии областной контрольной комиссией. По Аргаяшскому и Зилаирскому кантонам // Власть труда. 1924. 13 дек.
22. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–1883 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Составил по поручению Уфимского Губернского Статистического комитета Н.А. Гурвич, Член-Секретарь Уфимского и Действительный Член других Статистических Комитетов, Член Императорского Русского Географического и других ученых обществ. Уфа: печатня Н.К. Блохина, 1852. 875 с.
23. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Составил Войсковой Старшина Ф. Стариков. Оренбург: Типо-литография Б. Брекслина, 1891. 352 с.
24. Григорьянц Т. Конокрадство набирает обороты: кто и зачем ворует лошадей. URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/176252 (дата обращения: 09.09.2016).
25. Уфимское духовное магометанское закона собрание и Оренбургское духовное магометанское закона собрание. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 3726.
26. Ухливан. Вниманию прокурора // Власть труда. 1924. 19 авг.
27. Федоров С.Г. Конокрадство и самосуд в системе обычного права провинциальной России во второй половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 197–199.
28. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом им промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. губернского правления, 1859. 472 с.
29. HORSE.RU. URL: <http://horse.ru/oloshadi/structure.php?cur=635526> (дата обращения: 12.12.2016).

30. Labbé P. Sur les grandes routes de Russie, entre l'Oural et la Volga. Paris: Octave Doin, 1905. 275 p.

References

1. *Bashkirskie predaniia i legendy* [Bashkir tradition and legends]. Drafting, introduction, comments Fanuza Nadrshina. Ufa, 1985, pp. 85–89.
2. Bezgin V.B. Krest'ianskii samosud i semeinaia rasprava (nasilie v zhizni russkoi derevni kontsa XIX – nachala XX v.) [Peasant lynching and family violence (violence in the life of Russian village of the late XIX – early XX century)]. *Voprosy istorii*, 2005, no. 3, pp. 152–157.
3. *V raionakh Bashkirii massovo pokhishchaliut loshadei* [In areas of Bashkiria mass kidnap horses]. http://proufu.ru/news/society/v_rayonakh_bashkirii_massovo_pokhishchayut_loshadei/ (accessed December 12, 2016).
4. *Vosem' konokradov otpravilis' za reshetku v Orenburgskoi oblasti* [Eight horse thieves went to prison in the Orenburg region]. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2670770> (accessed December 9, 2016).
5. Galieva F.G. *Etnograficheskie issledovaniia russkogo naseleniia Bashkortostana* [Ethnographic studies of the Russian population of Bashkortostan]. Ufa: Gilem, 2012. 168 p.
6. Georgi I.G. *Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov, takzhe ikh zhiteiskikh obriadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamiatnostei* [Description of the Russian state in living people, their everyday rituals, beliefs, usages, shelter, clothing and other memorability]. Part 2: *O narodakh tatarskogo plemeni i drugikh nereshennogo eshche proiskhozhdeniia severnykh sibirskikh* [All about the nations of the Tatar nation, and others still unresolved origin of northern Siberia]. St. Petersburg, 1779. 246 p.
7. *Konokradstvo. Chudesa nashei planet* [Horse stealing. Wonders of the world]. <http://mirchudes.net/facts/935-konokradstvo.html> (accessed December 12, 2016).
8. *Konokradstvo v Rossii prinimaet masshtaby epidemii. Obzor amerikanskikh gazet ot 8 sentiabria* [Horse stealing in Russia takes epidemic proportions. Review of American newspapers on September 8]. <http://www.livejournal.com/media/712050.html> (accessed September 9, 2016).

9. *Konokradstvo* [Horse stealing]. The Power of labor, 1922, July 14.
10. *Konokradyi obnagleli. (S. Kaltovka, Iglinskaya v., Ufimskiy k.)* [The thieves were brazen. (Saltovka Village, Saltovka rural municipality, Ufa canton)]. The Power of labor, 1924, September 26.
11. Krasil'nikov M. *Skotokradstvo v Ufimskoi gubernii* [Cattle rustling in Ufa Province]. *Ufimskie gubernskie vedomost.* Ufa Provincial Gazette. 1905, July 26; July 28; July 29; July 30; August 2, August 3; August 5; August 13; August 18; August 19; August 20; August 23.
12. Krukovskii M.A. *Iuzhnyi Ural. Putevye ocherki (s 140 fotografiami avtora)* [Southern Urals. Travel Essays (with 140 photos of the author)]. Moscow, 1909. 317 p.
13. Peven L. *Proletarskiy sud. Za konokradstvo k rasstrelu* [Proletarian court. For the horse to death]. The Power of labor. 1924. December 29.
14. Peven L. *Ostorozhno: konokradstvo!* [Caution: horse stealing!]. *Konnyi mir* [Equestrian World]. <http://horseworld.ru/modules/AMS/article.php?storyid=178> (accessed September 9, 2016).
15. Anashina M. *Konokradyy v XXI veke.* Blog "Dorogami Sredinnogo Puti" [Horse thief in the XXI century. "Ways of the Middle Way 'Blog]. <http://anashina.com/konokradyy-v-xxi-veke> (accessed December 12, 2016).
16. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fund 122, Inventory 3, Case 27.
17. *Novosti Ukrain* [Ukraine News]. <http://news.meta.ua/metka> (accessed December 1, 2016).
18. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii* [Journey in various provinces of the Russian Empire]. Part. II, Book 1. St. Petersburg, 1786. 476 p.
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 23 (1848), Part 1: Laws (21844-22685). http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed December 12, 2016).
20. Rychkov P.I. *Topografiia Orenburgskaia, to est' obstoiatel'noe opisaniie Orenburgskoi gubernii, sochinennoe kollezhskim sovetnikom i imperatorskoi Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [Topography of Orenburg, ie detailed description of the Orenburg province, composed

- by a collegiate adviser and the Imperial Academy of Sciences correspondent Peter Rychkov]. Part. 1, 2. St. Petersburg, 1762. 595 p.
21. *Spisok isklyuchennyih iz partii oblastnoy kontrolnoy komissiy. Po Argayashskomu i Zilairskomu kantonam* [The list of excluded from the party of the regional control Commission. In Argayashskaya and Zilair Canton]. The Power of labor, 1924, December 13.
  22. *Spravochnaia knizhka Ufimskoi gubernii. Svedeniia chislovyie i opisatel'nye otnosiatsia k 1882 1883 gg. i tol'ko ves'ma nemnogie – k prezhnim godam. Sostavil po porucheniiu Ufimskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta N. A. Gurvich, Chlen-Sekretar' Ufimskogo i Deistvitel'nyi Chlen drugikh Statisticheskikh Komitetov, Chlen Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo i drugikh uchenykh obshchestv* [Reference book Ufa province. Numerical and descriptive information related to the 1882-1883's. and only a very few – to the previous year. Compiled on behalf of Ufa Provincial Statistical Committee N.A. Gurvich, Member Secretary, Ufa and other Full member Statistics Committee, member of the Imperial Russian Geographical and other learned societies]. Ufa, 1852. 875 p.
  23. Starikov F. *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamen i karty. Sostavil Voiskovoi Starshina F. Starikov* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack troops with the application of article about home life of the Orenburg Cossack banners with pictures and maps. Compiled Troop Sergeant FA Starikov]. Orenburg, 1891. 257 p.
  24. Grigoriants T. *Konokradstvo nabiraet oboroty: kto i zachem voruet loshadei* [Horse stealing gaining momentum: who and what is stealing horses]. http://radiovesti.ru/article/show/article_id/176252 (accessed September 9, 2016).
  25. *Ufimskoe dukhovnoe magometanskoe zakona sobranie i Orenburgskoe dukhovnoe magometanskoe zakona sobranie* [Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan Ufa spiritual Mohammedan law collection and the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly of the law. National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fund И-295, Inventory 3, 4. 1788–1909.

26. Uhlivan. *Vnimaniiyu prokurora* [The attention of the Prosecutor]. The Power of labor, 1924, August 19.
27. Fedorov S.G. Konokradstvo i samosud v sisteme obychnogo prava provintsial'noi Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Horse stealing and lynching in the common law system of provincial Russia in the second half of XIX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014, no. 3 (41), vol. 2, pp. 197–199.
28. Cheremshanskii V.M. *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskom, etnograficheskom im promyshlennom otnosheniakh* [Description of the Orenburg province in economic-statistical, ethnographic their industrial relations]. Ufa, 1859. 472 p.
29. HORSE.RU. <http://horse.ru/oloshadi/structure.php?cur=635526> (accessed Desember 12, 2016).
30. Labbé P. Sur les grandes routes de Russie, entre l'Oural et la Volga. Paris: Octave Doin, 1905. 275 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Галиева Фарида Габдулхаевна, заведующая отделом этнографии, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук*, ул. К. Маркса, 6, Уфа, Республика Башкортостан, 450077, Российская Федерация
afg18@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galieva Farida Gabdulchaevna, Head of the Department of Ethnography, Ph.D. in Historical Sciences, D. in Philology Sciences *Institute of ethnological researches, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences*
6, K. Marks Str., Ufa, 450077, Bashkortostan, Russian Federation
afg18@mail.ru
SPIN-code: 1912-4605

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

HISTORIOGRAPHY. HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY. SOURCE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-197-211

УДК 327.323.1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ НАКАНУНЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 г.

Емельянова Е.Н.

***Цель.** Рассматривается внешнеполитическая деятельность большевистского руководства накануне открытия Парижской мирной конференции. Анализируются стратегия и тактика РКП(б) осенью – зимой 1918–1919 гг., попытка наладить отношения с враждебно настроенными к РСФСР великими державами, стремление Советской России занять свое место в создающейся новой Версальской системе. Разбираются способы достижения этой цели.*

***Методологической основой** работы являются принципы объективности, историзма, критического подхода к использованным источникам и всестороннего анализа поставленной проблемы.*

***Результаты.** Доказывается, что международная обстановка, рост революционного движения в Европе в 1918–1919 гг., объединение всех левых сил вокруг советского государства заставили лидеров Англии и США послать своего представителя для переговоров*

с большевиками. С другой стороны, большевистское руководство стремилось договориться с мировыми державами о признании советского правительства даже путем временного отказа от интернациональных задач, осуществление которых было передано созданному в марте 1919 г. Коммунистическому Интернационалу. Сохранение Советского государства большевики ставили выше идеи «мировой революции».

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы для дальнейших исследований в области истории и политологии, а также в ходе преподавания этих дисциплин в вузе.

Ключевые слова: история; внешняя политика; Россия; Европа; большевики; социал-демократические партии; Коминтерн; революция.

THE FOREIGN POLICY OF THE BOLSHEVIKS ON THE EVE OF THE PARIS PEACE CONFERENCE OF 1919

Emelyanova E.N.

Purpose. *The article examines the foreign policy activities of the Bolshevik leadership on the eve of the opening of the Paris Peace Conference. The strategy and tactics of the RCP (B) in the autumn-winter of 1918–1919 are analyzed, as well as the attempt to establish relations with the great powers hostile to the RSFSR, the striving of Soviet Russia to take its place in the new Versailles system. The ways to achieve this goal are exploring.*

The methodological basis *of the article are the principles of objectivity, historicism, a critical approach to the sources used and a comprehensive analysis of the problem posed.*

Results: *it is argued that the international situation, the growth of the revolutionary movement in Europe in 1918–1919, the unification of all left-wing forces around the Soviet state forced the leaders of Britain*

and the US to send their representative for talks with the Bolsheviks. On the other hand, the Bolshevik leadership sought to reach agreement with the world powers on recognizing the Soviet government, even by temporarily abandoning international goals, the implementation of these tasks was delegated to the Communist International created in March 1919. The preservation of the Soviet state was put by the Bolsheviks above the idea of a “world revolution”.

Scope of application of the results. *The results of the work can be used for further research in the field of history and political science, as well as in the teaching of these disciplines in the university.*

Keywords: *history; foreign policy; Russia; Europe; Bolsheviks; Social Democratic parties; Comintern; revolution.*

Сегодня в условиях осложнившейся внешнеполитической обстановки особенно важно изучение переломных моментов истории, когда России после бурных потрясений вновь приходилось отстаивать свои национальные интересы на международной арене. К таким периодам относится время работы Парижской мирной конференции 1919 г., призванной установить новый международный порядок после Первой мировой войны. Тема поиска большевиками союзников и факторов «мягкой силы», которые могли бы оказать давление на правительства враждебных государств, роль в этом Коминтерна пока только начинает изучаться в современной российской историографии [2; 5, с. 3170–3190; 7, с. 15–38]. Работы советского периода носят идеологический характер и не отражают исторической реальности в полном объеме [15]. Поэтому тема данного исследования является актуальной с практической и научной точек зрения.

Международная обстановка в 1918–1919 годах была очень сложной. Война ухудшила экономическое положение во многих странах Европы и обострила внутривнутриполитическую ситуацию в них. У власти в Англии в результате декабрьских выборов 1918 г. оказалось коалиционное правительство, в котором ключевые посты занимали консерваторы. Вместе с тем, довольно сильное революционное движение (забастовки железнодорожников, создание рабочими фабрич-

но-заводских комитетов – шоп-стюардов, активно включившихся в стачечную борьбу, повсеместное требование рабочего контроля на предприятиях и вынужденное решение правительства ввести этот контроль, революционное брожение в колониях) заставило мастера компромиссов, главу правительства Д. Ллойд Джорджа проводить более социально направленную политику внутри страны и прислушиваться к общественному мнению в реализации внешнеполитического курса. В своей внешней политике, особенно в отношении к побежденным державам, Англия постоянно колебалась, лавируя между твердой позицией Франции и более мягкой США.

Неоднозначным было отношение Союзников и к Советской России. Англия и Соединенные Штаты склонны были вести диалог с большевистским правительством, Франция делала основную ставку на А.В. Колчака и А.И. Деникина. Помимо этих трех стран в число ведущих держав-победительниц формально входили Италия и Япония. Но в силу их экономической и политической слабости с ними особенно не считались.

Вторую группу держав составляли проигравшие войну страны Центральной Европы. Произошедшие здесь осенью 1918 г. революции привели к власти представителей социалистических партий. Советская Россия стремилась заключить с ними союз против Антанты, который был особенно необходим накануне Парижской мирной конференции, призванной установить новый порядок в мире и новые границы. Помимо России, Германии и Австрии предполагалось, что в этот союз вступят малые государства, образовавшиеся на развалинах бывшей империи (Польша, Финляндия, Украина, Литва, Прибалтика, Крым, Кавказ). В коалицию приглашались и другие страны. 13 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР обратился к Германии и Австро-Венгрии с соответствующим предложением. «...Союз народов будет сопротивляться всякой попытке навязать народам капиталистический гнет чужеземной буржуазии... Да здравствует истинный мир – мировой союз трудящихся всех стран и наций» [3, с. 566–567], – говорилось в обращении. Но конкретного ответа Советское правительство так и не получило. Как следует из дискуссии по этому вопросу на II конгрессе

Коминтерна, председатель Венского рабочего Совета Ф. Адлер (до осени 1919 г. он являлся почетным членом Президиума ЦИК Советов РСФСР) первоначально был согласен на заключение мира и установление дипломатических отношений с Советской Россией, Германское социалистическое правительство колебалось. За установление союза (причем участники конгресса подчеркивали, что речь шла о военном союзе) высказывались «левые» в руководстве НСДПГ. «Правые» же социал-демократы ориентировались на Антанту, надеясь получить более мягкие для Германии условия мира. В целом, вопрос о создании коалиции так и остался нерешенным.

Колебание социалистов Германии и Австрии в вопросе об установлении дипломатических отношений с Советской Россией поставило большевистское правительство один на один с Антантой. Последняя, закончив войну с центральными державами, могла теперь более активно использовать союзнические армии против РСФСР. В этой ситуации «правые» в коммунистическом руководстве полагали, что советское правительство должно договориться с Антантой. Еще в своей речи на IV Всероссийском съезде Советов 8 ноября 1918 г. В.И. Ленин говорил: «После Октябрьской революции мы были гораздо слабее империализма, и теперь мы слабее, чем международный империализм, – мы это и сейчас должны повторить, чтобы не впадать в самообман; после Октябрьской революции мы были слабее и не могли принимать боя. И сейчас мы слабее и должны сделать все необходимое, чтобы избежать боя с ним» [9, с. 156–157]. Последние, перед Парижской конференцией, предложения о мире были сделаны советским руководством 12 и 17 января 1919 г.

Коммунистическое правительство РСФСР поддержали рабочие организации Западной Европы. «Левые» социал-демократы развернули движение «Руки прочь от России». 18 января 1919 г. в Лондоне состоялась конференция социалистов под тем же лозунгом. Она приняла резолюцию, в которой предупредила английское правительство о том, что если то не прекратит интервенцию и косвенное вмешательство в дела России, английский рабочий класс ответит всеобщей забастовкой.

Среди «левых» в коммунистическом движении были радикальные настроения. Успех русской, германской, австрийской революций породил у ряда европейских интернационалистов, побывавших в России, уверенность в том, что демократические революции на Западе скоро перейдут на качественно новую стадию – установления власти Советов. Революцию в Европе ждали. Многие коммунисты европейских государств, входящие в Федерацию интернациональных коммунистических групп при ЦК РКП(б), надеялись на финансовую и военную помощь России. Так Бела Кун, являясь представителем этой организации, находясь в Австро-Венгрии, сообщал В.И. Ленину 5 января 1919 г.: «Положение для нас очень хорошее. Партия наша растет с каждым днем, и если в Германии в течение 2-х – 3-х недель вопрос о диктатуре не решится, то для нас наступят «июльские дни!»» (Имеются ввиду события июля 1917 г. в России, когда началось выступление «левых» сил – Е.Е.). И далее: «В Вене говорил с Фр. Адлером – большой дурак. Штрассер колеблется. Прошу Вас послать к нам т.т. С. и З. Французских войск пока нет ... В Фиуле приблизительно 30000 французов, американцев и англичан. Через т. Р. просим выслать сумму, которую Вам назовет т. Ф. Эти средства нам нужны очень срочно, потому что «нужно издать много литературы». «... Наша судьба решается в Германии ...», но «можете не беспокоиться: я веду дело твердо, по-марксистски, здесь возможность путча исключена: если уж мы возьмем власть в свои руки, ее у нас никто не вырвет» [10, с. 7–8].

Для налаживания контактов с немецкой социал-демократией в Германию был направлен К. Радек. 5 января 1919 г. рабочая демонстрация в Берлине переросла в вооруженное восстание, которое возглавил комитет действия в составе НСДПГ, КПП, революционных старост города. Восставшие потребовали отставки правительства. Рабочих Берлина поддержали трудящиеся Брауншвейга, Гамбурга, Галле, и других городов Германии. В Берлине была провозглашена советская республика (1.1. – 4.2.1919 г.).

Выступление рабочих в Германии совпало с наступлением Красной Армии на Западном фронте. К этому времени советская власть была установлена в Литве (16 декабря 1918 – август 1919 гг.). По-

сле освобождения Минска в декабре 1918 – январе 1919 г. была провозглашена Белорусская Советская республика. В Латвии (1918–1919 гг.), в Эстонии (29 ноября 1918 г. – 5 июня 1919 г.) революция также победила при поддержке Красной Армии. Все республики были приняты в состав РСФСР, и сразу установили с последней военно-политический союз. Коммунистические партии Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Польши входили в состав РКП (б).

В начале 1919 г. Красная Армия начала активные боевые действия по освобождению Прибалтики и Белоруссии. В январе 1919 г. Советские войска подошли к Таллинну, заняли Вильнюс, Мозырь и другие города. Дальнейшее наступление могло обеспечить выход к границам Германии. К январю 1919 г. новые, послевоенные границы Германии еще не были установлены. Пруссия и Германия не были разъединены. Таким образом, через Прибалтику пролегал кратчайший путь. Но сил, видимо, не хватило. И войска в Прибалтике были остановлены. У Советского правительства не было намерения обострять отношения с тогдашним правительством Германии и со странами Антанты накануне открытия Парижской конференции (18 января 1919 – 21 января 1920 гг.)

Видимо, учитывая настроения Советского правительства, К. Радек сразу же был против превращения демонстрации в Берлине в восстание. А когда он узнал о приготовлении Г. Носке к подавлению выступления, то направил ЦК компартии Германии письмо с требованием прекратить борьбу. Второй вариант письма К. Радек оставил для отчета перед ЦК РКП(б) [11, кол. 4069]. Таким образом, о военной помощи Германии в январе 1919 г. говорить не приходится. Великие державы требовали от Германии присоединения к блокаде Советской России. В этих условиях затевать неподготовленную революцию – значит лишиться последнего союзника. Тем не менее германские власти обвинили большевистское правительство в намерении организовать восстание и начать наступление на Германию, о чем, якобы, свидетельствуют найденные при аресте К. Радека документы. НКВД РСФСР ответил нотой протеста Министерству иностранных дел Германии, в которой заявил, что нападение на Германию Совет-

ское правительство никогда не планировало. Объясняя содержание резолюции ЦИК от 3 октября 1918 г. и выступления В.И. Ленина на этом заседании, добавлял, что речь может идти о военной помощи революционному германскому правительству против англо-французского нападения по просьбе *последнего* [4, с. 71–72].

Наступление Красной Армии в январе 1919 г. стремились использовать польские коммунисты. Еще 24 декабря 1918 г. ЦК СДКПиЛ отправил в ЦК РКП(б) записку, в которой указывая на важное стратегическое значение Польши, писал: «В Польше растет революционное движение. Образовываются Советы рабочих депутатов. Произошли вооруженные столкновения рабочих с армией (Домбровский бассейн), образовывается Красная Гвардия... Однако при теперешнем положении в Польше... нет возможности рассчитывать, чтобы только местными силами удалось нам справиться с исторической задачей... Постепенное приближение к польской границе может приблизить момент столкновения с польской армией. ...Необходимо использовать подходящий момент и двинуть к западной границе все польские отряды Красной Армии» [12, с. 21]. Далее выражалось крайнее сожаление, что со стороны Советского правительства ничего не предпринимается.

Хотя советское руководство неоднократно заявляло польскому правительству о том, что не собирается вести против него военных действий, революционные настроения по советизации Польши среди коммунистов все же были. 15 января 1919 г. ЦИК Рабочей Коммунистической партии Польши обратился в ЦК РКП с письмом, в котором просил об определении польской границы и о передаче командования Западной Армии при ее пересечении представителям «организации, созданной польским революционным пролетариатом» [12, с. 20]. Официальное польское правительство имело свои планы по восстановлению территории Великой Польши. Пользуясь тяжелым положением России, оно стремилось расширить свои границы на восток. В феврале 1919 г. произошла первая стычка российских и польских воинских частей. 17 января 1919 г. на первой странице «Правды» была опубликована статья С. Бубкевича «Польша и мировая революция», автор которой делал вывод о том, что силы

контрреволюции и силы революции «лелеют надежду на помощь извне». «Польша всегда была точкой приложения мировых сил. Исход нынешней борьбы будет зависеть от развития революции в соседних странах, но верно и то, что источники революции в Польше не иссякли, и что взрыв в ней может последовать и самостоятельно» [13, с. 1]. То есть автор давал понять, что Красная Армия может оказать помощь польскому коммунистическому движению.

На наш взгляд, опубликование данной статьи имело все же целью не столько заявить о своих военных намерениях, сколько оказать давление на Союзников и добиться заключения с ними и с Польшей мирного договора.

Успехи Красной Армии на Западном фронте, провозглашение новых независимых советских республик, перспектива советизации Польши и Германии не могли не оказать соответствующее впечатление на страны Антанты. Позднее на IV конгрессе Коминтерна К. Радек приводил документ, принадлежащий перу Д. Ллойд Джорджа и относящийся к рассматриваемому нами периоду, в котором глава английского правительства выражал серьезную озабоченность возможностью того, «что Германия может решиться доверить свою судьбу большевикам» [14, с. 2–3]. Если это случится, полагал Д. Ллойд Джордж, то вся Восточная Европа будет втянута в водоворот пролетарской революции. И на этой основе будет создана гигантская Красная Армия, вооруженная германскими пулеметами, ежеминутно готовая начать свое наступление на Западную Европу [14, с. 2–3]. 22 января 1919 г. Союзники, наконец, прореагировали на многочисленные предложения Советского правительства о заключении мира. По инициативе В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа Советской России было сделано предложение заключить перемирие на всех фронтах и принять участие в мирной конференции на Принцевых островах с тем, чтобы закрепить за каждым правительством, существовавшим в то время на территории бывшей Российской империи, те районы, которые оно занимало в тот момент.

4 февраля 1919 г. Советское правительство ответило согласием. Об искренности намерения заключить мир в этот период гово-

рят предложения, сделанные советской стороной. О них сообщил Л.Д. Троцкий на IV конгрессе Коминтерна. Большевики предлагали: а) признать долговые обязательства прежних российских правительств; б) гарантией правильного погашения займов и процентов должен был стать залог российского сырья; в) сдать иностранным фирмам концессии по их выбору; г) территориальные уступки в районах, еще оккупированных войсками Антанты.

Таким образом, военный поход в Европу с целью оказания помощи в установлении советской власти в Германии и Польше, на который так надеялись интернационалисты, видимо, не входил в январе 1919 г. в планы Советского правительства. Вместе с тем благодаря Красной Армии советская власть расширила свои границы, социалистические правительства были провозглашены в Прибалтике и Белоруссии. На большее у РСФСР сил не было. Осталось только пойти на заключение мира с Антантой на любых условиях. Опыт Бреста уже был. Точное содержание предложения Союзников от 22 января не известно, но, учитывая, что в последующих мирных экономических и политических договорах условие отказа от экспорта революции было главным, мы вправе предположить, что такое присутствовало и в данном обращении. Тогда само образование Коммунистического Интернационала, с одной стороны, было продиктовано необходимостью объединения всех революционных сил Европы и Азии под контролем Москвы, с другой, стало стремлением Советского правительства снять с себя ответственность за подготовку новых революций и переложить эту задачу на плечи международной организации, официально никакого отношения к Совету народных комиссаров не имеющей. Позднее в сентябре 1920 г. в ответ на ноту английского правительства Г.В. Чичерин отвечал, что нельзя отождествлять Советское правительство с Коммунистическим Интернационалом.

Переговоры с представителем Англии и США У. Буллитом начались 7 марта, то есть сразу после закрытия I конгресса Коминтерна. В результате трехдневного обсуждения был выработан текст проекта мирного соглашения. Однако правительства Антанты не спешили с принятием данного документа, надеясь на успешное наступление

А.В. Колчака, а затем А.И. Деникина. Договориться большевикам в 1919 г. со странами-победительницами не удалось.

И в капиталистическом, и в коммунистическом лагере были отверженцы как силового, военного способа решения проблемы, так и сторонники мира, готовые пойти даже на некоторые уступки. В стане держав победительниц возможность признания Советской России допускали Д. Ллойд Джордж (Великобритания) и В. Вильсон (США), отправившие в Москву для разработки условий договора в марте 1919 г. миссию У. Буллита. Ж. Клемансо (Франция) и Д. Керзон (Великобритания), напротив, настаивали на военном подавлении Советской власти.

В большевистском руководстве также прослеживались две линии.

Захватив власть в надежде на «мировую революцию», большевики оказались во главе единственного Советского государства, «в капиталистическом окружении». Реально оценивая сложившуюся ситуацию, правительство В.И. Ленина и «правые» в большевистской парии проводили политику «мирного сосуществования». Первоочередной задачей было добиться признания Советской России великими державами путем мирных переговоров и даже временно-го отказа от интернациональных целей. Их достижение было передано созданному в марте 1919 г. Коминтерну.

Мирные способы воздействия на страны-победительницы накануне Версальской конференции преобладали в советской политике (предложение переговоров, мирные демонстрации в поддержку Советской России, стремление не допустить неподготовленного восстания «левых» сил в Берлине и т.д.). Все это свидетельствует о намерении большевистского правительства первоначально действовать совместно с европейской социал-демократией, добиваясь своего места в складывающейся новой мировой системе международных отношений. Был выдвинут лозунг создания союза социалистических правительств Германии, Австрии и России, с предложением присоединиться к нему другим государствам. В.И. Ленин, как глава правительства, и Г.В. Чичерин (нарком иностранных дел) склонялись к тому, чтобы в крайнем случае пойти на уступки Антанте, признать все существующие на территории бывшей Российской-

ской империи белогвардейские и социалистические правительства (Грузии, Азербайджана, Армении, Украины и т.д.), признать независимость Польши, Финляндии, Прибалтики, то есть фактически на время смириться с потерей части территорий, и добиться тем самым признания власти большевиков капиталистическими государствами. Это означало предоставить дело социалистического переворота на Западе самим европейским коммунистам.

«Левые» же в РКП(б), стоявшие во главе Коминтерна, а также руководители коммунистического движения соседних с РСФСР стран проповедовали идею революционной войны и оказания военной помощи социалистическим республикам на Западе.

В условиях еще неустановленных после войны границ, большевики стремились расширить территорию Советской республики до пределов бывшей Российской империи, включив в нее на федеративной основе вновь созданные советские государства. Это расширение шло в ходе Гражданской войны под лозунгом «мировой революции».

Отказ немецкой «правой» социал-демократии, стремящейся добиться от победителей более приемлемых условий мира для Германии, от активного сотрудничества с советским руководством и отсутствие результатов от миссии Буллита, а также рост революционных настроений в Европе заставили большевиков уже в ходе работы Версальской конференции поддержать через Коминтерн революции в Восточной Европе и в Азии. Это в немалой степени способствовало изменению позиции великих держав. Сначала де-факто, а затем де-юре Советская Россия была признана мировым сообществом. С улучшением международного положения СССР идея «мировой революции» отходит на задний план. Сохранение Советского государства и защита его национальных интересов изначально признавались большевиками в качестве первоочередной задачи.

Список литературы

1. Большеви́стское руково́дство. Переписка, 1912–1927 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и др.; Редкол.: А.В. Квашонкин и др. (с рос. стороны), А. Verelowitch и др. (с фр.

- стороны), Е. Cinella и др. (с итал. стороны). М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
2. Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы: монография. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
  3. Документы внешней политики СССР / М-во иностр. дел СССР; Д-р экон. наук А.А. Громыко и др. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. 772 с.
  4. Документы внешней политики СССР / М-во иностр. дел СССР; Д-р экон. наук А.А. Громыко и др. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. 803 с.
  5. Емельянова Е.Н. Борьба большевистского руководства за геополитическое влияние в Центральной и Восточной Европе (1921) // В мире научных открытий. 2015. № 3.7 (63). С. 3170–3190.
  6. Емельянова Е.Н. РСФСР и Советская Венгрия: попытки военного сотрудничества // В мире научных открытий. 2015. № 7.4 (67). С. 1331–1354.
  7. Емельянова Е.Н. Революционная война или мирное сосуществование? К истории Коминтерна (1919–1923 гг.): монография. Коломна, 2002. 237 с.
  8. История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Док. очерки / Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2002. 412 с.
  9. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. М.: Политическая литература, 1981. Т. 37. 748 с.
  10. Кун Б. Избранное. Будапешт, 1980. 502 с.
  11. Коммунистический Интернационал. 1921. №17.
  12. Польско-советская война 1919–1920 гг. (ранее не опубликованные документы и материалы). М.: ИСБ, 1994. 322 с.
  13. Правда. 17 января 1919. №11.
  14. IV конгресс Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 1.
  15. Фирсов Ф.И. В.И. Ленин, Коминтерн и становление коммунистических партий: монография. М.: Политиздат, 1985. 359 с.
  16. Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917–1923. London: Macmillan, 1953. Vol. 3. 352 p.
  17. Kevin Mc Dermott. The Comintern: A history of intern. communism from Lenin to Stalin. London: Macmillan press, 1996. 304 p.

References

1. *Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska, 1912–1927* [The Bolshevik leadership. Correspondence, 1912–1927]; Institute of state management and social researches of Moscow state university of M.V. Lomonosov: edit. board of A.V. Kvashonkin and other (Russian part), A. Berelowitch (French part), E. Cinella (Italian part). Moscow: ROSSPEN Publ, 1996. 423 p.
2. Vatlin A.U. *Komintern: Idei, reshenija, sud'by*. [Comintern: Ideas, resolutions, destinies]. Moscow: ROSSPEN Publ, 2009. 374 p.
3. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy] *M-vo inostr. del SSSR; D-r jekon. nauk A.A. Gromyko i dr. T. 1*. [Ministry of foreign. Affairs of the USSR; Dr. Econ. Sciences A.A. Gromyko, etc. Vol. 1]. Moscow: Politicheskaja literature Publ, 1959. 772 p.
4. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy] *M-vo inostr. del SSSR; D-r jekon. nauk A.A. Gromyko i dr. T. 2*. [Ministry of foreign. Affairs of the USSR; Dr. Econ. Sciences A.A. Gromyko, etc. Vol. 2]. Moscow: Politicheskaja literatura Publ, 1959. 803 p.
5. Emelyanova E.N. RSFSR i Sovetskaja Vengrija: popytki voennogo sotrudnichestva [RSFSR and the Soviet Hungary: attempts to military cooperation]. *V mire nauchnyh otkrytij*, 2015, no 7.4 (67): 1331–1354.
6. Emelyanova E.N. *Revoljucionnaya vojna ili mirnoe sosushchestvovanie? K istorii Komintern (1919–1923 gg.)* [The revolutionary war or peaceful coexistence. The history of Comintern (1919–1923)]. Kolonna, 2002. 237 p.
7. Emelyanova E.N. Bor'ba bol'shevistskogo rukovodstva za geopoliticheskoe vlijanie v Central'noj i Vostočnoj Evrope (1921) [Struggle of Bolsheviks' leaders for influential role in Central and Eastern Europe (1921)]. *V mire nauchnyh otkryti*, 2015, no. 3.7 (63): 3170–3190.
8. *Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919–1943: Dok. Oчерki* [History of the Communist International, 1919–1943: Doc. Essays]; Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publ, 2002. 412 p.
9. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie 5-e*. [V.I. Lenin. Full composition of writings. 5th Edition]. Moscow: Politicheskaja literatura, 1981. V. 37. 748 p.
10. Kuhn B. *Izbrannoe* [Selected]. Budapest, 1980.

11. *Kommunisticheskij Internacional*. [The Communist International], 1921, no. 17.
12. *Pol'sko-sovetskaja vojna 1919–1920 gg. (ranee ne opublikovannye dokumenty i materialy)*. [Polish-Soviet War of 1919–1920. (Previously unpublished documents and materials)]. Moscow: ISB, 1994. 322 p.
13. *Pravda*. January 17, 1919. № 11.
14. *IV kongress Kommunisticheskogo Internacionala. Bjul'teten'*. [IV Congress of the Communist International. Bulletin]. Moscow, 1922, no 1–32, no 1.
15. Firsov F.I. *V.I. Lenin, Komintern i stanovlenie kommunisticheskikh partij* [V.I. Lenin, Comintern and establishment of communistic party]. Moscow: Politizdat, 1985. 359 p.
16. Carr E. *The Bolshevik Revolution. 1917–1923*. London: Macmillan, 1953. Vol. 3. 352 p.
17. Mc Dermott Kevin. *The Comintern: A history of intern. communism from Lenin to Stalin*. London: Macmillan press, 1996. 304 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Емельянова Елена Николаевна, доцент кафедры философии, истории, политологии и права, кандидат исторических наук
Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская обл., 140410, Российская Федерация
e.n.emelyanova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Emelyanova Elena Nikolaevna, Associate Professor at Department of Philosophy, History, Political Science and Law, Candidate of Historical Sciences
State University of Social and Humanitarian Science
30, Zelenaya Str., Kolomna, 140410, Moscow region, Russian Federation
e.n.emelyanova@mail.ru
SPIN-code: 2887-4198
ORCID: 0000-0002-6394-1364
ResearcherID: C-2241-2015

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-212-224

УДК 101.1::316

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Рыжонина Н.А., Лыгина М.А.

Цель. Статья посвящена значимой для современной духовной ситуации в обществе теме соотношения и взаимодействия индивидуального и общественного сознаний. Предмет анализа – воздействие общественного сознания на сознание личности. Цель статьи составляют интерпретация взаимодействия коллективного и индивидуального разумов, а также поиск структурных элементов общественного сознания, детерминирующих сознание личности.

Методология. За основу работы авторами взяты компаративный метод, метод структурного анализа, а также социально-феноменологический подход и принцип сведения индивидуального к социальному.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что авторы с опорой на социально-феноменологический подход интерпретируют взаимодействие персонального и общественного сознаний. Последнее рассматривается ими через понятие социального конструирования реальности, то есть коллективной деятельности по продуцированию и дальнейшей объективации и институализации идей, социальных норм и ценностей, составляющих базис социальной личности. Также авторы выявляют несколько элементов духовной

жизни общества, влияющих на сознание индивидов, среди которых общественная психология, массовая культура, групповое сознание.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сферах культурной, образовательной и социальной политики.*

Ключевые слова: *сознание; общественное сознание; индивидуальное сознание; интерсубъективность; социокультурная детерминация; социальное конструирование реальности.*

ROLE OF SOCIAL CONSCIOUSNESS IN SOCIO-CULTURAL DETERMINATION OF PERSONAL CONSCIOUSNESS

Ryzhonina N.A., Lygina M.A.

Purpose. *The article is devoted to important for contemporary spiritual situation in a society theme of correlation and interaction of individual and social consciousness. The subject of analysis is the impact of social consciousness to the consciousness of the person. The purpose of the article make the interpretation of the interaction of collective and individual minds also searching of the structural elements of social consciousness, determining the consciousness of the person.*

Methodology. *The comparative method, structural analysis method, as well as socio-phenomenological approach and the principle of reducing the individual to the social were taken by the authors for the basis of the work.*

Results. *The results concluded that the authors drawing on socio-phenomenological approach interprets the interaction of personal and social consciousness. The last thing is considered by them through the concept of the social construction of reality, that is, collective action by the production and further objectification and institutionalization of ideas, social norms and values that make up the basis of sociality. Also, the authors identify several elements of the spiritual life of society, influencing the consciousness of individuals, including social psychology, mass culture, group consciousness.*

***Practical implications.** The results of the study can be applied in the spheres of culture, education and social policy.*

***Keywords:** consciousness; social consciousness; personal consciousness; intersubjectivity, social-cultural determination; social construction of reality.*

Введение

Реалии современного общества все чаще демонстрируют парадоксальность человеческой природы, что проявляется прежде всего в сочетании в поведении как отдельных личностей, так и больших социальных групп рациональных и иррациональных поступков. В условиях бурного научно-технического прогресса и развития научных знаний в обществе сохраняется тяга к иррациональному: религии, эзотерике, оккультизму, суевериям, паранаучным идеям и концепциям. Иррациональность поведения, по нашему мнению, проявляется также в таких феноменах современного сетевого общества, как гиперпотребительство, фетишизм, следование за ориентирами массовой культуры, гедонизм, формирование новых видов зависимостей, связанных с цифровыми телекоммуникационными устройствами [1, с. 14–16]. Факты социальной жизни демонстрируют ослабление традиционных социальных институтов и инверсию множества социальных норм и ценностей. Истоки подобных противоречий современного общества, по нашему мнению, коренятся в процессах, происходящих в общественном сознании, которые неизбежно влияют на сознание каждого члена социума. Сложившаяся проблемная ситуация делает актуальным в том числе философское осмысление общественного сознания и его роли в детерминации сознания личности.

Обоснование взаимовлияния индивидуального и общественного сознаний

В философии за все время ее существования накопилось достаточно трактовок сознания; что касается современной философии сознания, то в ней наиболее значимыми являются аналитическая

философия, семиотика, когнитивизм и феноменология [11, с. 69–75; 12, с. 130–136]. Практически все подходы к сознанию так или иначе содержат идею о том, что субъект не является «Робинзоном», что его сознание формируется под воздействием социальной среды, в которой он находится и формируется как личность, и что наряду с сознанием индивида, которое представляется в классической философии в качестве субъективного духа, есть еще и сознание общества, вмещающее в себя все многообразие духовных проявлений существования и развития социума [13, р. 3–5]. Общественное сознание, выступая предметом непосредственно социально-философского рассмотрения, составляет предмет множества дискуссий в силу своей сложности, неоднозначности и многоаспектности.

Среди множества подходов к интерпретации общественного сознания целесообразно выделить материалистический, идеалистический и дуалистический. Так, в материалистическом подходе, наибольшее развитие получившем в марксизме, значительную проработку получает проблема формирования общественного сознания под влиянием первичного по отношению к нему общественного бытия, материальных условий жизни, но при этом роль общественного сознания в формировании и изменений социальных реалий не получает здесь детальной проработки, за исключением принципа сведения индивидуального к социальному.

Данный принцип представляется нам актуальным для обоснования воздействия общественного сознания на сознание индивида. Согласно ему, индивид формируется в условиях социума и образ его мыслей, чувствований, его мировоззрение складываются под влиянием социальной среды, сознания той группы, к которой он принадлежит, сознания его этноса, сознания страны и эпохи. При этом, формируясь в обществе, он затем сам участвует в его модификации и развитии, что было отмечено К. Марксом в утверждении: «Как само общество производит человека как человека, так и он производит общество» [8, с. 118]. Данный тезис означает диалектическую взаимосвязь общества и личности: личности, сформированная в обществе, в дальнейшем будет влиять на его состояние.

Общественное сознание предстает в данном учении как порожаемое общественным бытием явление. Известное утверждение К. Маркса об этом служило долгие годы как основанием материалистической социальной философии, так и пунктом множественной критики марксизма со стороны его противников, обвиняющих его в излишнем акцентировании внимания на материальной стороне бытия.

Однако, подобное противоречие в оценке обсуждаемого нами тезиса К. Маркса может быть снято, если обратиться к его трактовке, данной фрейдомарксистом и представителем Франкфуртской школы Э. Фроммом. Данный мыслитель уверен, что К. Маркс, говоря об определении общественного сознания общественным бытием, имеет в виду то, что базовыми потребностями человека выступают именно те, которые можно удовлетворить с помощью материальных благ, создаваемых в ходе материального производства [10, с. 8–12]. От уровня удовлетворения данных потребностей во многом зависит физическое и психическое самочувствие людей, а значит и уровень духовного развития, так как человек, страдающий от голода и отсутствия жилья, вряд ли будет заботиться о собственном духовном совершенстве.

Если, согласно марксизму, сознание индивида формируется под влиянием общественного сознания, то в рамках классического образца идеалистической философии – гегельянства – субъективный дух является единичным воплощением мирового разума – абсолютной идеи. При этом общественное сознание, понимаемое как объективный дух, проходит несколько фаз в развитии, на каждой из которых преобладает одна из его форм: религия, искусство или философия. Сознание отдельного индивида мало что значит для Гегеля, это крупница на пути саморазвития и самопостижения мирового разума, становления его как абсолютной идеи [4, с. 127–204]. Поэтому данный подход не позволяет определить должным образом пути влияния общественного сознания на сознание личности.

Наибольшей методологической ценностью для нас будут выступать концепции индивидуального и общественного сознаний кон-

структивистской направленности, так как в них обосновывается не только одностороннее влияние духовной жизни социума на сознание индивида, а постулируется идея их взаимовлияния и взаимного опосредования.

К таким концепциям, в первую очередь, можно отнести социальную феноменологию, согласно которой социальная жизнь представляет собой продукт социального конструирования реальности в ходе коллективной жизнедеятельности [2, с. 52–84]. Акцентирование внимания на активной роли личности в построении социального мира делает концептуальные построения позднего Э. Гуссерля, а также его последователей А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана методологически значимыми для проблематики нашего исследования [5, с. 187–229]. Не пересказывая их основных идей, отметим, что именно они позволяют нам обоснованно утверждать значимость не только общественного сознания для формирования сознания индивида, но и важность духовного благополучия личности для функционирования и развития общества.

Факторы влияния общественного сознания на сознание личности

Чтобы выявить возможные пути влияния общественного сознания на сознание индивида, по нашему мнению, необходимо выявить структуру первого из названных феноменов. Решение данной задачи представляется нам возможным в рамках трех подходов:

1. На основании глубины отражения общественным сознанием социальной жизни;
2. На основании содержательных аспектов;
3. На основании субъектов духовной деятельности.

В рамках первого из указанных подходов целесообразно говорить об уровнях общественного сознания, к которым традиционно в социальной философии относят общественную психологию и идеологию. Первый уровень, содержащий непосредственные и институционально не оформленные чувства, настроения, идеи и оценки членов общества относительно различных проявлений

и фактов социальной жизни, по нашему мнению, является близким к повседневному мышлению и обыденному сознанию. Второй уровень, содержащий оформленные по определенным стандартам идеи, представления, мировоззренческие схемы, теории и концепции, источником которых выступает определенное сообщество профессионалов – ученых, журналистов, писателей, философов, богословов и т.п., является более близким к теоретизированным формам мышления, что не исключает, однако, заведомо нетеоретичные формы представлений мировоззренческих взглядов, например, в искусстве и религии. Второй уровень отличается большей глубиной проработки содержащихся в нем идей, тогда как первый отражает настроения социума, реальное отношение индивидов к происходящим событиям. Данный уровень сознания формируется под воздействием конкретно-исторических условий бытия социума, с другой стороны, выделение и кристаллизация тех или иных настроений, чувств, оценок может вести к трансформациям в социальном бытии, определенным общественным преобразованиям. Взаимодействие между двумя уровнями общественного сознания носит сложный диалектический характер, составляющий отдельный предмет социально-философских исследований, еще большей дискуссионностью в социальной философии характеризуется проблема идеологии. Как указывает А.П. Енгоян, «Общественная психология есть то непосредственное отражение внешних проявлений социальной действительности, которое составляет своеобразный базис для возникновения соответствующей идеологии. Идеология проясняет то, что смутно схвачено психологией, проникает в сущность явлений» [6, с. 6].

В плане воздействия элементов общественного сознания на личность и ее поведение доминирующую роль здесь играет общественная психология, так как она непосредственно смыкается с житейским сознанием, обыденным мышлением, которое, по нашему мнению, составляет базис повседневной жизни. При этом, общественная психология как уровень общественного сознания формируется и развивается скорее стихийно, чем целе-

направленно, и завести ее в определенные рамки представляется очень трудной задачей, в отличие от уровня идеологии, примеры целенаправленного формирования которой можно часто встретить в истории.

Эффективным средством влияния на общественную психологию в современном обществе является массовая культура, способствующая перерождению житейского сознания в массовое, когда люди придерживаются одних и тех же установок, имеют одинаковые интересы и ценности, одинаково мыслят, имеют одинаковые запросы, как правило, ограничивающиеся удовлетворением сиюминутных импульсов и материальных потребностей.

Данная форма культуры является порождением модернизации. Именно через массовую культуру в современном обществе происходит интенсивное влияние общественного сознания на индивидуальное. Факторами такого влияния выступают привлекательность и простота стандартизированных продуктов массовой культуры. Носитель потребительского сознания – это, по словам Г. Маркузе, «одномерный человек», потребности и установки которого носят шаблонный характер и мало отличаются от установок других членов общества, таких же одномерных потребителей, как и он сам [9, с. 376–377]. Подобное состояние сознания личности порождается системой массового обезличенного индустриального производства, лишаящего труд его духовного содержания, что и приводит к сакрализации процесса потребления, как якобы обладающего духовным содержанием [3, с. 4–260].

К концу XX века приоритет визуального, подсознательного перед словесным, сознательным приводит к отказу от рационализма, следования установленным формам, осмысленности и др. Массовое сознание выступает как современная мифология специфической светской интерпретации реальности, действующая в основном в социальной сфере, влияющая на формирование идеалов, ценностей, нравственных норм, стандартов стратегий жизни и мировоззрения [7, с. 88]. Происходит изменение психической структуры личности (нарушается субъективное чувство времени, когда ход времени

стирается в безраздельном потоке информации, повседневных дел, гламура и фетишизма).

Структурирование общественного сознания по содержанию позволяет выделить его общеизвестные формы: повседневное (житейское), политическое, правовое, религиозное, философское, научное, моральное и другие. В реальности все указанные формы выступают в тесном взаимодействии и взаимном переплетении. Основанием же для их выделения может служить либо отражаемый аспект общественной жизни, либо специфический подход к духовно-символическому воспроизведению социальной и природной действительности. Так, например, искусство стремится к художественно-образному отражению действительности и этим способом познания отличается от всех остальных форм, а моральное сознание содержит представления людей о добре и зле, то есть имеет четко очерченную область действия [14, р. 14–16]. Все указанные секторы общественного сознания детерминируют сознание личности, наполняя его определенной информацией, представленной в виде знаков и символов.

Если выделять элементы общественного сознания по его субъектам, то можно, то на наш взгляд, следует исходить из понимания термина «общество». Так, если под обществом понимать совокупность индивидов, находящихся в постоянном, осознанном и упорядоченном взаимодействии, то общественное сознание – это сознание общества в целом. В его рамках можно выделять сознание этноса, сознание класса, сознание социально-профессиональной группы и т.д. При таком выделении структурных компонентов коллективного духа прослеживается взаимосвязь персонального и коллективного как принцип сведения первого ко второму, впервые обоснованный К. Марксом и уже упомянутый нами, означает, что в субъективном мире личности и ее поведении проявляются черты и установки сознания тех социальных групп и общностей, к которым он принадлежит: класса, этноса, социально-профессиональной группы, конфессиональной общности и т.д.

Заключение

Проведенный анализ общественного сознания позволяет нам выявить несколько социокультурных факторов, детерминирующих сознание личности и являющихся результатом коллективной жизни и взаимодействия людей в обществе. К ним, на наш взгляд, относятся: массовая культура, групповое сознание, которое индивид разделяет с другими членами определенной социальной общности, либо группы, общественная психология (житейское сознание). Указанный перечень не является исчерпывающим, но эти факторы оказывают формирующее воздействие на сознание личности, создавая в нем грани восприятия и интерпретации объективной действительности, на основе которых образуется intersubъективный мир духовной культуры и конструируется социальная реальность.

Список литературы

1. Антипов М.А., Дорошин Б.А. Сетевое общество как феномен постсовременности // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2012. № 3 (7). С. 11–18.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 частях. Ч. 3 М.: Мысль, 1974. 471 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Академический проспект, 2010. 232 с.
6. Енгоян А.П. Идеология и общественное сознание. Ереван: Асогик, 2009. 48 с.
7. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Едиториал УРСС, 2005. 352 с.
8. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
9. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 526 с.

10. Фромм Э. По ту сторону порабощающих нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом. Москва: Аст, 2010. 320 с.
11. Эко. У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
12. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
13. Antony Michael V. Concepts of consciousness, kinds of consciousness, meanings of ‘consciousness’. *Philosophical studies*, vol. 109, no 1 (2002): 1–16.
14. Beresneva N.I., Beresnev V.D. Subjectivism in artistic consciousness. *Paradigmata poznani*, no 3. (2015): 13–20.
15. Brinkmann Klaus Consciousness, self-consciousness, and the modern self. *History of the human sciences*, vol. 18, no 4 (2005): 27–48.
16. Grosz B.J., Kraus S., Sullivan D.G., Das S. The influence of social norms and social consciousness on intention reconciliation. *Artificial Intelligence*, vol. 142, no 2 (2002): 147–177.
17. O’Connor E, Friel S, Kelleher C. Fashion consciousness as a social influence of lifestyle behavior in young Irish adults. *Health promotion international*, vol. 12, no 2 (1997): 135–137.

References

1. Antipov M.A., Doroshin B.A. Setevoe obshchestvo kak fenomen postsovremenности [Network society as a phenomenon of postmodernity]. *XXI vek: itogi proshlogo i problem nastojashhego pljus* [XXI century: the results of the past and the present problems plus]: no 3 (2012): 11–18.
2. Berger P., Lukman T. *Social’noe konstruirovaniye real’nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social Construction of Reality. Tractate on the sociology of knowledge]. M.: «Medium», 1995. 323 p.
3. Bodrijar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. His myths and structures]. Moscow: Respublika, 2006. 269 p.
4. Gegel’ G.V.F. *Filosofiya duha* [The philosophy of the spirit]. *Jenciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]: in three volumes. Moscow: Mysl’, 1974. Vol. 3. 471 p.
5. Gusserl’ Je. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Moscow.: Akademicheskij prospekt, 2010. 232 p.

6. Engoĵan A.P. *Ideologija i obshhestvennoe soznanie* [Ideology and social consciousness]. Erevan: Asogik, 2009. 48 p.
7. Kostina A.V. *Massovaja kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshhestva* [Popular culture as a phenomenon of the post-industrial society]. Moscow: Editorial URSS, 2005. 352 p.
8. Marks K. *Jekonomicheskoe-filosofskie rukopisi* [Economic-philosophic Manuscripts]. *Sobranie sochinenij* [Collection of works]. T. 42. Moscow: Politizdat, 1974. pp. 41–174.
9. Markuze G. *Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva* [Eros and Civilization. One-dimensional Man: A Study of the ideology of advanced industrial society]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 526 p.
10. Fromm Je. *Po tu storonu poraboshhajushhih nas illuzij. Kak ja stolknulsja s Marksom i Frejdom* [Beyond the Chains of Illusion: My Encounter with Marx and Freud]. Moscow.: AST, 2010. 320 p.
11. Jeko. U. *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju* [Lack of structure. Introduction to semiology]. St. Petersburg: TOO TK «Petropolis», 1998. 432 p.
12. Shjuc A. *Sociologicheskie issledovanija*. 1988. № 2, pp. 129–137.
13. Antony Michael V. Concepts of consciousness, kinds of consciousness, meanings of 'consciousness'. *Philosophical studies*, vol. 109, no 1 (2002): 1–16.
14. Beresneva N.I., Beresnev V.D. Subjectivism in artistic consciousness. *Paradigmata poznani*, no 3. (2015): 13–20.
15. Brinkmann Klaus. Consciousness, self-consciousness, and the modern self. *History of the human sciences*, vol. 18, no 4 (2005): 27–48.
16. Grosz B.J., Kraus S., Sullivan D.G., Das S. The influence of social norms and social consciousness on intention reconciliation. *Artificial Intelligence*, vol. 142, no 2 (2002): 147–177.
17. O'Connor E, Friel S, Kelleher C. Fashion consciousness as a social influence of lifestyle behavior in young Irish adults. *Health promotion international*, vol. 12, no 2 (1997): 135–137.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Рыжонина Наталья Александровна, аспирант кафедры теории и практики социальной работы

*Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская область, 440026, Рос-
сийская Федерация
nryzhonina@mail.ru*

Лыгина Марина Аркадьевна, профессор кафедры теории и прак-
тики социальной работы, доктор философских наук
*Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская область, 440026, Рос-
сийская Федерация
marina_174@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ryzhonina Natal'ja Aleksandrovna, Post-Graduate Student, Depart-
ment of Theory and Practice of Social Work
*Penza State University
40, Krasnaya Str., Penza, Penzenskaya oblast, 440026, Russian
Federation
nryzhonina@mail.ru*

Lygina Marina Arkadevna, Professor, Department of Theory and prac-
tice of social work, Ph. D. in Philosophy
*Penza State University
40, Krasnaya Str., Penza, Penzenskaya oblast, 440026, Russian
Federation
marina_174@list.ru*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-225-243

УДК 323.1

ОТКРЫТОЕ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК АЛЬТЕРНАТИВА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ

Алексеев Д.В.

Статья посвящена актуальной в современных условиях глобализации проблеме интеграции культурных и этнических меньшинств в европейское общество. Кризис политики мультикультурализма, отмечавшийся ведущими европейскими политиками и социологами еще с 2011 г., вызывает потребность в теоретическом осмыслении причин явления, равно как и поднимает вопрос об адекватности даваемых ранее оценок мультикультурализма.

Цель – проанализировать происхождение и ключевые положения плюрализма и мультикультурализма на основе работ современных западных политологов и философов, в частности, Джованни Сартори – итальянского и американского политолога и философа, одного из крупнейших критиков мультикультурализма.

Метод и методология проведения работы. Автор использует сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В ходе проведенного исследования раскрываются причины провала политики мультикультурализма, вызывающей расчленение общества на закрытые группы и ставящие под угрозу национальную идентичность. В качестве альтернативы выдвигается идея построения открытого плюралистического общества,

основанного на согласованности и сбалансированности разногласий и различий, но не подразумевающего ассимиляции.

Область применения результатов. *Материалы данного исследования могут быть использованы при разработке методов решения политических проблем, в частности сохранения идентичности национального государства, вызванных ростом потока нелегальной иммиграции в Европе, а также в дальнейшей научно-исследовательской работе, связанной с изучением современных тенденций глобализации и интеграции.*

Ключевые слова: *плюрализм; толерантность; открытое общество; интеграция; мультикультурализм; дифференцированное гражданство.*

OPEN PLURALISTIC SOCIETY AS ALTERNATIVE TO MULTICULTURALISM

Alekseev D. V.

The article is devoted to the topical in the modern globalization context problem of integration of cultural and ethnic minorities in European society. The crisis of the policy of multiculturalism noted by leading European politicians and sociologists as early as 2011, creating the need for a theoretical understanding of the causes of the phenomenon and the adequacy of earlier estimates of multiculturalism.

Purpose – *to analyze the origin and key provisions of pluralism and multiculturalism based on the works of contemporary Western political scientists and philosophers, in particular Giovanni Sartori, Italian and American political scientist and philosopher, one of the largest critic of multiculturalism.*

Methodology. *The basic of research is the comparative historical and problem-chronological methods.*

Results. *During the course of the study are revealed the reasons for the failure of multiculturalism, which ghettoises and closes off identities results in open society breakes down and subdivides into closed communities, endangering national identity. As an alternative it is suggested*

the idea of an open pluralistic society, which seeks to reduce and harmonizes differences, but without the goal of assimilation.

Practical implications. *The results of the study can be applied to develop methods to solve political problems, in particular the preservation of national identity, caused by the growth of the illegal immigration flows in Europe, and in further research work related to the study of contemporary trends in globalization and integration.*

Keywords: *pluralism; open society; tolerance; integration; multiculturalism; differentiated citizenship.*

Миграционный кризис в Европе еще более обострил проблемы межэтнического и межкультурного взаимодействия. Если тридцать лет назад мультикультурализм рассматривался как способ решения социальных проблем и средство борьбы с сепаратизмом, то сегодня растет число людей, связывающих с ним нарастающие проблемы в обществе. Критики мультикультурализма полагают, что Европа приняла слишком много иммигрантов, не требуя от них интеграции, что привело к разрушению социального единства, подрыву национальной идентичности и резкому снижению общественного доверия. Кульминацией сложившихся противоречий стали события 2015 г., когда поток иммигрантов в Европу превысил 1 млн человек, не смотря на то, что еще в 2011 г. лидеры нескольких европейских стран – Германии, Великобритании, Франции, Испании и Нидерландов – а также генеральный секретарь Совета Европы Турнбьёрн Ягланд заявляли о крахе мультикультурализма в Европе. Обострение противоречий в обществе способствовало успехам крайне правых партий и политиков-популистов по всей Европе – от «Партии свободы» в Нидерландах до Национального фронта во Франции [2], призывающих отменить политику мультикультурализма и вернуться к идее поддержки титульной нации государства и ограничения прав иммигрантов.

Для того, чтобы осознать смысл и оценить последствия происходящих событий и выработать адекватное решение, необходимо понимать суть концепции мультикультурализма. Мультикультурализм возник как проект политики содействия культурному плюра-

лизму, сущностью которой является противопоставление групповых (расовых, этнических, религиозных, культурных) ценностей ценностям общенациональным. Основная проблема, стоящая перед мультикультурализмом, – это объединение концепции справедливости и приоритета прав человека, на которых строится гражданство в либеральном обществе, с правами национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств.

Джованни Сартори, итальянский и американский политолог, философ и социолог, противопоставлявший идеи открытого плюралистического общества и мультикультурализма, в своей работе «Плюрализм, мультикультурализм и иностранцы» писал: «мультикультурализм означает расчленение плюралистического общества на замкнутые подгруппы и, в конечном счете, ставит под угрозу политическую модель и идентичность Европы» [10, с. 127]. Его книга, хотя и не опубликованная на английском языке, вызвала ожесточенные дискуссии и критику политики мультикультурализма в Италии и Испании, где была издана в начале 2000-х гг. [5].

Противопоставление закрытого и открытого общества было впервые сделано Карлом Поппером в 1945 г. в работе «Открытое общество и его враги» [4], в которой был сформулирован вопрос: если общество не является закрытым, то до какой степени открытое общество должно быть «открытым» без угрозы разрушения как общества, без паразитирования и потрясений?

Сартори, подчеркивая, что плюралистическое общество – это открытое общество, не только анализирует его проблемы, связанные с возрастающим потоком иностранцев с иной культурой, религией и отличных этнически, но и ставит вопрос о способах их интеграции. Чтобы ответить на него, Сартори использовал концепцию плюрализма, объясняющую систему ценностей и механизмы, исторически сформировавшие свободное открытое либеральное общество [10, с. 12].

Плюрализм и свободное общество

Исторически идея плюрализма была связана с рождением концепции толерантности и ее постепенного принятия в XVII в. во

время религиозных войн. Толерантность не является и не предполагает безразличия. Проявлять толерантность – это иметь собственные убеждения и принципы, которые считаются правильными, и вместе с тем допускать, что другие имеют право придерживаться иных убеждений. При этом терпение не является и не может быть неограниченным. «Толерантность всегда находится в напряжении и никогда не бывает полной. Если для человека что-то важно, то он будет пытаться защищать свои ценности, но не будет делать это любой ценой» [8, с. 296–301]. Степень «эластичности» толерантности определяется на основании принципов «отсутствие вреда», т. е. мы не обязаны терпеть поведение, которое наносит нам ущерб или вред, и обоюдности – будучи терпимыми к другим, мы надеемся что они, в свою очередь, будут терпимы к нам [10, с. 32].

Очевидно, что толерантность и плюрализм являются разными понятиями, но они неразрывно связаны между собой, поскольку плюрализм предполагает терпимость, утверждая, что разнообразие и разногласия – это ценности, которые обогащают личность и ее политическое окружение.

Когда понятие «плюрализм» было сформулировано, и позднее, в XX в. (Д. Коул и Г. Ласки), включено в политический словарь, то за основу его концепции была взята теория корпоративного права, разработанная О. Гирке. Отправной точкой теории плюралистической демократии является положение о том, что государство будет демократическим лишь при наличии множества организаций, автономных групп, участвующих в осуществлении власти. Возникновение идей политического плюрализма связано с усложнением социальной структуры, появлением многопартийности.

В американской политологической версии плюрализм ассоциируется с американским социологом и политологом Артуром Бентли, в работе которого «Процесс управления» («Process of Government») 1908 г. была предложена теория групп интересов [1].

Полемизуя с американскими политиками, Сартори утверждает, что плюрализм не сводится лишь к групповым интересам, и предлагает рассматривать его на нескольких уровнях анализа – как

систему взглядов, как социальный плюрализм и как политический плюрализм [10, с. 28].

На уровне системы взглядов можно говорить о плюралистической культуре как о секуляризованной культуре. Рассматривая социальный плюрализм, Сартори подчеркивает, что не следует путать его с социальной дифференциацией. Плюрализм не является единственным и простым эквивалентом понятия «структурная сложность» – это особый тип социальной структуры.

В политике термин «плюрализм» указывает на диверсификацию власти (в терминологии Роберта Даля – «открытая полиархия»), основывающуюся на множестве групп, являющихся одновременно независимыми и неисключительными, которые политический плюрализм преобразует в партии.

Но плюралистическое общество – это не только разнообразие политических мнений. Общество действительно плюралистично, прежде всего, когда и в какой степени оно располагает развитой системой разнообразных, хорошо организованных экономических, политических, профессиональных, социальных и всевозможных других групп, по определению пребывающих в сложных взаимоотношениях сотрудничества и соперничества.

Если рассматривать структурную конфигурацию плюрализма, то необходимо отметить, что простое фрагментирование общества не делает его плюралистическим. И плюрализм – это не только общество «множества сообществ». Плюрализм подразумевает, что эти сообщества должны быть добровольными (а не по праву рождения) и непривилегированными, т.е. открытыми для вступления большинства.

Плюрализм работает, если разграничения, разногласия, расхождения нейтрализуются и нивелируются за счет множественных принадлежностей различным сообществам, за счет повышения структурной связности общества. Если общество структурно разделяется на слабо связанные между собой группы, «наслаивающиеся» и усиливающие друг друга (например, группы, чья идентичность основана одновременно на этнических, религиозных и языковых характеристиках), то принципы плюрализма перестают работать [10,

с. 46]. В этом случае мир и социальное сосуществование будет обеспечиваться за счет консоциативных механизмов, которые используются в регионах с ярко выраженной социальной фрагментацией (Скандинавские страны, Нидерланды, Бельгия). Консоциативные политические системы предполагают существование правительства большой коалиции, предоставление автономия для различных сегментов общества, пропорциональную избирательную систему, вето меньшинства. Но социальный мир находится в опасности, когда «закрытые» сообщества становятся захватническими и агрессивными.

В какой степени плюрализм расширяет и разнообразит понятие общества? Или, иначе, что берут друг у друга плюрализм и общество? Как они соотносятся? Может ли выжить общество, если оно разбито на подобщества, которые оказываются в действительности антиобществами, отвергающими правила, на которых основывается коллективное сосуществование?

Может ли плюралистическое общество, как в США, служить в качестве модели для Европы при трансформации национальных государств в многонациональные? Нет, поскольку проблемы, решаемые в США, отличаются от тех, с которыми сталкивается Европа сегодня. Новый Свет – это мир «вновь прибывших», плавильный котел (рас и языков), который работал на протяжении более ста лет и в общей сложности для 100 млн иммигрантов, и работал блестяще. Тем не менее, если бы мультикультурализм существовал тогда, когда формировалась «американская нация», первая новая нация никогда не была бы рождена [7], и Соединенные Штаты сегодня, скорее всего, представляли бы общество балканского типа.

«Вновь приехавшие» в последнее время в Европу сделали это в совершенно других условиях, чем когда зарождалась американская нация. Соединенные Штаты не были рождены как нация, которая принимает и поглощает другие народы, – это образующая «нация национальностей». И наоборот, европейские государства образованы нациями, которые встречаются с противоборствующими нациями, со все более многочисленными потоками иммигрантов, которые отрицают их национальную идентичность. И

поэтому, американский прецедент не поможет Европе справиться с этой проблемой.

Спектр реакций к новоприбывшим разнообразен и сложен. Во многих случаях реакция в основном касается защиты рабочих мест и заработной платы. Это проблема обычно относится к иммигрантам из Восточной Европы. Затем идут случаи «ксеностраха», вызывающие ощущение незащищенности и потенциальной угрозы. Наконец, мы встречаемся с реакцией отторжения (ксенофобия). В частности, ксенофобия в Европе сегодня распространяется на африканских и исламских иммигрантов. Сартори справедливо замечает, что невозможно объяснить ксенофобию только неприятием расовых типов, поскольку в этническом плане азиаты и индусы отличаются от европейцев не меньше, чем африканцы, но, тем не менее, не вызывают реакции отторжения, даже там, где сейчас они многочисленны. Следует также отметить, что азиаты ассимилируются не в большей степени, чем африканцы. Отсюда Сартори делает вывод, что европейская ксенофобия, направленная на выходцев из стран Африки и Ближнего Востока, обусловлена исповедуемой ими религией – исламом. То есть, речь идет, прежде всего, о реакции культурно-религиозного отвержения.

Азиатская культура также очень далека от западной, но все-таки остается «светской» в том смысле, что она не характеризуется каким-либо фанатизмом или религиозной воинственностью, в отличие от исламской культуры. И даже тогда, когда фанатизм отсутствует, остается в силе теократичное видение исламского мира, не принимающего разделение церкви и государства, политики и религии, тогда как именно на этом разделении, закреплённом конституционно, основана западная цивилизация. Точно так же закон Корана не признает права человека в качестве индивидуальных, универсальных и нерушимых, являющихся еще одной фундаментальной основой либеральной цивилизации. Запад не видит исламский мир как «неверный». Но для исламского мира Запад является именно таковым.

В какой степени плюралистическая толерантность должна уступать не только «чужим культурам», но также открытым и агрессивным «вражески настроенным культурам»? Должен ли плюрализм признать

собственную несостоятельность, разрушение плюралистического общества? Существует граница, за которую плюрализм не может и не должен выходить. Эту границу определяет принцип взаимности или обоюдности, согласно которому получающий выгоду (приходящий), признаваемый в качестве выгодоприобретателя по отношению к принимающему, признает и свои обязанности. Плюрализм подразумевает совместное сосуществование в условиях компенсации, баланса. Вхождение в плюралистическое общество, это как одновременно приобретение и предоставление. Иностранцы, не желающие давать ничего взамен за то, что они получают, намеренные оставаться «чужими» для сообщества, в которое вступили, вплоть до отрицания, по крайней мере, частичного, его принципов, неизбежно провоцируют реакции отторжения, страха и враждебности. Должно ли и может ли существовать бесплатное гражданство, выданное в обмен на ничего? Очевидно, что нет. Гражданин, который «против», который является антигражданином, неприемлем. Таким образом, плюралистическое общество может быть открытым лишь до такой степени, при которой различия и неоднородность взаимно уважаются.

Мультикультурализм и расчлененное общество

Плюрализм и мультикультуренность не являются по определению противоположными понятиями. Если под мультикультурализмом понимается фактическая ситуация, при которой просто фиксируется существование множества культур, то мультикультурализм не представляет никаких проблем для плюралистического мировоззрения. В этом случае мультикультурализм является лишь одним из возможных исторических конфигураций плюрализма. Но если мультикультурализм рассматривается как ценность, и ценность приоритетная, тогда ситуация меняется на противоположную, поскольку в этом случае плюрализм и мультикультурализм внезапно вступают в противоречие.

Плюрализм подразумевает по определению различие и разделение, но не исключает комунитаристских тенденций, и, следовательно, обеспечивает ту степень ассимиляции, которая необходима для создания интеграции.

Мультикультурализм в более ранней своей версии соответствует критериям плюрализма. Но в сегодняшней доминирующей версии мультикультурализма преобладает антиплюрализм. Термин *E Pluribus Unum* (из многих единое) обобщает позицию плюрализма. Термин *E Pluribus disiunctio* (из многих расчлененное) может или мог бы кратко отразить результаты мультикультурализма.

Американские либералы, защищающие мультикультурализм, говорят о политике признания. Но при этом забывают указать, что в плюралистическом контексте постулируется взаимное признание. Признание, которое получает взамен радикальное непризнание, антиплюралистично.

На сегодняшний день превалирует мультикультурализм, который, хотя и по-прежнему связывается с этническими признаками, однако носит отпечаток «культуры». Очевидно, что мультикультурализм как понятие, отражающее существование в мире огромного множества языков, культур и этнических групп (порядка пяти тысяч) сам по себе является настолько очевидным, что не нуждается в специальном определении. Таким образом, «мультикультурализм» является сегодня словом-носителем идеологии, идеологического проекта.

Ч. Тэйлор, основоположник теории мультикультурализма, исходит из того, что Запад, ныне доминирующий в мире, должен признать «культурное разнообразие» как в рамках своей цивилизации, так и за ее пределами. Основной тезис Ч. Тэйлора заключается в том, что «наша идентичность формируется за счет признания, неполного признания или непризнания другими» [12, с. 25], и поэтому требование признания со стороны меньшинства или «зависимых» носит неотложный характер. Отсюда делается вывод, что «непризнание может нанести ущерб, может быть формой притеснения, которое заставляет вести маргинальный образ жизни» [12, с. 25]. Однако, как подчеркивает Сартори, невозможно рассматривать непризнание как притеснение, поскольку притеснение, в серьезном и точном смысле этого слова, – это лишение свободы. Непризнание вызывает крушение планов, депрессию и несчастье, но это не дает права говорить о притеснении, поскольку депрессия – это не угне-

тение. В случае политики признания не существует никакой дискриминации, против которой нужно принимать контрмеры, наоборот вводятся ограничения, ее создающие. Идентичность, которая подвергается дискриминации, в конце концов, пытается покончить со своим непризнанием и утвердить свое превосходство. Что приводит к состоянию войны всех против всех.

Остается выяснить, как внезапно разница становится проблемой, даже проблемой проблем. Каждый человек уникален и всегда отличается от любого другого (внешность, здоровье, таланты, интересы и т.д.). И это также верно и для более крупных групп. Тогда возникает вопрос, почему какое-либо различие становится важным, почему именно это различие, а не какое-то другое, воспринимается как важное? Почему для политики признания выбраны только некоторые различия, и именно они?

Мультикультуралистами приводится объяснение, что приоритет должен быть отдан тому, кто в наибольшей степени подвергался дискриминации. Но с течением времени в круг притесняемых были включены не только национальные меньшинства, но и женщины, предстатели ЛГБТ-сообществ и даже больные СПИДом. Логическая причина зачастую уступает практическим соображениям – все чаще принимаются в расчет различия, привлекающие к себе внимание СМИ и общества, различия, которые можно использовать в свою пользу или которые могут повредить экономическим интересам или интересам на выборах.

Так называемая политика признания не ограничивается «признанием»; на самом деле, она порождает и умножает восприятие различий в умах. К этому следует добавить, что политика признания не только порождает возможные идентичности, но и обособляет их в гетто и замыкает самих в себе. А. Шлезингер [11] и М. Янг [14] выступают за идеал системы «изолированных» групп с одинаковыми полномочиями, которые не солидарны друг с другом, но признают право друг друга преследовать различные цели и вести различный образ жизни.

Вместе с тем политика признания подразумевает нарушение всеобщности и всеохватности закона, вводя секционные законы, пред-

усматривающие исключения и тем самым «неравное обращения», приводящее к дифференциации и разделению идентичностей. Но политически и юридически человек свободен только тогда, когда подчиняется обезличенным общим законам, это утверждал еще Цицерон, говоря, что «мы должны быть рабами законов, чтобы стать свободными».

Мультикультурализм утверждает, что «кроме индивидуальных прав человек должен воспользоваться преимуществами прав, получаемых в соответствии с его принадлежностью к культурному меньшинству» [6]. По мнению У. Кимлика [3, с. 435], меньшинства должны иметь особые права, чтобы защитить свою культуру, поскольку некоторые меньшинства по-прежнему чувствуют себя маргинализированными, несмотря на обладание общими гражданскими правами. В связи с этим они требуют новой формы гражданства – так называемого «дифференцированного гражданства» по определению М. Янг [15].

Принцип гражданства создает равных граждан, граждан, равных в своих правах и обязанностях. И, наоборот, без равноправных граждан не может существовать гражданства. Это означает, помимо всего прочего, что гражданство предполагает нейтралитет государства по отношению к культурной или этнической самобытности своего народа.

Права граждан являются таковыми потому, что они одни и те же для всех [9, с. 321–324]. Основным условием гражданства, которое учреждает «свободного гражданина», является одинаковая всеохватность. И наоборот, дифференцированное гражданство превращает одинаковую всеохватность в неравное разделение.

Иммиграция и интеграция

Человек, прибывающий из другой страны и являющийся гражданином другого государства, является иностранцем. Слово «иностраный» семантически связано со словом «странность». Т.е. иммигрант имеет в глазах принимающего общества, некие отличия, дополнительную или избыточную инаковость. Эту дополнительную

инаковость можно упрощенно разбить на четыре категории: 1) язык, 2) обычаи, 3) религия, 4) этнос. И первые две категории сильно отличаются от последних. Первые две из них могут быть переведены в разряд преодолимых «странностей» (если мы захотим их преодолеть); две последних, однако, относятся к абсолютным «странностям» [10, с. 108].

Иммиграционная политика подразумевает интеграцию, но интеграцию кого, как и зачем? В течение двух столетий Европа экспортировала эмигрантов, но не импортировала их. Эмиграция была связана с ускорением роста населения, а также с тем, что европейцам было предложено бесплатно уютное место в Новом Свете. Вместо этого, сегодня Европа импортирует иммигрантов, отчасти причиной иммиграции является разрыв в уровнях экономического и социального развития между Севером и Югом. Но причиной увеличения давления на Европу со стороны афро-арабского мира является не только одна бедность. Африка является бедной, очень бедной, и всегда была такой; Ближний Восток также уже давно является областью высокого уровня бедности (за исключением некоторых регионов). Таким образом, бедность является постоянной составляющей. Она усилилась в первую очередь из-за демографического взрыва. Переменной составляющей, с помощью которой лучше всего объяснить рост потока иммиграции, является перенаселение. И проблема не может быть решена, ни даже ослаблена, за счет приема большего числа иммигрантов.

Допустим, несмотря на протесты мультикультуралистов, что интеграция продолжает оставаться целью, но как ее достичь? Правительство предлагает единственный выход – превратить иммигрантов в граждан, т.е. предоставить гражданство. Идея заключается в том, что гражданство объединяет и, чтобы интегрироваться, достаточно получить гражданство. К сожалению, это не всегда правильно. Политика предоставления гражданства всем без оглядки – это не просто провал политики, а к тому же и политика, которая усугубляет и превращает во взрывоопасную проблему, которую необходимо решать [10, с. 110].

Интеграция, очевидно, зависит от того, кого интегрируют. И если иммигранты очень различны по своей природе, то для их интеграции не существует единственного рецепта. Обращаясь к приведенной ранее классификации, встает вопрос: возможно ли иммигрантов 3 или 4 типа, различающихся по религиозной или этнической принадлежности, интегрировать так же, как и иммигрантов 1 и 2 типа, говорящих на другом языке или имеющих иные обычаи? Нет, это невозможно. И эта невозможность увеличивается, если иммигрант принадлежит к фидеистской (утверждающей главенство веры над разумом) или теократической культуре, которая не разделяет светское и религиозное государство и идентифицирует гражданина с верующим. В западных странах человек является гражданином по происхождению, по *ius sanguinis* – по праву крови (как правило, в старых странах), или *ius soli* – по месту рождения (как правило, в новых странах, странах иммигрантов). Вместо этого, мусульманин признает гражданство *optimo iure* только по отношению к верующим, и это гражданство контекстуально связано с подчинением законам Корана.

В любом случае, дело заключается в том, что интеграция происходит только при условии, что тех, кто интегрируется, принимают и считают желательными, а те, в свою очередь, готовы интегрироваться. Гражданство, предоставляемое неинтегрируемым иммигрантам, приводит не к интеграции, а к дезинтеграции. Предоставить гражданство тому, кто пользуется личными преимуществами и правами, но не чувствует себя обязанным участвовать в их создании, означает создать дифференцированное гражданство, которое может «балканизировать» плюралистическое общество [10, с. 112].

В отличие от афроамериканцев США африканцы, высадившиеся в Италии и Франции, как правило, не являются христианами, их язык не является родным и этнокультурные различия несоизмеримо больше. Иммигранты, не являющихся выходцами из стран ЕС, в первую очередь интегрируются в этнические закрытые сети (для них и их детей) взаимной помощи и защиты. А потом, когда сообщество выходцев из стран третьего мира достигает критической массы, открывается перспектива – не без помощи мультикультура-

лизма, – начинающаяся от отстаивания прав на свою собственную культурно-религиозную идентичность и заканчивающаяся нападением на своих предполагаемых притеснителей (местных жителей).

Тезис в защиту проекта закона об иммиграции основан на том, что политика дискриминации и сегрегации питает социальную напряженность и бунты. Но их причиной редко являются те, кто въезжает в страну на законных основаниях. Они вызываются или усугубляются теми, кто проникает нелегально. К этому следует добавить, что незаконное проникновение не оздоравливается, в сущности, последующей легализацией.

Проблема чуждости возникает не только из-за культурных различий, которые являются связующим звеном между принимающим и приезжающим населением, но также из-за масштаба иммиграции. 10% иностранного населения представляет собой то количество, которое можно принять; 20% процентов – вероятно, нет; а 30% почти наверняка встретит сильное сопротивление. Сопротивление означает «расизм»? Но если это так, тогда вина за него ложится на тех, кто его создал.

Мультикультурализм и плюрализм

Плюрализм никогда не был «проектом». Он возник и развивался в ходе исторического процесса. И хотя это мировоззрение позитивно оценивает разнообразие, но оно не является «создателем разнообразия». Мультикультурализм – это проект в точном смысле этого слова, так как он предлагает новое общество и план его реализации. И в то же самое время мультикультурализм является искусственным создателем разнообразия, поскольку его задача заключается в том, чтобы сделать различие видимым и усилить его, и, таким образом, достичь его приумножения.

Мультикультурализм – это не продолжение и расширение плюрализма, а отрицающая его инверсия. Особенно в двух отношениях. Первое касается связи между плюрализмом, добровольными объединениями и группами «по принадлежности». Ш. Уолин подчеркивал, что плюрализм применяется к добровольным ассоциациям, принадлежность к которым не обязательна, а неоплюрализм (мультикультурализм) – к вынужденным объединениям, особенно по по-

ловым и расовым признакам, который нас обязывают, поскольку мы родились в них и мы с ними связаны [13].

Но дело не только в том, что плюрализм относится к добровольным объединениям, он способствует их возникновению и делает свободными. И наоборот, не все идентичности, о которых беспокоится мультикультурализм, являются «вынужденными». Это правда, что мы родились в рамках этих идентичностей, но неверно то, что мы навсегда с ними связаны. Например, мы может стать билингвами (и, следовательно, ничего не потерять и даже обогатиться). Мы также можем даже, если захотим, сменить религию, в которой родились. В свободном обществе – свободный выбор.

Плюрализм «освобождает» добровольные объединения, одновременно он освобождает или может освободить нас от так называемых вынужденных принадлежностей, принадлежностей от рождения. До той степени, до которой мы захотим. И разница, разделительная линия между плюрализмом и мультикультурализмом, состоит в том, что последний не предусматривает этого.

Плюрализм за счет организации многосвязного общества не укрепляет, а ослабляет идентичности, с которыми встречается, тогда как мультикультурализм создает «усиленные идентичности»; усиленные именно по совпадению и по перекрытию, например, языка, религии, этнической принадлежности и идеологии. Плюрализм проявляется в виде открытого общества, значительно обогащенного принадлежностями к различным сообществам, в то время как мультикультурализм означает расчленение плюралистического сообщества на закрытые однородные подгруппы [10, с. 33].

С любой точки зрения мультикультурализм рассматривается как исторический разрыв с гораздо более серьезными последствиями, чем кажется его приверженцам. На протяжении тысячелетий политические образования видели во внутреннем разделении угрозу для собственного выживания и стремились к уничтожению инакомыслия и разнообразия, в особенности религиозного. На протяжении века западная цивилизация живет в свободном пространстве, основанном на согласовании разногласий [10, с. 18]. Но это свободное пространство

остается таким именно потому, что эти два элемента сбалансированы и уравнивают друг друга. В то время как мультикультуралисты создают структурный дисбаланс, который заставляет перейти от согласования разногласий к «разногласиям без согласования».

Другой парадокс заключается в том, что проблема встает с ног на голову при переносе практики мультикультурализма из Северной Америки в Европу. В Новом Свете (США и Канада) речь идет о признании идентичности внутренних меньшинств; в Европе проблема, наоборот, состоит в том, чтобы сохранить идентичность национального государства при наличии внешней культурной угрозы, исходящей от прибытия очень отличающихся культур. В США сохранились те идентичности, которые притушились, пройдя через плавильный котел. В Европе, если идентичность приезжающих останется неизменной, то это может привести к утрате идентичности принимающей стороны, и те идентичности, которые сохраняются, будут или могут стать хозяевами.

Чрезмерная «идентичность» меньшинств может политизироваться и мобилизовываться в собственных интересах. Когда мультикультурализм касается меньшинств, культурно находящихся вне рамок западной цивилизации, есть опасность инициировать «столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону, но уже в рамках самих западных государств.

Список литературы

1. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М.: Издательство Перо, 2012. 408 с.
2. Кенан М. Крах мультикультурализма. Общины против общества в Европе // Foreign Affairs. 2015. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Krakh-multikulturalizma-17450> (дата обращения: 03.05.2017).
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / Пер. Садовский В.Н. и др. М: Международный фонд «Культурная инициатива». Soros Foundation (USA), 2009. 333 с.

5. Хенкин С.М. Мультикультурализм в испанской политике: дискуссии и линии размежевания // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 140–165. URL: <http://mognovse.ru/qho-aktualenie-problemi-evropi-20114-s-140-165-muletikuletural.html> (дата обращения: 03.05.2017).
6. Gianni M. Cittadinanza Differenziata e Integrazione Multiculturale // Rivista Italiana di Scienza Politica. 1997. № 3, pp. 495–518.
7. Lipset S. M. The First New Nation, New York: Basic Books, 1963. 366 p.
8. Lucas J.R. The Principles of Politics, Oxford: Clarendon Press, 1985. 396 p.
9. Sartori G. Que es la democracia? Madrid: Taurus, 2001. 483 p.
10. Sartori G. La sociedad multiétnica. Pluralismo, multiculturalismo y extranjeros. Madrid: Taurus, 2001. 133 p.
11. Schlesinger A. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. New York: Norton, 1992. 160 p.
12. Taylor Ch. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton: Princeton University Press, 1992. 59 p.
13. Wolin S. Democracy, Difference and Re-cognition // Political Theory. 1993. vol. 21. №3, pp. 464–483. URL: <http://www.jstor.org/stable/191799> (дата обращения: 24.04.2017).
14. Young M.I. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 p.
15. Young M.I. Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship // Ethics. 1989. Vol. 99. № 2, pp. 250–274.

References

1. Bentli A. *Protsess gosudarstvennogo upravleniya. Izuchenie obshchestvennykh davleniy* [Process of Government. A Study of Social Pressures]. M.: Izdatel'stvo Pero, 2012. 408 p.
2. Kenan M. *Foreign Affairs*, no 2 (2015). <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/failure-multiculturalism> (accessed 03.05.2017).
3. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [Contemporary Political Philosophy: An Introduction]. M.: Izd. Dom Gos. Unta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2010. 592 p.
4. Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. M: Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa». Soros Foundation (USA), 2009. 333 p.

5. Khenkin S.M. *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe], no 4 (2011): 140–165. <http://mognovse.ru/qho-aktualenie-problemi-evropi-20114-s-140-165-muletikuleturnal.html> (accessed 03.05.2017).
6. Gianni M. *Rivista Italiana di Scienza Politica*, no 3 (1997): 495–518.
7. Lipset S. M. *The First New Nation*. New York: Basic Books, 1963, 366 p.
8. Lucas J.R. *The Principles of Politics*, Oxford: Clarendon Press, 1985. 396 p.
9. Sartori G. *Que es la democracia?* Madrid: Taurus, 2001. 483 p.
10. Sartori G. *La sociedad multiétnica. Pluralismo, multiculturalismo y extranjeros*. Madrid: Taurus, 2001. 133 p.
11. Schlesinger A. *The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society*. New York: Norton, 1992. 160 p.
12. Taylor C. *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 59 p.
13. Wolin S. *Political Theory*. vol. 21, no 3 (1993): 464–483. <http://www.jstor.org/stable/191799> (accessed 24.04.2017)
14. Young M.I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 p.
15. Young M.I. Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship. *Ethics*. Vol. 99, no 2 (1989): 250–274.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Алексеев Дмитрий Владиславович, аспирант кафедры арабистики и африканистики
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, г. Москва, 117198, Российская Федерация
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alekseev Dmitry Vladislavovich, Postgraduate Student of the Department of Arabic and African Studies
People's Friendship University of Russia
10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1371-9172

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-244-261

УДК 316.455

ПРОФСОЮЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аносов С.С.

Цель. Целью данной работы является предварительный анализ некоторых направлений исследования института профсоюзов в российском обществе, определение наиболее значимых подходов, фиксация основных исследовательских тем, поднимаемых в связи с данным социальным феноменом.

Метод или методология проведения работы. Используются методы компаративного, институционального, структурно-функционального, и, отчасти, исторического анализа. В целом, используемые методы обусловлены тем или иным анализируемым подходом, задающим конкретную методологию анализа.

Результаты. Продемонстрировано, что феномен профсоюзов продолжает активно исследоваться в общественных науках, что связано с необходимостью переосмысления роли и значения «раннеиндустриальных» институтов в современном обществе. Показано, что эвристическими инструментами при рассмотрении данного института выступают следующие темы: функциональность, как соответствие генерических, изначальных задач института и фактически исполняемых им функций; роль профсоюзов в социальной консолидации и интеграции, связанная с особенностями реализации в российском

обществе формулы «трипартизма», или социального диалога между государством, бизнесом и обществом, в котором профсоюзам отводится та или иная роль; институциональное доверие, выражающееся в той или иной степени социальной поддержки данного института и его легитимизации со стороны массового сознания. Также продемонстрировано, что одним из перспективных направлений исследований мог бы стать институциональный анализ профсоюзов на основании теорий, уделяющих внимание социокультурным и историческим основаниям институционального дизайна и развития.

Область применения результатов. *Полученные результаты могут быть применены при обосновании дальнейших исследований феномена профсоюзного движения в отечественном социуме, стать элементом учебно-методических материалов в образовательной практике, послужить в качестве одного из теоретико-методологических обоснований при формулировании и реализации стратегий социальной консолидации российского общества.*

Ключевые слова: *профсоюзы; социальный институт; российское общество; трипартизм; социальный диалог; доверие.*

THE TRADE UNIONS IN TODAY'S RUSSIA: SOME DIRECTIONS OF RESEARCH

Anosov S.S.

Purpose. *The purpose of this article is a preliminary analysis of some areas of research of the institute of trade unions in Russian society, the definition of the most significant approaches, and fixing of the main research topics raised in connection with this social phenomenon.*

Methodology. *Methods of comparative, institutional, structural-functional, and, in part, historical analysis were utilized. In general, the methods used are determined by the one or other of the approaches analyzed that in turn specify a specific analysis methodology.*

Results. *It is demonstrated that the phenomenon of trade unions continues to be actively studied in the social sciences, what is connected*

with the need to rethink the role and significance of the “early industrial” institutions in modern society. It is shown that the following topics are to be the heuristic tools for studying this institution: functionality, as compliance of generic, initial tasks of the institute and actually performed functions; the role of trade unions in social consolidation and integration, related to the peculiarities of the realization in Russia of the formula of “tripartism”, or social dialogue between the state, business and society, in which the unions have a role to play; institutional trust, expressed in varying degrees of social support for this institution and its legitimization on the part of mass consciousness. It was also demonstrated that one of the most promising areas of research could be the institutional analysis of trade unions on the basis of theories that pay attention to the sociocultural and historical foundations of institutional design and development.

Practical implications. *The obtained results can be applied in substantiating further studies of the phenomenon of the trade union movement in the domestic society, becoming an element of educational and methodological materials in educational practice, and serving as one of the theoretical and methodological grounds for formulating and implementing strategies for the social consolidation of Russian society.*

Keywords: *Trade unions; social institution; Russian society; tripartism; social dialogue; trust.*

Социальный институт профессиональных союзов в последнее время привлекает к себе все большее внимание в социальной науке, вероятно, как и всякий институт, доставшийся современному обществу в наследство ещё от ранней индустриальной эпохи, к которому неизбежно возникают вопросы в связи с реалиями сегодняшнего постиндустриального мира. Естественно, не избежало постановки этих вопросов и российское общество, причем, как исследовательские запросы, так и предлагаемые ответы характеризуются определенной неоднозначностью, связанной, на мой взгляд, с таким же состоянием в функциях, роли, и значении профсоюзов в условиях современного отечественного социума.

В частности, отмечают проблематичную роль профсоюзов авторы сборника «Профсоюзы на предприятиях современной России: возможности ребрендинга», которые на основании проведенного глубокого эмпирического исследования приходят к выводу, что принцип равноправия сторон социального партнерства в условиях современных отечественных реалий является фиктивным. Первую скрипку традиционно играют государственные органы, следующими по значимости выступают работодатели, профсоюзам же отводится последнее место. Отстаивание профсоюзами интересов работников далеко от эффективности, всякие переговоры трех сторон максимально формализуются, и сам институт трипартизма утрачивает свою действенность в формировании отношений в социально-экономической сфере [13].

К схожим выводам, и также на основании масштабного социологического проекта приходят и авторы другого исследования – «Профсоюзы и рабочий класс в современной России», по мнению которых «фактический дисбаланс власти в отношении профсоюза и менеджмента на предприятии, который проявляется в том числе в волонтаристской позиции директоров, «периферийной» роли профсоюзов и т.п. – одна из основных причин неэффективности социального партнерства на данном уровне» [12, с. 149].

Проблематика взаимодействия профсоюзов и граждан анализируется также с точки зрения вопросов социального диалога [8], политических ориентаций и идентификаций [2], социальной стратификации [10], собственно гражданского общества [3], особенностей формирования национального «коллективного капитала» [5], проблем построения действительно «социального государства» в нашей стране [14], сопоставительного анализа с зарубежными реалиями [16], и др.

Одним из наиболее естественных и эвристически обещающих, на мой взгляд, является рассмотрение феномена профсоюзного движения в России с точки зрения его значимости для социального партнерства и социального диалога в обществе. Разумеется, влияние первого (деятельность профсоюзов) на второе (социальная ин-

теграция) также неоднозначно и не лишено серьезных проблем. В частности, остается под вопросом, так сказать, естественность, или органичность сформировавшихся в отечественном социуме партнерских отношений между обществом, бизнесом и государством. В частности, М.В. Карелина замечает: «Характерной особенностью искусственно созданных отношений социального партнерства стало неравенство его сторон, состоящее в очевидном доминировании государства при слабости профсоюзов и отсутствии ответственного представительства работодателей» [6, с. 63].

Она особо подчеркивает то обстоятельство, что с формальной стороны все выглядит вполне цивилизованно и непротиворечиво: «Если ограничиться лишь анализом нормативной и публичной риторики, а также формальной регламентации процедур трехстороннего взаимодействия, сложно обнаружить какие-либо признаки депривации профсоюзов. Наоборот, во всех локальных документах, касающихся социального партнерства, провозглашается принцип равноправия и независимости сторон. В ходе подготовки региональных соглашений и заседаний областных ТК соблюдается паритетный принцип представительства. По оценкам профсоюзных экспертов, в процедурных вопросах особых барьеров для участия профсоюзов во всех этапах переговорного процесса не отмечается. С этой точки зрения создается иллюзия равновесных отношений субъектов социального партнерства» [6, с. 63]. Очевидно, что ключевое слово здесь – «иллюзия», а профсоюзы, как, впрочем, и ряд других структурных участников гражданского общества, выполняют свою роль лишь формально, если не сказать – символически. По всей видимости, именно осознание этой «символичности» и необязательности и лежит в основе слабой низовой поддержки профессиональных союзов, что, по словам Карелиной, в свою очередь «является главным фактором, который играет «на понижение» партнерского статуса профсоюзов. При этом ни отраслевые, ни территориальные профсоюзные структуры сегодня не способны выполнить консолидирующую роль, стать реальным лидером массового движения» [6, с. 67]. Разумеется, «массовое движение», активные формы социаль-

ного протеста, хоть и являются традиционным инструментом воздействия профсоюзов на работодателей и власть, в последнее время все более уступают методам инкорпорации профсоюзов в различные договорные структуры – примирительные комиссии, представительские советы и пр. С одной стороны, речь вроде бы идет об известной эволюции форм взаимодействия участников социального диалога в сторону большей цивилизованности, но с другой стороны, эти «новые» методы означают, пожалуй, в большей степени именно малую способность профсоюзов влиять на социально-экономические и политические реалии, что, опять же, связано, разумеется, все с той же слабой низовой поддержкой этих организаций.

Отсутствие поддержки является, разумеется, показателем отсутствия доверия, и последнее привлекает все более пристальное исследовательское внимание как один из ключевых факторов социального партнерства, социального диалога и социальной консолидации. По словам Л.Б. Москвина, – «Доверие и недоверие, так же как согласие и несогласие, – не абстрактные, а вполне конкретные и реально осязаемые людьми понятия. По своему содержанию они весьма многогранны. С одной стороны, эти понятия являются составляющими не экономики и социальной сферы, а психологии, с другой – оказывают непосредственное влияние на эффективность процессов социально-экономического развития» [11, с. 67]. Исследователь убедительно показывает, что доверие, являясь мировоззренческой позицией, выступает одновременно социально-психологической и политической установкой, что позволяет типологизировать данный феномен по двум основным разделам – личностное и неличностное доверие. Первое предполагает наличие доверительных отношений между конкретными людьми. Второе реализуется в политическом, социально-экономическом и правовом пространствах социума. «Личностное доверие базируется на жизненном опыте человека и возникает в результате его взаимодействия с государством, федеральными, региональными и местными органами власти, с другими людьми», в то время как неличностное, например, политическое доверие «выражается без

глубокого погружения в суть проблемы. ... Иными словами, политическое доверие включает в себя спектр мотиваций политической поддержки, объединенных одним общим свойством – в их основе лежит не опыт, а вера» [11, с. 68]. «Доверие» и «недоверие», доказывает ученый, являются структурными компонентами доминирующего в социуме общественного мнения «и являются производными от соотношения различных позиций граждан по тому или иному конкретному вопросу. Без доверия не могут успешно функционировать никакие партии, правительства, институты – ни экономические, ни политические, ни иные. Точно так же ни одна реформа, никакие серьезные преобразования не могут быть осуществлены без доверия и активного участия масс» [11, с. 68].

Профсоюзы являются одним из значимых социальных институтов, и вопрос доверия имеет к ним самое прямое отношение. Как известно, всякий социальный институт естественен по своему происхождению, но отчасти искусственен по своему существованию и функционированию. Естественен он потому, что не мог когда-то не возникнуть – сформировавшийся общественный запрос, определенная потребность вызвали к жизни соответствующий институт. Искусственен же он в силу того, что, как правило, не существует в первоизданном виде на протяжении веков, а идет вслед за общественными изменениями, раньше или позже реагирует на трансформации общественных требований к его структурам и функциям. Собственно, в этом – залог его жизнеспособности и востребованности. Недолжное исполнение институтом изначально приданных ему функций, или присвоение функций ему не свойственных, порождает институциональные структуры-девианты. Последние или корректируются сознательной общественной волей, или в итоге упраздняются. На мой взгляд, приписывание профсоюзам изначально не свойственной им воспитательно-образовательной роли является примером именно такого рода. Когда профсоюзы из медиатора и защитника превращаются в «школу коммунизма», как то было в советский период нашей страны, они неизбежно сталкиваются с эрозией своих генерических, родовых функций, вслед за чем столь

же неизбежно страдает и доверие, являющееся основой и залогом их полноценного существования. Другими словами, относительно такого института в обществе формируется антитеза доверия – сомнение, прежде всего, в их необходимости. И начиная с этой точки существования такого института может стать искусственным в подавляющей степени, что означает, что его жизнеспособность длится ровно столько, сколько будет существовать поддерживающая его политическая воля.

Доверие институтам государства и гражданского общества становится уже отдельной темой и линией исследования в общественных науках. Рассматриваются их основные задачи, анализируется характер исполнения таковых, изучаются их особенности применительно к различным общественным сферам [18]. Также исследуются возможности укрепления доверия данным общественным институтам со стороны индивида и членов организации [17].

Исследуется данный феномен и применительно к российской специфике. В частности, И.Н. Трофимова отмечает: «Институциональное доверие редуцирует растущую неопределенность и сложность современного общества, аккумулирует социальный капитал, способствует вовлечению граждан в общественно значимые практики. Причем институциональное доверие имеет большее значение, чем доверие отдельным политическим лидерам или государственным деятелям в силу большей устойчивости и преимущественно рациональной природы» [15, с. 68]. По ее мнению, в российском обществе институциональное доверие играет особую роль, что связано с довольно частой и резкой сменой политического курса, при которой складывается неопределенность ориентиров развития общества, что и послужило причиной его неравномерной стратификации и динамики, полной противоречий. Впрочем, как указывает ученый, и эмпирика и социальная теория сходятся в том, что определенный объем доверия существует в каждом обществе, и характеризуется, как правило, именно неравномерным распределением, как между социальными группами, так и относительно отдельных институтов.

Проблема доверия в отношении государственных структур и инициатив исследовалась О.А. Кармадоновым в контексте проблематики эмпатии, или чувства сопричастности граждан осуществляемым руководством страны преобразованиям. Социолог анализировал восприятие государственных программ развития страны, новых социальных и экономических институтов, идентификации граждан с новыми политическими институтами и с политическими фигурами. Вывод, к которому пришел исследователь, указывает на слабость векторов позитивной сопричастности людей к данным структурам. По полученным им данным, уровень макросоциальной консолидации российского общества представляется неудовлетворительным, что выражается через степень социальной идентификации с ведущими политическими фигурами, программами общественного развития, социально-экономическими и политическими институтами. Исследователем фиксируется практически полное отсутствие эмпатии к субъектам государственной власти и институтам, обеспечивающим проведение в жизнь их инициатив. По его мнению, дефицит эмпатии на макросоциальном уровне является столь же опасным, как и на уровне микросоциальных отношений. «Положение ещё более усугубляется тем обстоятельством, что системы базовых общественных отношений отечественного социума, фактически, не санкционированы доминирующими нормами, что вынуждает всех нас жить и мыслить пресловутыми «двойными стандартами». Одновременно, становится ясным, что эмпатическое санкционирование может распространяться только на приемлемое – как с точки зрения идентификации, так и с точки зрения нормы. Очевидно, что без должного уровня эмпатии и социальной комплементарности и должного уровня соответствия между нормой в представлениях и нормой в социальной фактичности не может сформироваться необходимое социальное самочувствие, которое призвано обеспечить успех социально-экономического развития и собственно проекта модернизации нашей страны» [7, с. 24].

В свою очередь, И.Н. Трофимова на основе результатов социологического исследования рассматривает проблемы доверия публич-

ным институтам в современной России, анализирует структуру и динамику доверия в контексте происходящих в нашем обществе событий и процессов. Исследователь отмечает низкий уровень доверия большинству институтов, за исключением Президента, причем профсоюзы находятся в таком ранжировании на одном из последних мест – им доверяют всего 24% опрошенных россиян, – меньше только у судебной системы (22%) и политических партий (15%). Исследователь в этой связи справедливо замечает: «Для российского общества характерна внешняя выраженность доверия таким институтам, как глава государства, правительство, армия и церковь, что в известной степени компенсирует низкое доверие другим институтам и удерживает его от окончательного распада. Однако большая часть насущных потребностей и интересов граждан связана с институтами, представляющими возможность реализации частных интересов – суд, органы местного самоуправления, политические партии, профсоюзы, общественные организации, доверие к которым в обществе не высоко. Все это опровергает мнение о высокой сплоченности российского общества вокруг общегосударственных интересов и заставляет обратить внимание на признаки все большей концентрации доверия в рамках неформальных и даже теневых институтов, что является угрозой национальной безопасности и стабильности существующего порядка» [15, с. 74]. Нельзя, на мой взгляд, не согласиться с тем выводом автора, что в условиях продолжающегося кризиса и роста социальной тревоги неизбежно происходит снижение доверия не только государственным институтам, но и институтам, изначально призванным обеспечивать взаимодействие между государством и обществом. Факт низкого доверия профсоюзам свидетельствует, по мнению ученого, о серьезном разочаровании в возможности самоорганизации и согласования интересов даже на уровне собственных трудовых коллективов.

Наличие доверия говорит о возможности социального партнерства, соответственно, его отсутствие указывает на потенциальный источник социальной конфронтации. Именно так к данной проблеме подходят К.Н. Калашников и В.В. Шаров, которые анализируют

проблемы взаимодействия наёмных работников и работодателей в РФ на основе социально-экономической статистики, оценок экспертов и результатов социологических опросов. По мнению указанных исследователей, основными причинами проблем трудовых отношений в российском обществе сегодня являются, во-первых, сложная экономическая конъюнктура, и, во-вторых, правовой нигилизм работодателей, которые часто попросту игнорируют положения трудового кодекса РФ и условия коллективных договоров. В силу того, что трудовой конфликт и забастовка требуют значительных затрат времени и сложных скоординированных действий, работники пытаются защитить свои социально-трудовые права другими способами, в числе которых предупредительные обращения в адрес работодателей, а также петиции в органы исполнительной власти. По словам социологов, – «непосредственное обращение в государственные инстанции, правоохранительные органы в современных условиях – значительно более эффективный способ привлечь нанимателей к ответственности, чем “процедурный диалог” с ними. Функции профсоюзов как арбитров в разрешении споров между нанимателями и наёмными работниками вряд ли можно оценить однозначно. Сила профсоюзного движения снижается во всём мире и Россия не исключение. Об этом свидетельствует устойчивый отток членов из профсоюзных рядов, а также сокращение числа первичных организаций» [4, с. 79]. Отток членов профсоюза действительно впечатляет. По приводимым авторами данным, «Если в 1992 г. численность членов профсоюзов в рамках ФНПР достигала 65 млн человек, то к 2016 г. она сократилась примерно до 20,7 млн, то есть в 3 раза. ...Эксперты называют различные причины этих колоссальных потерь, включая снижение объемов производства, ликвидация и реорганизация предприятий, сокращение рабочих мест, привлечение иностранной рабочей силы, нежелание платить профвзносы, недостаточная активность профорганизаций по работе с молодёжью, по вовлечению работников в профсоюзы и созданию первичных профорганизаций на предприятиях. Среди причин утраты влияния профсоюзов и **общее недоверие** (выделено мною – С.А.) россиян к

ним. Так, деятельность профсоюзов одобряют 37% и не одобряют 31% опрошенных. По результатам социологических исследований ИСЭРТ РАН в Вологодской области по уровню доверия граждан профсоюзы (29%) уступают судам (44%), прокуратуре (40%) и региональным органам исполнительной власти. Особым недоверием профсоюзы пользуются на селе, где лишь 19% жителей им доверяют, тогда как в крупных городах эта доля достигает 33%. Удельный вес населения, выражающего недоверие к профсоюзам, всё же уравнивается той его частью, которая это доверие сохраняет. Весьма симптоматично и то, что большая часть опрошенных (41%) сформулировать своё отношение к профсоюзам и вовсе затруднилась. Это свидетельствует об отсутствии связи между гражданами и профсоюзными организациями. Жители региона не слишком понимают, чем занимаются эти, казалось бы, близкие к человеку и широко распространённые общественные организации. Доверие к профсоюзам подрывает и распространённое мнение, что они действуют в согласии с органами власти, а не ведут с ними непримиримую борьбу. Профсоюзные лидеры и сами признают свою заинтересованность в решении сложных правовых вопросов мирными путями, достижении компромисса с властью» [4, с. 79–80].

Таким образом, картина предстает довольно удручающая, и усугубляется она ещё и тем фактом, что такое положение вещей, возможно, обусловлено культурно-историческими особенностями нашей страны. Связь социально-экономических и прочих институтов уже достаточно артикулирована в науке. В частности, гарвардские экономисты А. Алесина и П. Джулиано прямо анализируют взаимодействие культуры и формальных институтов. Учеными демонстрируется роль культуры в экономическом развитии, подчеркивается роль индивидуализма, кооперации, доверия, семейных связей, и различных форм регулирования общественных отношений, исследуются и сравниваются характеристики рынка труда и социальной политики. Исследователи выявляют эффекты обратной связи между культурой и институтами в разных контекстах и приходят к выводу об обусловленности существующих в данном обществе инсти-

тутов основными культурными установками [1]. Эта же детерминированность лежит в основе известной теории «зависимости от пройденного пути» (“path dependence theory”) и теории «культурной значимости» (“culture matters”), сформированных в западном общественном сознании.

В концепции «зависимости от пути» было разработано, в частности, понятие «критической траектории», с помощью которого описывается процесс реализации этой детерминации. В самом общем виде он предполагает наличие предшествующих условий, допускающих обусловленные варианты решений, которые в свою очередь формируют специфичную траекторию институционального развития и консолидации, плохо поддающуюся пересмотру. Характерно, в то же время, что такой путь предполагает и определенные выгоды для избирающей его социальной системы (общества или личности). В частности, он минимизирует трату ресурсов, сохраняет определенную устойчивость положения, и тем самым способствует дальнейшему усилению данной траектории, укреплению сил, поддерживающих решения такого рода. В политике и экономике, как показано, в частности, С. Пейджем, П. Пирсоном и др., эти выгоды включают в себя как политический капитал (влияние), так и вполне материальный аспект, за счет увеличения доходов заинтересованных групп [20; 21].

В общественных науках концепция «зависимости от пути» часто перекликается с теорией «импринтинга», согласно которой любая социальная система формируется изначально под воздействием определенных факторов окружающей среды (в широком понимании данного термина), и затем демонстрирует склонность к воспроизводству сформированных качеств и реакций, несмотря на то, что условия среды могут уже давно измениться. Этот подход используется как для исследования институтов, так и для анализа особенностей организационного функционирования и развития [19].

В свою очередь, теория «культурной значимости» акцентирует внимание на культурной и исторической обусловленности институциональной преемственности и определенных состояний различных общественных сфер – экономики, политики, образования, и пр. [9].

С учетом указанных концептуализаций институционального развития характер, наполненность и особенности функционирования института профсоюзов в различных социокультурных реалиях представляются, в общем, достаточно логично разнообразными. В этом случае, однако, мы должны задаться вопросом – сохраняет ли институт профсоюзов в современном российском обществе свои генерические функции, и более того – обладал ли он этими функциями когда-либо вообще? Ответ на эти вопросы выходит за пределы задач данной статьи, но автор надеется в дальнейших своих работах рассмотреть его в деталях.

Таким образом, множественность исследовательских подходов, с одной стороны, говорит о неослабевающем исследовательском интересе к феномену профсоюзов вообще и особенностям их функционирования в российском обществе, в частности, с другой же стороны, эта «полиобъектность» указывает на все ту же известную неоднозначность роли профсоюзов в отечественных реалиях. С одной точки зрения, они представляют собой почти традиционный, вполне формализованный, призванный регулировать совершенно конкретную сферу общественных отношений социальный институт. С другой же точки зрения, функциональная аутентичность этого института в современной России вызывает серьезные сомнения. В любом случае, наличие социальной проблематичности в той или иной сфере говорит нам о том, что исследовательский интерес к ней не будет ослабевать ещё длительное время.

Список литературы

1. Алесина А., Джулиано П. Культура и институты // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 24–56.
2. Воробьева И.В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 17–26.
3. Ирхин Ю.В. Гражданское общество: современные проблемы анализа // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 6. С. 68–82.

4. Калашников К.Н., Шаров В.В. Трудовые отношения в России: между партнерством и конфронтацией // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 73–81.
5. Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Формируя национальный коллективный капитал: о прямом и косвенном участии граждан в воспроизводстве социально значимых благ // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 3–13.
6. Карелина М.В. Региональные профсоюзы в социальном диалоге // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 62–70.
7. Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 17–25.
8. Комаровский В.В. Социальный диалог в России // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 21–32.
9. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: МШПИ, 2002. 320 с.
10. Мартьянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 139–148.
11. Москвин Л.Б. Доверие как важнейшая предпосылка согласия в обществе // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты). М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 67–78.
12. Олимпиева И.Б. Профсоюзы на предприятиях современной России: возможности ребрендинга (Рецензия) // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 148–150.
13. Профсоюзы на предприятиях современной России: возможности ребрендинга / Под ред. И.М. Козиной. М., 2009. 156 с.
14. Социальное государство в контексте динамики политических отношений (Круглый стол) // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 163–202.
15. Трофимова И.Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68–75.

16. Цысина Г. Профсоюзы стран Запада сегодня // Общество и экономика. 2009. № 4. С. 227–246.
17. Hurley R.F., Gillespie N., Ferrin D.F., Dietz G. (2013) Designing Trustworthy organizations. *Sloan Management Review*. 54(4): 75–82.
18. Kramer R., Pittinsky T.L. (eds.) (2012) Restoring Trust in Organizations and Leaders: Enduring Challenges and Emerging Answers. Oxford University Press. 304 p.
19. Marquis C., Tilcsik A. (2013) Imprinting: Toward A Multilevel Theory. *Academy of Management Annals* 7(1): 193–243.
20. Page S.E. (2006) Path dependence. *Quarterly Journal of Political Science*. Now Publishing Inc. 1 (1): 88–99.
21. Pierson P. (2000) Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *American Political Science Review*, Vol. 94, No. 2: 251–267.

References

1. Alesina A., Dzhuliano P. Kul'tura i instituty [Culture and Institutes]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], no 11 (2016): 24–56.
2. Vorob'yeva I.V. Protivorechiya i paradoksy politicheskikh oriyentatsiy v strukture zhiznennogo mira rossiyan [Contradictions and paradoxes of political orientations in the structure of the vital world of Russians]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 1 (2016): 17–26.
3. Irkhin Y.V. Grazhdanskoye obshchestvo: sovremennyye problemy analiza [Civil Society: Contemporary Problems of Analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Socio-Humanitarian Knowledge], no 6 (2016): 68–82.
4. Kalashnikov K.N., Sharov V.V. Trudovyye otnosheniya v Rossii: mezhdunarodnoye partnerstvo i konfrontatsiyey [Labor relations in Russia: between partnership and confrontation]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 4 (2017): 73–81.
5. Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. Formiruyaya natsional'nyy kollektivnyy kapital: o pryamom i kosvennom uchastii grazhdan v vosproizvodstve sotsial'no znachimykh blag [Forming the national collective capital: the direct and indirect participation of citizens in the reproduc-

- tion of socially significant goods]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 12 (2016): 3–13.
6. Karelina M.V. Regional'nyye profsoyuzy v sotsial'nom dialoge [Regional trade unions in social dialogue]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 3 (2005): 62–70.
  7. Karmadonov O.A. Normy i empatiya kak faktory sotsial'nykh preobrazovaniy [Norms and empathy as factors of social transformations]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 4 (2012): 17–25.
  8. Komarovskiy V.V. Sotsial'nyy dialog v Rossii [Social dialogue in Russia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no 1 (2006): 21–32.
  9. Kul'tura imeyet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture matters: How Values Shape Human Progress]. Eds. L. Harrison, S. Huntington. Moscow, 2002. 320 p.
  10. Mart'yanov V.S. Sotsial'naya stratifikatsiya sovremennykh obshchestv: ot ekonomicheskikh klassov k rentnym gruppam? [Social stratification of modern societies: from economic classes to rent groups?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 10 (2016): 139–148.
  11. Moskvina L.B. Doveriye kak vazhneyshaya predposylka soglasiya v obshchestve [Trust as the most important prerequisite of consensus in society] / Soglasiye v obshchestve kak usloviye razvitiya sovremennoy Rossii (politicheskiye i sotsial'nyye aspekty) [Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects)]. Moscow, 2011, pp. 67–78.
  12. Olimpiyeva I.B. Profsoyuzy na predpriyatiyakh sovremennoy Rossii: vozmozhnosti rebrandinga (Retsenziya) [Trade unions at the enterprises of modern Russia: the possibility of rebranding (Review)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 9 (2010): 148–150.
  13. Profsoyuzy na predpriyatiyakh sovremennoy Rossii: vozmozhnosti rebrandinga [Trade unions at the enterprises of modern Russia: the possibility of rebranding] / Ed. I. M. Kozina. Moscow, 2009. 156 p.
  14. Sotsial'noye gosudarstvo v kontekste dinamiki politicheskikh otnosheniy (Kruglyy stol) [Social state in the context of the dynamics of political

- relations (Round table)]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Socio-Humanitarian Knowledge], no 3 (2017): 163–202.
15. Trofimova I.N. Struktura i dinamika institutsional'nogo doveriya v sovremennom rossiyskom obshchestve [Structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no 5 (2017): 68–75.
16. Tsysina G. Profsoyuzy stran Zapada segodnya [Trade Unions of Western Countries Today]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], no 4 (2009): 227–246.
17. Hurley R.F., Gillespie N., Ferrin D.F., Dietz G. (2013) Designing Trustworthy organizations. *Sloan Management Review*. 54(4): 75–82.
18. Kramer R., Pittinsky T.L. (eds.) (2012) Restoring Trust in Organizations and Leaders: Enduring Challenges and Emerging Answers. Oxford University Press. 304 p.
19. Marquis C., Tilcsik A. (2013) Imprinting: Toward A Multilevel Theory. *Academy of Management Annals* 7(1): 193–243.
20. Page S.E. (2006) Path dependence. *Quarterly Journal of Political Science*. Now Publishing Inc. 1 (1): 88–99.
21. Pierson P. (2000) Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *American Political Science Review*, Vol. 94, No. 2: 251–267.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Аносов Сергей Сергеевич, председатель первичной профсоюзной организации студентов
Иркутский национальный исследовательский технический университет
ул. Лермонтова, 83, г. Иркутск, 664074, Российская Федерация
anosov_ss@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anosov Sergey Sergeevich, Leader of the Students' Union
Irkutsk National Research Technical University
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation
anosov_ss@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ
ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ФОЛЬКЛОРНЫЙ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРСЫ И ИХ
АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРАКТИВНОЙ КАРТЫ**

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А. 7

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
РАССКАЗЧИКА В КОНТЕКСТЕ МЕМОРАТА

Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмутьская Л.С. 23

ТАЙГА КАК МАРКЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПРОЗЕ А.М. БОНДАРЕНКО

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. 41

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Мазурова Н.А., Бахор Т.А., Зырянова О.Н. 52

ФОРМИРУЮЩАЯСЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ
ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

**Мамаева С.В., Веккесер М.В., Славкина И.А.,
Шмутьская Л.С. 66**

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ – ЖИТЕЛЯ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

**Славкина И.А., Шмутьская Л.С., Мамаева С.В.,
Веккесер М.В. 81**

ОТРАЖЕНИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВАХ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

- Шмульская Л.С., Славкина И.А., Мамаева С.В.,
Веккесер М.В.** 96

**ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА:
КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЖАНРА

- Тулякова Н.А.** 114

РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭНТРОПИЙНОСТЬ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНОВ «МЫ»
Е. ЗАМЯТИНА И «ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА» Г. УЭЛЛСА

- Долженко С.Г., Корбан П.А.** 126

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

ФРАНЦУЗСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Гишкаева Л.Н., Сорокина Л.С.** 138

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ПАРЕМИОЛОГИИ
И ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Черкесова З.В.** 153

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

- Виниченко И.В.** 162

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

КОНОКРАДСТВО КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ
ЯВЛЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ БАШКИРИИ: ОПЫТ ИСТОРИИ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Галиева Ф.Г. 178

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ
НАКАНУНЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 г.

Емельянова Е.Н. 197

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Рыжонина Н.А., Лыгина М.А. 212

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ОТКРЫТОЕ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАК АЛЬТЕРНАТИВА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ

Алексеев Д.В. 225

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

ПРОФСОЮЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аносов С.С. 244

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 262

CONTENTS

**REGIONAL IDENTIFICATION AND SELF-IDENTIFICATION
OF THE RESIDENTS OF THE YENISEI SIBERIA: FOLKLORE, ETHNOGRAPHICAL,
LINGUOCULTUROLOGICAL AND LITERARY TYPES OF DISCOURSE AS WELL
AS THEIR ACTUALIZATION BY MEANS OF THE INTERACTIVE MAP**

THE REFLECTION OF REGIONAL SELF-IDENTIFICATION
IN AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE YENISEI
SIBERIA AUTHORS

Bakhor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A. 7

REGIONAL AUTHORS SELF-IDENTITY DEMONSTRATION
IN MEMORIAL CONTEXTS

Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S. 23

TAIGA AS A REGIONAL IDENTITY MARKER IN THE PROSE
BY A.M. BONDARENKO

Zyryanova O.N., Bakhor T.A., Mazurova N.A. 41

IMAGE OF SPACE IN THE PROSE BY WRITERS
OF THE YENISEI SIBERIA

Mazurova N.A., Bahor T.A., Zyryanova O.N. 52

LINGUISTIC PERSONALITY UNDER FORMATION
AS AN OBJECT OF IDENTIFICATIONAL LINGUOPERSONOLOGY

**Mamaeva S.V., Vekkesser M.V., Slavkina I.A.,
Shmul'skaya L.S. 66**

REFLECTION OF REGIONAL SELF-IDENTIFICATION
IN THE SPEECH BEHAVIOUR OF THE INDIVIDUAL LINGUISTIC
PERSONALITY – THE RESIDENT OF THE SIBERIAN PROVINCE

**Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S., Mamayeva S.V.,
Vekkesser M.V. 81**

REFLECTION OF SELF-IDENTIFICATION
IN THE REGIONAL PRINTED MASS MEDIA

**Shmulskaya L.S., Slavkina I.A., Mamayeva S.V.,
Vekkesser M.V.** 96

**LITERARY THEORY. TEXTOLOGY.
FOLKLORE STUDIES**

LITERARY LEGEND: A COGNITIVE MODEL
OF THE GENRE

Tuliakova N.A. 114

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

THE ENTROPY OF THE MAIN CHARACTERS
OF THE NOVELS "WE" BY YEVGENY ZAMYATIN
AND "THE INVISIBLE MAN" BY HERBERT WELLS

Dolzhenko S.G., Korban P.A. 126

**COGNITIVE LINGUISTICS
AND LINGUOCULTURAL STUDIES**

FRENCH RELIGIOUS DISCOURSE AND ITS ROLE
IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

Gishkaeva L.N., Sorokina L.S. 138

EVOLUTION OF THE CONCEPT «ЖЕНЩИНА»
(WOMAN) IN PAREMIOLOGY AND PHRASEOLOGY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Cherkesova Z.V. 153

NATIONAL HISTORY

HISTORICAL PRACTICE OF TRANSFORMATION
WOMAN IMAGE IN THE SOVIET SOCIETY

Vinichenko I.V. 162

**ARCHAEOLOGY, ETHNOLOGY, ETHNIC STUDIES
AND HISTORICAL ANTHROPOLOGY**

- THE HORSE-STEALING AS A SOCIAL PHENOMENON
BY THE EXAMPLE OF BASHKIRIA: EXPERIENCE
OF HISTORY IN THE CONTEXT OF MODERNITY
Galieva F.G. 178

**HISTORIOGRAPHY. HISTORY OF SCIENCE
AND TECHNOLOGY. SOURCE STUDIES**

- THE FOREIGN POLICY OF THE BOLSHEVIKS
ON THE EVE OF THE PARIS PEACE CONFERENCE OF 1919
Emelyanova E.N. 197

SOCIAL PHILOSOPHY

- ROLE OF SOCIAL CONSCIOUSNESS IN SOCIO-CULTURAL
DETERMINATION OF PERSONAL CONSCIOUSNESS
Ryzhonina N.A., Lygina M.A. 212

YOUNG SCIENTIST

- OPEN PLURALISTIC SOCIETY AS ALTERNATIVE
TO MULTICULTURALISM
Alekseev D.V. 225

SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS

- THE TRADE UNIONS IN TODAY'S RUSSIA:
SOME DIRECTIONS OF RESEARCH
Anosov S.S. 244

- RULES FOR AUTHORS** 262

Подписано в печать 29.09.2017. Дата выхода в свет 23.10.2017. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,52. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP93/017. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.